

ISSN 0042-8779

ИВЛ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

10

2018

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

10/2018 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Хроника Великой Победы (1941—1945 гг.)..... 3

СТАТЬИ

А.М. Васильев, Е.А. Елькина — Раздел вод Нила: взгляд
через призму истории 20

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

А.Э. Котов, И.В. Петров — Архиепископ Николай Лейсман 29

СООБЩЕНИЯ

Г.Г. Хмуркин — Реальное число жертв изъятия церков-
ных ценностей в 1922—1923 гг. 40

В.А. Зубачевский — Планы Белого движения и Польши
в Центрально-Восточной Европе (конец 1918 — начало
1920 г.) 52

В.В. Волков — Заработная плата русских рабочих в кон-
це XIX — начале XX в. 67

П.С. Гребенюк — Историко-географические образы на
Северо-Востоке России (конец XVII — начало XXI в.) 90

Выходит
с 1926 года

ООО
ЖУРНАЛ
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
Москва

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ ИСТОРИИ

П.А. Искендеров — Брестский мир в кольце фронтов 105

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

М.В. Третьяков — Деятельность магаданской отдельной авиагруппы (управления) гражданской авиации в 1966—1970 гг. 114

Е.С. Данилко — Общие закономерности проникновения старообрядчества в нерусскую среду на территории Урало-Поволжья 121

Н.А. Жиров — Переселенческое движение крестьянства аграрного центра России в конце XIX — начале XX в. (по материалам Орловской губернии) 130

А. Мехтиев — Нефтяной фактор в истории Азербайджана 138

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

А.А. Машковцев, В.В. Машковцева — Конфессиональная политика правительства Николая I в отношении старообрядцев и духовных христиан (по материалам Вятской губернии) 145

ИСТОРИОГРАФИЯ

А.С. Иванов, Н.А. Михалёв — Этнические депортации населения СССР в современной зарубежной историографии 162

Хроника Великой Победы (1941—1945 гг.)

Первые сражения (22 июня 1941 г.)

Аннотация. Документы, представленные в настоящей подборке, охватывают период с июня по июль 1941 г. и находятся в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации. Это разведывательная сводка штаба Западного фронта № 1 к 20 час. 22 июня 1941 г., оперативная сводка штаба Западного фронта (Минск) к 22 час. 22 июня 1941 г., а также приказ войскам Прибалтийского особого военного округа № 0052 от 15 июня 1941 г. (Рига).

Ключевые слова: СССР, Великая Отечественная война, Красная армия, вторая мировая война, Германия, нацизм, Министерство обороны Российской Федерации.

Abstract. The documents under examination are related to June-July of 1941. They are presented by Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation. Among them: Intelligence summary of the Headquarters of the Western Front № 1 by 20:00 June 22, 1941; Operational summary of the Headquarters of the Western Front (Minsk) by 22:00 June 22, 1941; Order to the troops of the Baltic special military district № 0052 (June 15, 1941, Riga).

Key words: USSR, Great Patriotic War, Red Army, World War II, Germany, Nazism, Ministry of Defense of Russian Federation.

Нападение нацистской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. стало неожиданным для командующих подразделениями Красной армии в приграничных регионах, и наибольший ущерб в этих условиях понесли авиация, а также танковые части, которым приходилось вступать в бой фактически «на марше». О драматизме ситуации свидетельствуют первые сводки по округам. В частности, разведывательная сводка штаба Западного фронта № 1 по состоянию на 20 час. 22 июня 1941 г. «О действиях противника против войск Фронта» гласила:

«Первое. С рассветом 22.6.41 г. немецкие войска в составе до 30—32 пехотных дивизий, 4—5 танковых дивизий, двух моторизованных дивизий, 4—5 авиационных полков, десантной дивизии, 40 артиллерийских полков перешли в наступление против Западного фронта.

Публикацию подготовил П.А. Искендеров.

Продолжение. Начало см.: Вопросы истории. 2018, № 5—9.

Второе. На восточно-прусском направлении в границах справа — Сувалки, Хайльсберг, слева — Щучин, Найденбург противник силою до пяти — шести пехотных дивизий, двух моторизованных дивизий, двух танковых дивизий, десяти артиллерийских полков ударом в направлении Гродно к 20 часам овладел: Пальница, Новоселки, Новы Двур, Гута, Граево, Кольно, Стависки; 2-я стрелковая дивизия отходит в район Осовец.

16 часов 20 минут Нача (предположительно с 10 часов 52 минут) — с 20 самолетов опустили до 400—500 парашютистов.

17 часов 45 минут Радунь с 17 самолетов — 300—500 парашютистов, [в] районе Марцинконис (Марцинканце) — незначительная группа.

В направлении Марцинконис (Марцинканце), Нача в стыке с левофланговой армией Северо-Западного фронта прорвалось до двух танковых и двух моторизованных дивизий.

Третье. На млавском направлении (граница слева — Малкниня-Гурна, Закрочим) противник силою до 7 пехотных дивизий, одной танковой дивизии достиг рубежа Стависки, Ломжа, Снядово, Цехановец и сдерживается частями 5-го стрелкового корпуса. В районе Ломжа контратакован 6-й кавалерийской дивизией, отходил в западном направлении.

В 10 часов одной танковой дивизией, овладев районом Цехановец, продвигается в восточном направлении. Части 6-го и 13-го механизированных корпусов ведут бой с танковыми частями противника в районе Боцьки, Браньск (Брянск).

Четвертое. Варшавское направление (граница слева — Влодава, Демблин). Противник в районе Семятичи, Брест, форсировав р. Зап. Буг, к 17 часам 30 минутам вел бой [в] районе Семятичи и, овладев Брестом, продвигается в направлении Жабинка.

До двух танковых дивизий противника к 17 часам 30 минутам, достигнув рубежа Браньск, Боцьки, ведут бой с частями 6-го и 13-го механизированных корпусов.

Военно-воздушные силы противника в период 4 часа — 6 часов 30 минут группами бомбили Гродно, Лиду, Белосток, Цехановец, Волковыск, Бельск-Подляски и аэродром Борисовщина.

8 часов 10 минут 30 самолетов бомбардировали Кобрин.

9 часов 56 минут — 13 часов 20 минут группы до 10 самолетов бомбардировали Кобрин.

11 часов 35 минут 8 самолетов — ДО-17 бомбардировали Волковыск, Косово.

В течение дня 22.6.41 г. Гродно, Лида подвергались методической бомбардировке через каждые 5—10 минут, главным образом аэродромы. Разрушены мост и электростанция Гродно.

В воздушном бою 11 часов 20 минут в районе Черлена сбито 4 самолета ДО-215. 19 часов 5 минут подвергся бомбардировке эшелон, следовавший из Волковыск на Слоним.

Сбито 2 самолета ДО-17, 5 самолетов ДО-215, 4 самолета “Мессершмидт-109”.

Вывод: 1. Противник, имея значительное превосходство в воздухе, при взаимодействии авиации, танковых и парашютных частей стремится овладеть районом Лида, для обеспечения высадки воздушного десанта в тылу основной группировки Западного фронта концентрическими ударами в направлении Гродно и в северо-восточном направлении на Волковыск отрезать основные коммуникации.

2. Устанавливается всеми видами разведки:

а) дальнейшее продвижение сувалковской и брестской группировок противника; особое внимание обращается на стыки с Прибалтийским и Киевским фронтами;

б) состав, нумерация действующих частей и подход оперативных резервов в район Летцен (Гижицко), Сувалки, Млава, Остроленка, Варшава, Лукув».

Центральный архив Министерства обороны,
ф. 208, оп. 3038сс, д. 15, л. 1—3.

Оперативная сводка, подготовленная штабом Западного фронта в Минске к 22 час. первого дня войны, рисовала картину еще более ожесточенных боев на фоне отсутствия достоверных данных по многим подразделениям Красной армии:

«Первое. Части Западного фронта в течение дня 22.6.41 г. вели сдерживающие бои и, оказывая упорное сопротивление превосходящим силам противника, к 17 часам отошли на рубеж Келбасин, Домброва, Осовец, Граево, Кольно, Ломжа, Петрово, Чижово, западнее Бельска.

Наиболее сильные удары противника направлены на Гродно и Бельск, где противник применяет танковые части.

Второе. 3-я армия. Части 3-й армии, сдерживая превосходящие силы пехотных и танковых частей противника, к 17 часам отошли:

56-я стрелковая дивизия — одним полком вела бои южнее Гожа (Хоза), имея перед собой мотопехоту; вторым полком вела бои с пехотой и танками противника за Наумовичи, Богатыри и третьим полком на рубеже Липск, Домброва (данные на 9 часов). Дальнейшее направление отхода полка не установлено.

Командующий 3-й армией доложил, что дивизии почти не существует.

85-я стрелковая дивизия занимает оборонительный рубеж по восточному берегу о. Лососна на участке Гродно, Беяны, имея один полк в районе Малаховиче.

27-я стрелковая дивизия на 13 часов оборонялась на рубеже Августов, Граево. Более поздних данных не поступило.

29-я танковая дивизия атаковала противника в направлении Сопоткин, приостановила наступление противника и к 13 часам 45 минутам вела бои в районе Лабно (Лабно-Огородники).

Штаб армии — в лесу южнее Путришки.

Третье. 10-я армия в течение дня вела сдерживающие бои и к 17 часам 40 минутам занимает фронт Гонендз, Осовец, Нова-Весь и предположительно Вонсош, Малы-Плоцк, восточный берег р. Нарев, ст. Снядово, Просеница, Чижев-Сутки, Кучин северо-восточнее Цехановец.

2-я стрелковая дивизия занимает оборону на рубеже Гонендз, Осовец, Нова-Весь, имея передовые части на рубеже Руда 6 км юго-восточнее Граево, Окул, Опартово. Передовые части отходят.

8, 13, 86-й и 113-й стрелковых дивизий — сведений в течение дня не поступило.

1-й стрелковый корпус — предположительно на рубеже Вонсош, устье р. Гаць.

Штаб корпуса — Визна.

6-й кавалерийский корпус — южнее Ломжа.

5-й стрелковый корпус (13, 86, 113-я стрелковые дивизии) — предположительно на рубеже ст. Снядово, Кучин. Положение 113-й стрелковой дивизии не выяснено.

Штаб корпуса — Замбров.

13-й механизированный корпус в районе 6 км западнее Браньск. Механизированный корпус материальной частью не укомплектован.

6-й механизированный корпус в течение дня вел разведку, до 17 часов 40 минут в боях не участвовал и занимал район Хорощ, Бацюты, Сураж.

Штаб корпуса — Белосток был бомбардирован, имеются убитые и раненые.

Мотодивизиям поставлена задача подготовить оборонительный рубеж по восточному берегу р. Нарев на фронте Жулки, Сураж.

Данных о положении частей на левом фланге армии нет.

155-я стрелковая дивизия в 12 часов 40 минут получила приказ выступить из района Барановичи в район Волковыск.

Штаб армии — лес у Старосельце, западнее Белосток.

Четвертое. Части 4-й армии вели оборонительные бои предположительно на рубеже Мельник, Брест, (иск.) Влодава. К 17 часам под натиском превосходящих сил противника правый фланг армии отошел.

28-й стрелковый корпус — 49-я стрелковая дивизия — сведений в течение дня не поступило.

42-я стрелковая дивизия к 13 часам была в районе Чернавчицы, Черни 10 км северо-восточнее Бреста, имея задачу прикрыть с северо-запада разрыв между 49-й стрелковой дивизией.

6-я стрелковая дивизия к 15 часам отходила от Брест на Жабинка.

75-я стрелковая дивизия — есть данные только о штабе дивизии, что он находится [в] Малорита.

14-й механизированный корпус к 15 часам в районе Жабинка, его 205-я моторизованная дивизия в районе Запруды, Береза (Береза Картуска) готовит оборонительный рубеж по р. Муховец.

Штаб 4-й армии в 16 часов — Запруды.

Пятое. Авиация противника в течение дня бомбардировала Гродно, Белосток, Бельск-Подляски (Бельск), Брест, Новы-Двур, Лунно, Волковыск, Кобрин, Лида, Береза, Пинск. Особо сильной бомбардировке подвергся Гродно.

Противник в течение дня выбросил воздушные десанты в районах: восточнее Белосток — 17 человек, Браньск, Б. Берестовица (Велько-Берестовица) — 10 человек, Радунь, Нача — численностью до 1000 человек. Против последнего выслан полк истребительной авиации и полк бомбардировочной авиации.

Шестое. В течение дня связь с армиями работала с большими перебоями.

Седьмое. Оперативных сводок за день боя от армий к 19 часам 30 минутам не поступало.

Данных о потерях и трофеях нет».

Многие из указанных в вышеприведенных сводках проблем в организации оборонительных боев Красной армии были вскрыты еще за несколько недель и даже месяцев до начала войны. Однако они не были устранены в силу ряда объективных и субъективных причин, хотя соответствующие требования на уровне высшего командования были поставлены. В частности, приказ войскам Прибалтийского особого военного округа №0052 от 15 июня 1941 г. (г. Рига) за подписью командующего войсками округа генерал-полковника Ф.И. Кузнецова гласил:

«Содержание. По обеспечению боевой готовности войск округа.

Проверка боевой готовности частей округа показала, что некоторые командиры частей до сего времени преступно не уделяют должного внимания обеспечению боевой готовности и не умеют управлять своими подразделениями и частями.

Оповещение подразделений, особенно находящихся на учениях или работах, в 90-й стрелковой дивизии совершенно не отработано. Сбор по тревоге частей дивизии выполняется неправильно — выстраиваются целые полки на плацу и стоят на месте. Сбор происходит медленно, неорганизованно и без управления. Со сборной площадки полки вытягиваются по одной узкой дороге. При движении создаются пробки.

Готовность бойцов 90-й стрелковой дивизии плохая — ранцы не укомплектованы, воды во флягах нет, снаряжение не подогнано.

Материальная часть полностью не выводится — в 286-м стрелковом полку осталось в лагере одно орудие полковой артиллерии, 4 орудия противотанковой батареи, один миномет, а в 149-м гаубичном артиллерийском полку было оставлено 8 орудий.

Распределение продуктов на суточные дачи в 286-м стрелковом полку не произведено, и бойцы суточной дачи на руках не имеют.

Подразделения, уходя на работу на десятки километров от расположения лагеря, полностью своего оружия и боевых патронов в опечатанных ящиках с собой не берут, младшие командиры в районы работ выходят без оружия (2-й батальон 286-го стрелкового полка). Командиры частей и подразделений 90-й стрелковой дивизии своих районов действий не изучили. Налицо преступная халатность и легкомыслие старших начальников.

На двустороннем учении частей 125-й стрелковой дивизии выявлена слабая боевая подготовка 466-го стрелкового полка и других частей 125-й стрелковой дивизии. Взаимодействие родов войск и управление безобразно низкое. Командный состав не умеет ориентироваться на местности. Ночью блуждает, не умеет управлять, бежит по полю боя вместо посыльных. Командир полка майор Гарипов лично сам искал более двух часов заблудившийся авангардный батальон. Своевременно боевой приказ полку не отдал. Никто из командиров подразделений боевой задачи от командира полка не получал, поэтому полк не был готов своевременно начать выполнение боевой задачи. Командный состав не отработал действия блокировочных групп и не умеет организовать наблюдение за полем боя. Особенно плохо организуется и ведется разведка.

Оборона при наличии в районе частей дивизии дотов и дзотов плохо отработана. Подразделения не умеют прикрыть доты и дзоты от захвата их противником. Особенно плохо готовится ночная оборона. Полевые карау-

лы и секреты в ночное время в район расположения противотанковых препятствий и проволоки не выслаются. Доты для ночной стрельбы не приспособлены и в ночное время бездействуют. Связь с гарнизонами дзотов не устанавливается, и их действиями никто не руководит.

Подготовка командного состава в частях 90-й стрелковой дивизии в течение мая-июня месяцев не проводилась. Непосредственно виновен в этом командир дивизии полковник Голубев, который допустил грубую ошибку. Надо твердо понять, что участие стрелковых батальонов на оборонных работах дает командирам частей и подразделений возможность больше заниматься своей личной подготовкой и проводить большее количество командирских занятий, чем это установлено.

Указанные ошибки в действиях командиров частей и соединений показывают, что немалое количество командиров живет и работает старыми порочными методами, совершенно не понимая современной международной обстановки, не понимая главного, что именно сегодня, как никогда, мы должны быть в полной боевой готовности. Этому многие командиры не понимают. Но это надо всем твердо и ясно понять, ибо в любую минуту мы должны быть готовы к выполнению любой боевой задачи.

Подготовку проводить без шума, спокойно, скрытно, но работать надо день и ночь, ночь и день. Всегда быть в полной боевой готовности. Каждый командир должен знать свою позицию, подготовить ее и быть в полной готовности разбить на этой позиции любого врага.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Командующему армией лично с командирами дивизий провести занятие на местности по выполнению моей директивы. К 22 июня каждый командир дивизии должен выработать решение на местности, которое командующему армией утвердить и за каждую дивизию донести

2. Командирам корпусов провести учение на местности с каждым командиром полка по выполнению решения, принятого командиром дивизии, к 24.6.41 г.

3. Командирам дивизии провести учение на местности с каждым командиром батальона, дивизиона к 28.6.41 г.

4. На учения выходить группами, не более 3—4 человек, не показывая гражданскому населению и военнослужащим цели учения. Задача учения — по выработанному решению старшего начальника занятие местности для упорной обороны. Главное — уничтожить пехоту противника, укрыть свои войска от авиации, танков и артиллерийского огня противника.

5. Установку противотанковых мин и проволочных заграждений перед передним краем укрепленной полосы готовить с таким расчетом, чтобы в течение трех часов минное поле было установлено, для чего: в каждом полку провести показательные занятия с командирами и красноармейским составом саперных взводов и предусмотреть привлечение, по мере необходимости, саперных батальонов, работающих в полосе укрепленных районов по плану, утвержденному командующим армией.

6. Проволочные заграждения начать устанавливать немедленно, в первую очередь перед передним краем полосы [обороны] дивизии, и по окончании развивать установку проволочных заграждений в глубине полосы дивизии. Командующему армией лично принять решение о прикрывании стыка.

7. Подготовить постановку завалов по плану командующего армией, для чего наметить деревья, направление их укладки, подготовку проволоки для обвязывания завалов, подготовить противотанковые и противопе-

хотные мины для закладки их впереди завалов, между завалами и своими окопами.

8. Командиру дивизии разработать план обороны своей полосы, для чего:

а) подготовить по две огневые позиции для каждого орудия, миномета и пулемета — основную и запасную, сначала основную;

б) произвести планировку окопов для пехоты;

в) наметить линии связи и установить точное место командных пунктов до батальона — дивизиона включительно — основной и запасный;

г) особое внимание обратить на организацию огня артиллерии.

Основной закон — на любом направлении, где надо ожидать появление танков противника, должен быть дан огонь массы орудий.

Для этого подготовить маневр колесами и маневр огнем;

д) перемещение огневых позиций корпусной, дивизионной, полковой и батальонной артиллерии, перемещение огневой позиции каждого орудия, каждого пулемета, каждого миномета на новую позицию проводить быстро по заранее разведанному и подготовленному маршруту как днем, так и ночью;

е) каждое орудие, каждый миномет и пулемет подготовить для стрельбы днем и ночью;

ж) огневые позиции для каждой батареи артиллерии и минометов утвердить командиру дивизии с расчетом массировать огонь, где он нужен будет по обстановке. Командиры батальонов, дивизионов и рот должны каждый знать свою позицию.

Огневые позиции пулеметов и минометов наметить командирам батальонов. Командирам полков утвердить их и подготовить необходимые средства для устройства этих позиций. Командиры батальонов, дивизионов, рот, батарей должны точно знать свои позиции и пути скрытного подхода к ним. Изучение проводить скрытно под руководством командиров полков;

з) как только будут заняты позиции, особое внимание обратить на закапывание всех видов вооружения и живой силы глубоко в землю. В состав охранения наметить наиболее энергичных, стойких командиров и политработников.

Наметить позиции секретов ночных дозоров.

9. Научить и заставить штабы всегда знать положение своих войск и противника, уметь снабжать свои войска всем необходимым для боя, иметь действующую связь, в особенности с пограничными заставами, контролировать постоянно выполнение войсками своих задач. Командирам соединений и частей повысить требовательность к качеству работы штабов, конкретно руководить их работой, учить и воспитывать каждого командира штаба. Особое внимание обращаю на то, что у некоторых командиров соединений начальники родов войск и служб не работают, распускаются и деквалифицируются только потому, что командиры ими вовсе не руководят или руководят плохо.

10. Тщательно разработать план противовоздушной обороны.

Во-первых, надо укрыть в любой обстановке свои войска от удара авиации противника.

На марше, при расположении на месте каждой части всегда быть готовой к быстрому рассредоточению, маскировке и прикрытию себя огнем.

Во-вторых, при занятии позиции всегда иметь ложные огневые точки в стороне от действующей.

11. Отработать охранение в любой обстановке ночью. Разработать план ведения разведки.

12. Учитывая, что попадание авиационной бомбы может лишить сразу полк огнеприпасов на целый день, патроны, снаряды, горючее укрывать в земле.

13. Каждый командир должен быть проникнут одной мыслью, что при всех способах, какие бы противник ни попытался применить, чтобы сломать нашу силу, при всех условиях противник должен быть и будет разгромлен.

Твердо воспитывать красноармейцев и начальствующий состав, чтобы никто в самой тяжелой обстановке не поддавался панике. Панику пресекать самыми суровыми мерами.

Высокая боевая стойкость войск, личный пример командира и политработника, умелое руководство боем — не разбрасывать силы, не тратить зря ни одного патрона, ни одного снаряда, но уничтожить врага массой меткого прицельного огня — это главная задача, которую должен уяснить каждый красноармеец, командир и политработник.

14. Надо твердо понять, что ошибки в действиях одного человека, особенно когда этот человек является командиром, могут стоить много крови. Поэтому обеспечение полной и быстрой боеготовности соединений, частей и подразделений, умение постоянно твердо держать в руках свои части и подразделения — это главная задача для каждого командира.

15. Всему начальствующему составу надо твердо знать метод, который может противник применить для того, чтобы дезорганизовать управление нашими войсками. В чем будет состоять этот метод?

Надо учесть, что на узлах связи работают слабо проверенные люди, в числе которых могут быть шпионы, работающие на противника, поэтому с первого дня выхода дивизии (что будет выполнено только по особому моему приказу) в район своих действий все узлы связи на территории полосы дивизии — корпуса должны быть заняты связистами войсковых частей дивизии — корпуса.

В Бельгии немецкие офицеры и вообще участники 5-й колонны переодевались в форму французских и английских офицеров и, проникнув в тыл французских и английских частей, отдавали французским и английским частям и соединениям приказы, которые в корне нарушали план французского и английского командования.

16. Для того чтобы такого положения не было, надо твердо установить опознавательный сигнал старшего начальника для младшего и младшего для старшего. Отдавать устные приказы имеет право только прямой и непосредственный начальник. Никаких устных приказов не отдавать открытым текстом по телефону. Письменные приказы должны быть кратко написаны — что, где, кто, когда должен исполнять. Для этого крепко учить командиров на всех занятиях, чтобы каждый командир умел четко, быстро, правильно, ясно и правдиво донести что, когда, где, кто делает, что он знает, из каких источников; уметь ясно ставить подчиненному боевую задачу.

С первого часа боевых действий организовать охранение своего тыла, а всех лиц, внушающих подозрение, немедленно задерживать и устанавливать быстро их личность.

На поднятие бдительности, настороженности нужно постепенно и настойчиво, повседневно мобилизовать партийные, комсомольские организации, весь начальствующий состав, всех красноармейцев. Не шуметь вообще, а правдиво, ясно, кратко разъяснить эту задачу и потребовать выполнения бдительности по-настоящему. Беспечности, сонливому отношению к бдительности надо положить конец.

Каждый командир и каждый политический работник должен крепко понять, что сейчас надо работать не по дням, а по часам и делать то, для чего раньше затрачивали день, теперь это делать в течение часа и делать организованно, крепко, надежно.

17. Самолеты на аэродромах рассредоточить и замаскировать в лесах, кустарниках, не допуская построения в линию, но сохраняя при этом полную готовность к вылету.

Парки танковых частей и артиллерии рассредоточить, разместить в лесах, тщательно замаскировать, сохраняя при этом возможность в установленные сроки собраться по тревоге.

Сбор по тревоге всех частей и соединений организовать так, чтобы, соблюдая требования боевой готовности, не допускать крупных скоплений войск, линейных построений на открытых местах, в лагерях и у казарм.

Устанавливаю срок готовности по боевой тревоге с момента подачи сигнала для всех родов войск — 40 минут.

18. Каждый командир соединения, каждый командир части, подразделения должен быть командиром сильной воли, непреклонной настойчивости, командиром кипучей энергии.

На воспитание этих качеств и надо направить все внимание нашего командного состава.

19. Приказ полностью знать начальствующему составу до командира дивизии включительно. В развитие этого приказа никому письменных приказов и приказаний не отдавать.

Командующему армией, командиру корпуса и дивизии составить календарный план выполнения приказа, который полностью выполнить к 25 июня с. г.

План по выполнению этого приказа утвердить старшему начальнику».

Центральный архив Министерства обороны,
ф. 344, оп. 2459сс, д. 11, л. 30—36.

* * *

Chronicle of the Great Victory (1941—1945)

First battles (June 22, 1941)

The attack of Nazi Germany on the Soviet Union on June 22, 1941 was unexpected for the commanders of the Red Army units in the border regions, and the greatest damage in these conditions was suffered by aircrafts, as well as tank units, which had to engage in combat actually “on the road”. The drama of the situation is evidenced by first reports of the military commanders of the fronts. Intelligence summary of the Headquarters of the Western Front № 1 (20:00 June 22, 1941):

“First. On the dawn of 22.6.41 German troops, composed of up to 30—32 infantry divisions, 4—5 armored divisions, two motorized divisions, 4—5 air regiments, airborne division, 40 artillery regiments went on the offensive against the Western front.

Second. In East Prussian direction within the boundaries of the right — Suwaiki, Heilsberg, left — Shchuchyn, Neidenburg the enemy force to five or six infantry divisions, two motorized divisions, two tank divisions, ten artillery regiments by the stab in the direction of Grodno by 20 hours mastered Palenica, Novoselki, Nowy dwyr, Guta, Grajewo, Kolno, Stawiski; the 2nd infantry division moves to the area of Osowiec.

At 16 hours and 20 minutes. (probably since 10 hours 52 minutes) up to 400—500 parachutists dropped from 20 aircrafts.

At 17 hours and 45 minutes Radunj — 300—500 parachutists from 17 aircraft, in the area of Marcinkonys (Marcinkance) — minor group.

In the direction of Marcinkonys (Marcinkance), Nacha at the junction with left-flank army of the North-Western front two tank and two motorized divisions broke through.

Third. In Mlav direction (the border on the left — Malkninia Gyrna, Zakroczym), the enemy force of up to 7 infantry divisions, one tank division reached the milestone of Stawiski, Lomza, niadowo, Ciechanowiec, and is constrained by parts of the 5th infantry corps. In the area of Lomza it was counter-attacked by the 6th cavalry division and retreated to the West.

At 10 o'clock one tank division, having seized the area of Ciechanowiec, moving in an East direction. Part of the 6th and 13th mechanized corps are fighting against the armored units of the enemy in the area of Bożki, Bracsk (Bryansk).

Fourth. Warsaw direction (border on the left — Vlodava, Demblin). The enemy in the area of Semyatici, Brest crossed the Bug River and by 17 hours 30 minutes fought in the area of Semyatici and after capturing Brest, was advancing towards Zhabinka.

Up to two tank divisions of the enemy by 17 hours 30 minutes reached Bracsk, Bożki, fighting with units of the 6th and 13th mechanized corps.

Military-air forces of the enemy in a period of 4 hours — 6 hours 30 minutes bombed by groups Grodno, Lida, Biaiyastok, Ciechanowiec, Volkovysk, Bielsk Podlaski and airfield Borisovschina.

At 8 hours 10 minutes 30 planes bombarded Kobrin.

At 9 hours 56 minutes up to 13 hours and 20 minutes groups of up to 10 aircrafts bombarded Kobrin.

11 hours 35 minutes 8 aircrafts TO-17 bombarded Volkovysk, Kossovo.

During the day of 22.6.41 Grodno, Lida was subjected to serial bombardment every 5—10 minutes, mainly airfields. The bridge and power station in Grodno are destroyed.

In air combat at 11 hours 20 minutes in the area of Cherlen 4 aircrafts TO-215 were shot down. At 19 hours 5 minutes an echelon was bombed on the route from Volkovysk on Slonim.

The 2nd aircrafts TO-17, 5 aircrafts TO-215, 4 aircrafts “Messerschmidt-109” were shot down.

Conclusion: 1. The enemy, having a considerable superiority in the air, by interaction of air, tank and parachute parts seeks to capture the area of Lida to ensure the landing of paratroopers in the rear of the main group of the Western front with concentric attacks in the direction of Grodno and in the North-Eastern direction towards Volkovysk to cut off the main communication.

2. All types of intelligence are establishing:

a) further promotion of Suwalki and Brest enemy groups; special attention is drawn to the joints with the Baltic and Kiev fronts;

b) the composition, the numbering of the existing units and the approach of operating reserves in the area Letzen (Gihycko), Suwalki, Mlawa, Ostrolenka, Warsaw, Lukow”.

Central Archive of the Ministry of Defense,
f. 208, op. 3038ss, d. 15, l. 1—3.

Operational summary of the Headquarters of the Western Front (Minsk) by 22:00 June 22, 1941 showed even more fierce fighting in the absence of reliable data on many units of the Red Army:

“First. Part of the Western front throughout the day 22.6.41 were deter fighting and providing stubborn resistance to the superior forces of the enemy, by 17 o’clock withdrew to the line of Kielbasin, Dombrowa, Osoverts, Grajewo, Kolno, Lomzha, Petrovo, Chizhovo, to the West of Bielsk.

The strongest enemy attacks were aimed towards Grodno and Bielsk, where the enemy uses tanks.

Second. 3rd army. Part of the 3rd army, holding the superior forces of infantry and tank units of the enemy, by 17 hours departed:

The 56th infantry division was fighting by one regiment to the South of Gozha (Hoza) against the motorized infantry, the second regiment was fighting against infantry and tanks of the enemy at Naumovici, Bogatyry, and the third regiment at the line of Lipsk, Dabrowa (data for 9 o’clock). The future direction of withdrawal of the regiment is not established.

The commander of the 3rd army reported that the division is almost non-existent.

The 85th infantry division takes a defensive line along the Eastern shore of the Lososna Island on the site of Grodno, Bielany, having one regiment in the area of Malakhovich.

The 27th infantry division as for 13 o'clock defended at the line of Avgustov, Graevo. No further data was received.

The 29th tank division attacked the enemy in the direction of Sopotskin, suspended the offensive of the enemy and by 13 hours 45 minutes led the fighting in the area of Labno (Labno-Ogrodniki).

The headquarters of the army is in the forest to the South of Putrishki.

Third. The 10th army during the day was a deterrent to fighting and at 17 hours 40 minutes has a front of Goniandz, Osowiec, Nova Vesj, and presumably Wonsosh, Maly Plock, the Eastern Bank of the Narew River, railway station of Sniadowo, Prosenica, Cijev Sutki, Kuchin to the North-East of Ciechanowiec.

The 2nd infantry division takes defense on the line of Goniandz, Osowiec, and Nova Vesj, having a advanced part on the line of Ruda 6 km to the South-East of Grajewo, Okul, Opartowo. The vanguard units are retreating.

The 8th, 13th, 86th, and 113th rifle divisions — no information during the day.

The 1st rifle corps — presumably on the line of Vonsoszcz, the mouth of the Gacj River.

Corps headquarters — Visna.

The 6th cavalry corps — to the South of Lomzha.

The 5th rifle corps (13th, 86th, 113th infantry divisions) — presumably on the line of the railway station Sniadowo, Kuchin. The position of the 113th infantry division is not clear.

Corps headquarters — Zambrow.

The 13th mechanized corps in the area of 6 km to the West of Branjsk. The mechanized case is not equipped with the material part.

The 6th mechanized corps during the day made a reconnaissance, it did not participate in the fighting up to 17 hours and 40 minutes and occupied an area of Choroszcz, Bacuti, Surazh.

The headquarters of the corps — Bialystok was bombed, there are dead and wounded.

Motodevices tasked to prepare a defensive line along the Eastern Bank of the Narew River at the front of Zultki, Surazh.

Data on the location of parts on the left flank of the army is absent.

The 155th infantry division at 12 hours and 40 minutes, were ordered to act from the area of Baranovichi in the area of Volkovysk.

The headquarters of the army — forest near Starosielce, to the West of Bialystok.

Fourth. Parts of the 4th army fought defensive battles presumably on the line Melnik, Brest, Vlodava. By 17 o'clock, under the onslaught of superior enemy forces, the right flank of the army withdrew.

The 28th rifle corps — 49th rifle division — information during the day not received.

The 42nd infantry division by 13 hours was around Chernavchitsy, Cherny 10 km to the North-East of Brest, having the task to cover the north-western gap between the 49th infantry division.

The 6th infantry division by 15 o'clock departed from Brest to Zhabinka.

The 75th infantry division — there is evidence only about the headquarters of the division, that it is in Maloryta.

The 14th mechanized corps by 15 hours in area of Zhabinka, his 205th motorized division in the area of Zapрудy, Bereza (Bereza Kartuska) preparing a defensive line along the Mukhovets River.

The staff of the 4th army at 16 o'clock — Zaprudy.

Fifth. Enemy aircrafts during the day bombed Grodno, Bialystok, Bielsk Podlaski (Bielsk), Brest, Nowy Dwur, Lunno, Volkovysk, Kobrin, Lida, Bereza, Pinsk. Grodno was bombed particularly strongly.

The enemy during the day was thrown airborne forces in areas to the East of Bialystok — 17 people, Branjsk, B. Berestovitsa (Veljko Berestovitsa) — 10 persons, Radunj, Nacha — up to 1000 people. Against the latter a regiment of fighter aircrafts and a regiment of bomber aviation were sent.

Sixth. During the day, the connection with the armies worked very intermittently.

Seventh. Operational reports for the day of fight from the armies by 19 hours 30 minutes did not arrive.

There are no data on losses and trophies”.

Central Archive of the Ministry of Defense,
f. 208, op.10169ss, d. 7, l.1—4.

Many of the above-mentioned problems in the organization of defensive battles of the Red Army were discovered a few weeks and even months before the war. However, they were not eliminated for a number of objective and subjective reasons — although the relevant requirements at the high command level were set. The order to the troops of the Baltic special military district № 0052 (June 15, 1941, Riga) signed by commander of Baltic Special Military District Colonel General Fyodor Kuznetsov stressed:

“Content. To ensure the combat readiness of the district troops.

Check of combat readiness of parts of the district showed that some commanders of parts till now criminally do not pay due attention to ensuring combat readiness and are not able to operate the divisions and parts.

Warning units, especially those in the exercises or work in the 90th infantry division did not work out. Alarm collecting parts division is wrong — whole regiments lined up on the parade ground and stand still. Collection is slow, disorganized and without management. Teams leaving collection place are extruded along one narrow road. Traffic jams are created.

The readiness of soldiers of the 90th infantry division bad — packs are not stocked, water in flasks no, equipment is not customized.

The material part is not displayed fully: in the 286th infantry regiment remained in camp one weapon regimental artillery, 4 guns anti-tank battery, a mortar, and in the 149th howitzer artillery regiment were left 8 guns.

The distribution of products on daily packets in the 286th infantry regiment is not made, and soldiers do not have daily packets with them.

Units, going to work for tens of kilometers from the location of camp, not take with them all its weapons and live ammunition in sealed boxes, junior officers in the areas of works come out without weapons (the 2nd battalion of the 286th infantry regiment). The commanders of units of the 90th infantry division were not studied their areas of operation. There is criminal negligence and frivolity of senior managers.

Bilateral teaching parts of 125th infantry division identified the weak combat training of 466th infantry regiment, and other parts of 125th infantry division. The interaction of units as well as management are outrageously low. The command staff does not know how to navigate the terrain. It is wandering at

night, do not know how to manage, running around the battlefield instead of messengers. The regiment commander major Garipov himself was looking for more than two hours lost avant-garde battalion. Timely military order regiment not given. No commanders of the division did not receive combat task from the regimental commander, so the regiment was not ready for a timely start to combat. The command unit did not fulfill actions of blocking groups and is not able to organize supervision of the battlefield. Intelligence organization and completing are especially bad.

Defense in the presence of parts of the division of DOTs and bunkers in the district is poorly worked out. Units are not able to cover the DOTs and bunkers from their capture by the enemy. Night defense prepares itself especially bad. Field guards and secrets at night in the area of anti-tank obstacles and wire are not sent. DOTs for night shooting are not adapted and are inactive at night. Communication with the garrisons of the bunkers is not set, and for their actions no one is in charge.

Training commanders in parts of the 90th infantry division during May-June was not conducted. Directly responsible for this commander of a division Colonel Golubev, who made a grave mistake. We must firmly understand that the participation of infantry battalions in the defense work gives the commanders of units and divisions the opportunity to engage more in their personal training and conduct more commander's training than it is established.

These mistakes in the actions of the commanders of units and formations show that a considerable number of commanders live and work with old vicious methods, completely without understanding the current international situation, without understanding the main thing that today, more than ever, we must be in full combat readiness. Many commanders do not understand this. But this must be firmly and clearly understood, because at any moment we must be ready to carry out any combat mission.

Training is carried out without noise, quietly, secretly, but it is necessary to work day and night, night and day. Always to be on full alert. Each commander must know his position, prepare it and be fully prepared to break up any enemy in this position.

I GIVE THE ORDER:

1. Commander of army personally with commanders of divisions should carry out training on the ground on implementation of my directive. By June 22, each division commander should make a decision on the ground that the commander of the army has to approve and to inform each division;

2. Corps commanders should hold the field trainings with each regimental commander to implement the decision of the division commander, by 24.6.41;

3. Division commanders should hold the field trainings with each battalion and divisional units by 28.6.41;

4. To leave for exercises by groups of no more than 3—4 people, not showing objectives of the exercise to the civilian population and military. The objective of exercise is holding the ground for a stubborn defense by decision worked out by a senior officer. The main thing — to destroy the enemy infantry, hide own troops from aircrafts, tanks and artillery fire of the enemy.

5. The installation of anti-tank mines and wire fences in front of the line edge of the fortified strip should be prepared in such a way that within three hours the minefield was established, for what: in each regiment to hold ostentatious classes with commanders and the Red Army composition of sapper platoons and to provide for the involvement, as necessary, sapper battalions

working in the strip of fortified areas according to the plan approved by the army commander.

6. To begin to install wire fences barricades immediately, primarily in front of the front edge of the [defense] band of division, and at the end to develop the installation of wire barriers in the depths of the band division. Army commander should personally decide to cover the joint.

7. To prepare the formulation of the rubble according to the plan of commander of the army, which outline the trees, the direction of laying, preparation of wire for banding of debris, prepare anti-tank and anti-personnel mines to lay them in front of the rubble, among the rubble of their trenches.

8. Division commander should develop a plan for the defense of his band, for which:

a) to prepare two firing positions for each gun, mortar and machine gun – the main and the spare, first the main;

b) to make the layout of the trenches for the infantry;

c) to outline the lines of communication and to establish exact location of command posts for battalion/division – the main and emergency;

d) to pay special attention to the organization of artillery fire.

The basic law — in any direction where it is necessary to expect the appearance of enemy tanks, should be given fire by mass of the guns.

To prepare for this maneuver by wheels and maneuver by fire;

e) movement of firing positions of corps, division, regimental and battalion artillery, movement of a firing position of each weapon, each machine gun, each mortar on a new position should be carried out quickly according to reconnoitered and prepared in advance route both at day and at night;

f) every weapon, mortar and machine gun should be prepared for firing at day and at night;

g) fire positions for each battery of artillery and mortars should be approved by commander of a division with calculation to concentrate fire where it will be necessary according to the situation. Every commander of battalions, divisions and rots should know his position.

Fire positions of machine guns and mortars should be planned by commanders of battalions. Regimental commanders should approve them and prepare the necessary means for the device for those positions. Commanders of battalions, battalions, companies, batteries have to know their positions and the ways of the secretive approach to them. The study should be carried out covertly under the direction of regimental commanders;

h) as soon as positions are occupied, to pay special attention to the burial of all types of weapons and manpower deep into the ground. For the escort to identify the most energetic, persistent commanders and political instructors.

To map out positions of the secrets of the night's watch.

9. To teach and make staffs always know the position of their troops and the enemy, to be able to supply their troops with everything necessary for the battle, to have a working relationship, especially with the border outposts, to monitor constantly the performance by troops of their tasks. Commanders of formations and units should increase the demands for the quality of work of the headquarters, specifically guide their work, teach and educate each commander of the headquarters. I pay special attention to the fact that some commanders of the formations have chiefs of the branches of the armed forces and services who do not work, they are disbanded and disqualified only because the commanders do not lead them at all or lead them poorly.

10. To elaborate a plan of defense.

First, it is necessary to hide in any situation their troops from the enemy air strike.

On the route, at the location in the place every unit should always be prepared for rapid dispersal, camouflage and cover themselves with fire.

Second, during the occupation of a position it is always necessary to have false firing point at the distance from the current one.

11. To work out the guarding in any environment at night. To develop an intelligence plan.

12. Given that the hit of an air bomb can deprive a regiment of ammunition for the whole day, ammunition, shells, fuel should be hid in the ground.

13. Every commander needs to be imbued with one thought, that in all ways, no matter what the enemy tried to use to break down our strength, in all conditions, the enemy must and will be defeated.

To educate firmly the Red Army fighters and the commanding staff, so that no one in the most difficult situation did not panic. To stop panic by the most severe measures.

High fighting resistance of troops, a personal example of the commander and the political worker, the skillful management of fight — not to scatter forces, not to waste any cartridge, any shell, but to destroy the enemy by weight of well-aimed fire — that is the main task which each Red Army soldier, the commander and the political worker has to understand.

14. It must be firmly understood that mistakes in the actions of one person, especially when that person is a commander, can cost a lot of blood. Therefore, ensuring full and rapid combat readiness of formations, units, and branches, the ability to constantly hold firmly in the hands their formations and units — this is the main task for each commander.

15. All personnel must be fully aware of the method that can be applied by the enemy in order to disrupt the management of our troops. What will this method consist of?

We must remember that at link nodes work poorly proven people, among which may be spies, working for the enemy, so since the first day of coming out of the division (which will only be made by special my order) to the area of their actions all the link nodes on the territory of the division/corps strip — must be occupied by operators of military units of the division/corps.

In Belgium German officers and participants of the “5th column” in general changed clothes for the form of the French and English officers and, having got into the back of the French and English parts, gave to the French and English parts and units orders which radically violated the plan of the French and English command.

16. In order to avoid such a situation, it is necessary to firmly establish the identification signal of the senior chief for the junior one and of the junior person for the senior chief. Only direct and immediate superior has the right to give oral orders. No oral orders could be given in clear form by the phone. Written orders should be briefly written — what, where, who, when should execute. For this hard to teach commanders should be hard teaching in all classes, so that each commander is able to communicate distinctly, quickly, correctly, clearly and truthfully what, when, where, who does, what he knows, from what sources; to be able to put clearly combat mission for subordinate.

From the first hour of hostilities, to arrange the guarding of his rear, to detained all persons who arouse suspicion, and to establish their identity immediately and quickly.

On the raising of vigilance, vigilance should be gradually and persistently, on a daily basis mobilizing Party, Komsomol organizations, the whole commanding staff, all the Red Army fighters. Not to make general noise, but truthfully, clearly, and concisely explain the problem and require vigilance really. Carelessness, the drowsy towards the vigilant must end.

Every commander and every political worker must firmly understand that now it is necessary to work by leaps and bounds and to complete in an hour all things for what earlier the whole day was spent, and to do it by organized, strong, reliable way.

17. Aircrafts at airports should be dispersed and disguised in the woods, shrubs, preventing the construction of the line, but while maintaining full readiness for departure.

The armored and artillery units should be dispersed, placed in the forests, carefully hidden, while retaining the opportunity in a timely manner to meet by alarm.

Collection on alert of all units should be organized so that, observing the requirements of combat readiness, to prevent large concentrations of troops, linear constructions in open areas, in camps and barracks.

I set the alert readiness period from the moment of the signal for all branches of the armed forces — 40 minutes.

18. Every commander of formations, units and branches must be the commander of strong will, indomitable perseverance, commander bursting with energy.

It is necessary to direct all attention of our command structure for preparing of these qualities.

19. The order should be fully aware by personnel up to the division commander inclusively. In furtherance of this order not to give written orders and directions to anyone.

Commander of the army, commander of the corps and that of the division should make the calendar plan of implementation of the order which should be completely executed by June 25 of this year.

The plan for implementation of this order should be approved by the senior chief".

Central Archive of the Ministry of Defense,
f. 344, op. 2459ss, d. 11, l. 30—36.

* * *

Раздел вод Нила: взгляд через призму истории

А.М. Васильев, Е.А. Елькина

Аннотация. В публикации рассматривается история проблемы распределения вод Нила и взаимоотношений государств бассейна реки с конца XIX в. вплоть до строительства дамбы и гидростанции на Голубом Ниле в Эфиопии. Задача раздела вод Нила между прибрежными государствами появилась только в конце XIX века. До этого единственной страной, использовавшей воды реки для орошения, был Египет. Пока Англия господствовала в этом регионе Африки, все договоры со странами бассейна должны были обеспечивать интересы Египта, а затем и Англо-Египетского Судана, а значит самой Англии. Проблема обострилась в конце XX в., когда оказалось, что соглашения Египта и Судана отвергаются Эфиопией и другими государствами бассейна.

Ключевые слова: Нил, страны бассейна Нила, история распределения вод Нила.

Abstract. The publication is devoted to the history of the problem of the Nile water division and the relations between of the Nile basin countries from the end of the XIX century until buildings of the Grand Ethiopian Renaissance Dam and hydropower station on the Blue Nile in Ethiopia. The problem of division of the Nile water between countries of the Nile basin appeared only at the end of the XIX century. Before this period, Egypt was the only country using the river waters for irrigation. The goal of Britain — the dominant power in this region of Africa - was to guarantee the interests of Egypt, and also the former Anglo-Egyptian Sudan, it meant the own interests of Britain. The problem was raised in acute form at the end of XX century, when it became clear that the old agreements signed by Egypt and the Sudan were rejected by other states of the Nile basin.

Key words: Nile, countries of the Nile basin, history of the problem of division of the Nile water.

Нил — самая длинная река в мире. Но сброс воды в нем относительно невелик, если брать средние цифры, — лишь 2% от объема Амазонки и 15% от Миссисипи ¹.

Васильев Алексей Михайлович — академик РАН, почетный президент Института Африки РАН, зав. кафедрой африканистики и арабистики Российского университета дружбы народов, главный редактор журнала «Азия и Африка сегодня». E-mail: dir@inafr; *Елькина Екатерина Алексеевна* — научный сотрудник Института Африки РАН. E-mail: easerova@list.ru.

Vasiliev Alexey M. — RAS full member, honorary president of the Institute for African Studies RAS, holder of the chair of African and Arab Studies at the Peoples Friendship University of Russia, editor-in-chief of “Asia and Africa Today” monthly. E-mail: dir@inafr.ru; *Elkina Ekaterina A.* — researcher at the Institute for African Studies RAS. E-mail: easerova@list.ru.

Истоки его притока — Белого Нила — лежат в восточной части Экваториальной Африки. Через систему озер и рек он достигает Южного Судана и здесь разливается, превращаясь на площади в десятки тысяч квадратных километров в болота, озера и протоки. Почти 40% воды в этом месте испаряется. Затем река выходит на равнину и в районе Хартума сливается с другим притоком — Голубым Нилом. Белый Нил дает лишь 14% стока Нила, а 86% поступает с Эфиопского нагорья, орошаемого восточными муссонными ливнями, как в основном через Голубой Нил, так и через притоки Атбара и Собат ².

Чтобы избежать последствий возможных засух и губительных наводнений, в Египте с помощью СССР была построена высотная Асуанская плотина. Она расширила площадь пахотных земель, позволила сельскому хозяйству страны перейти на круглогодичное орошение и собирать до трех урожаев в год. Но сохранение уровня водохранилища — озера Насер — зависит как раз от поступления воды из Голубого Нила.

«Великая дамба эфиопского возрождения» возводится приблизительно в 15 км от границы с Суданом. Заявленная мощность гидроэлектростанции — 6 тыс. мегаватт. Она должна стать самой крупной в Африке и 11-й в мире, примерно на уровне Красноярской ГЭС. Водохранилище площадью 1561 кв. км будет содержать около 79 млрд кубометров воды ³.

Первый камень был заложен в основу плотины 2 апреля 2011 г. премьер-министром Мелисом Зенауи. Это было сделано без консультаций с Каиром как раз в разгар «Арабской весны», когда Египет оставался без реального политического руководства и, занятый внутренними проблемами, даже не мог адекватно отреагировать на это решение.

Стоимость всего проекта оценивается в 4,8 млрд долларов, а самой дамбы — в 3 миллиарда. Ее строительство финансируется за счет выпуска государственных облигаций и частных инвестиций, то есть средства собрали сами эфиопы. Что касается гидроэлектростанции, то ее стоимость составит 1,8 млрд долларов. Средства предполагается получить за счет займа. Все это — без учета стоимости распределительной сети ⁴.

Возможное воздействие «Великой дамбы эфиопского возрождения» на страны, лежащие вниз по течению, вызывает споры. В озере Насер из-за испарения теряется 12% воды. Эфиопы утверждают, что водохранилище «Великой плотины», расположенное на большой высоте при меньших среднегодовых температурах и меньшей площади самого озера соответственно уменьшит испарение и даже увеличит на 5% поток воды в Египет ⁵. Но Каир опасается, что пока будет наполняться водохранилище, резко сократится приток воды в озеро Насер и как следствие произойдет падение производства электроэнергии гидроэлектростанцией Асуанской плотины. Это вызвало бы экологическую катастрофу в Египте. И все это понимают.

Почти до конца XIX в. вопрос о разделе вод Нила и о правовом регулировании реки вообще не стоял. Ирригационным земледелием занимались только египтяне.

В XIX — начале XX в. задачу правового регулирования использования вод Нила в пользу Египта и Судана стала осуществлять Великобритания. Тогда Британская империя фактически присоединила к

себе и Египет, и Англо-Египетский Судан. Кроме того она почти полностью контролировала страны верхнего течения Белого Нила. Египет, а потом и Судан обеспечивали английские текстильные фабрики прекрасным хлопком. Тогда и появились договоры о распределении нильских вод в пользу Египта и Судана, фактически закрепившие неравноправие стран бассейна Нила.

Чтобы обезопасить себя со стороны тех стран, которые не входили напрямую в орбиту их политического влияния, англичане разработали систему международных соглашений, которые должны были обеспечить выгодный им режим пользования водами Нила. Речь шла о реках бассейна Нила, имеющих истоки на территориях стран, неподконтрольных напрямую Британской империи, прежде всего, об Эфиопии, Эритрее и Конго. Были зафиксированы преимущественные права Египта и, частично, Судана на воды Нила. Другие государства бассейна обязались не проводить без одобрения Лондона никаких работ, которые могли бы повлиять на сток вод с отрицательными последствиями для Египта и Судана.

1. Англо-итальянский протокол от 15 апреля 1891 г. не был посвящен водам Нила, а касался демаркации сфер влияния между Великобританией, представлявшей Египет и Судан, и Италией, представлявшей Эритрею. Однако ст. III протокола обязывала Италию не возводить гидротехнических сооружений на Атбаре ⁶. Этот протокол в тот момент не затрагивал Голубой Нил, берущий начало в Эфиопии. Но он отражал часть общей стратегии Великобритании, направленной на контроль над водами Нила.

2. 2 мая 1902 г. было подписано Соглашение между Великобританией, представлявшей интересы Судана, и императором Эфиопии Менеликом II об определении границы между Эфиопией и Суданом. В пункт III было внесено обязательство Эфиопии не строить и не позволять строить какие-либо сооружения на Голубом Ниле, озере Тана и Собате, которые могли бы «помешать» течению реки, без предварительного согласия британского и суданского (фактически тоже британского) правительств. В трактовке слова «помешать» между амхарским и английским языками имелись разночтения. В эфиопской версии это обязательство не лишало возможности использовать воду, оно лишь запрещало полностью остановить ее сток ⁷.

3. Статья III Соглашения между Великобританией и Независимым государством Конго (фактически Бельгией) от 9 мая 1906 г. гласила, что правительство Независимого государства Конго обязуется не строить и не позволять строить на реках, протекающих или берущих начало на его территории, каких-либо сооружений, способных ограничить сток воды в озеро Альберта без согласия Суданского руководства ⁸.

4. Статья IV тройственного соглашения между Великобританией, Францией и Италией от 13 декабря 1906 г. в подпункте «а» гарантировала учет интересов Великобритании и Египта в бассейне Нила, особенно регулирование вод Нила и его притоков, и подтверждала ограничение прав Эфиопии предыдущими соглашениями ⁹. Эфиопия отвергла этот документ, заявив, что никакая страна не вправе запретить ей использовать ее же воды.

5. В соглашении между Великобританией и Италией, подписанном 20 декабря 1925 г. в Риме, Италия признала приоритетное право

Египта и Судана распоряжаться водами Нила и согласилась не строить на нем и его притоках каких-либо сооружений, могущих существенно уменьшить объем стока воды в главную реку. Эфиопия незамедлительно выступила против этих договоренностей. Английское правительство признало, что так как документ был двухсторонним (англо-итальянским), он не накладывает обязательств на Эфиопию ¹⁰.

В мае 1929 г. между Египтом и Великобританией (владевшей Угандой, Кенией, Танзанией и совместно с Египтом — Суданом) было подписано соглашение, по которому англичане признавали «естественные и исторические» права Египта на воды Нила. Страны верхнего течения реки обязались получать предварительное согласие египетской стороны по любому вопросу, связанному с водопользованием. В результате этого соглашения, в котором Каир и Хартум (в лице Великобритании) договорились распределять водные ресурсы, доля Египта достигала 48 млрд куб. м, а Судана — 14 млрд куб. м в год ¹¹.

30—31 мая 1949 г. и 16 июля 1952 г. Египет и Великобритания достигли договоренности о строительстве в Уганде плотины Оуэн Фоллз. Обмен нотами предусматривал, что использование плотины и электростанции будет осуществляться таким образом, чтобы не причинять ущерба интересам Египта ¹².

Важнейшее из всех соглашений между Египтом и Суданом было достигнуто уже без участия Великобритании: «Договор между Республикой Судан и Объединенной Арабской Республикой о полном использовании вод Нила, подписанный в Каире 8 ноября 1959 г.», действует уже более полувека и заслуживает особого внимания ¹³.

Основные его положения следующие:

Страны решили, что средний ежегодный сток воды составляет 85 млрд куб. м, из них Судану предназначается 18,5, а Египту 55,5 млрд куб. метров.

Судан обязался осуществлять проекты в районе тропических болот в Южном Судане, что, соответственно, увеличило бы сток Белого Нила (этот пункт соглашения по экологическим, политическим, экономическим соображениям в получившем независимость Южном Судане пока забыт).

Соглашение предоставило Египту право на строительство высокой Асуанской плотины, водохранилище которой может содержать объем воды, равный годовому стоку Нила, и гидроэлектростанции (эти сооружения и были построены при сотрудничестве с СССР).

Судан получил право строить плотину Аль-Россейрас на Голубом Ниле и развивать другие ирригационные и гидроэнергетические проекты вплоть до использования своей доли нильской воды.

В январе 1960 г. два государства образовали Постоянный технический комитет из представителей своих стран для наблюдения за выполнением договора. Механизм пересмотра соглашения, как и продолжительность его действия, предусмотрены не были.

Права на воду других стран Нильского бассейна были проигнорированы. Эфиопия выражала желание стать третьим участником соглашения, направив соответствующие ноты Египту и Судану еще в 1957 г, но ответа не получила. На тот момент политические отношения Египта и Эфиопии были натянутыми. Аддис-Абеба полагала, что двусторонние договоры Египта и Судана не имели юридической ос-

новы и не признавала их, настаивая, чтобы и ей были отведены 14 млрд куб. м воды в год ¹⁴.

Со временем Эфиопия стала как бы лидером «обездоленных» стран верховьев Нила, права которых на нильскую воду не были закреплены никакими соглашениями.

Египетско-эфиопские переговоры по данной проблеме всегда проходили трудно. За десятилетия сложились подозрительность и недоверие друг к другу. Ухудшению отношений способствовала и «холодная война»: Египет с 1970-х гг. находился в орбите интересов США, а в Аддис-Абебе до мая 1991 г. сохранял власть прокоммунистический режим Менгисту Хайле Мариама.

После его свержения новое правительство Мелеса Зенауи сделало попытку улучшить отношения с Каиром. Летом 1993 г. новый эфиопский лидер нанес официальный визит в Египет. Президент Хосни Мубарак и Мелес Зенауи подписали рамочное соглашение о сотрудничестве по проблеме вод Нила. Стороны договорились, что вопрос их использования будет детально проработан в ходе дискуссий экспертами обеих стран на основе принципов международного права. До этого времени каждая из сторон должна была воздерживаться от начала какой-либо активной деятельности, касающейся Нила ¹⁵.

Отказываться от своих претензий на нильскую воду Египет не собирался. В Эфиопии же крепло убеждение, что раз территория, по которой протекают реки, несущие воды в Нил, находится под суверенитетом Эфиопии, никто не может запретить ей использовать ресурсы этих рек в соответствии с международным правом.

В 1999 г. был образован новый орган — Инициатива по бассейну Нила (NBI). «Нильская инициатива» приняла документ — «Совместный взгляд» (“Shared Vision Program”), в котором сформулировала свою главную задачу: «Достичь устойчивого социально-экономического развития через справедливое использование воды и выгоды от общих водных ресурсов бассейна» ¹⁶. Страны из верховья Нила — Бурунди, Руанда, Уганда, Демократическая республика Конго, Кения, Танзания, Эфиопия подготовили проект нового рамочного соглашения. Судан и Египет отказались к нему присоединиться, так как в нем предполагалось пересмотреть Нильский договор 1959 года. Египет рассматривал призывы перераспределения нильских вод как фактическое объявление войны.

В 2007 г. было объявлено о самороспуске «Инициативы по бассейну Нила» и создании вместо нее нового регионального органа — Комиссии по Нилу, в которую, как полагали, войдут все страны бассейна. В отличие от ранее действовавшей межгосударственной структуры, вновь создаваемая должна была стать постоянно работающим органом. Ее главная цель — наблюдение за справедливым разделом водных ресурсов крупнейшей африканской реки. В комиссию должны были войти представители всех стран Нильского бассейна, а также других заинтересованных сторон.

Оптимисты полагали, что эта организация сможет принять новый договор, который станет частью международного законодательства. Пессимисты же обращали внимание на то, что после стольких лет работы конкретного документа не было. Египет и Судан так и не подписали соглашение о создании этой организации, а «Нильская

инициатива» продолжала делать заявления без участия этих двух стран¹⁷. По-прежнему не учитывался тот факт, что к 2050 г. население бассейна Нила должно вырасти вдвое, что сведет на нет значение любого подписанного договора.

Как известно, «Египет при обосновании своих прав на значительную долю вод Нила придерживается так называемой “доктрины присвоения”, доказывая, что он и раньше традиционно пользовался этой водой и имеет на нее исторические права, — писал южно-суданский исследователь Шол Денг Алак. — Эфиопская же дипломатия использует в споре с Египтом о разделе вод так называемую “доктрину происхождения”, заявляя о суверенитете Эфиопии над землями, дающими более $\frac{3}{4}$ стока Нила. Эфиопия не признает двухсторонних договоренностей между Египтом и Суданом и не считает их имеющими для нее юридическую силу»¹⁸.

Прежние, на первый взгляд несправедливые, договоры имеют под собой реальную основу: из всех стран, через которые течет Нил, только Египет и Северный Судан отличаются засушливым климатом и практически не имеют других источников воды. Рядом с Нилом живет едва ли не все население Египта. 97% воды для орошения, работы промышленности и бытовых нужд страна получает из Нила.

«Без Нила нет Египта» — это выражение давно стало аксиомой. Сезонные наводнения на Ниле занимают центральное место в истории страны. Период подъема воды начинается в мае и достигает своего пика в сентябре, затем она начинает отступать до следующего года. Объем воды в реке может увеличиваться и уменьшаться в 3—5 раз, и эти колебания непредсказуемы. Империи фараонов, греков, римлян, византийцев и мусульман отмечали на «ниломерах» (сооружениях для измерения уровня воды) страшные наводнения или засухи (и в том и в другом случае урожай погибал, и начинался голод), или нормальный уровень воды, что означало процветание¹⁹. Два с лишним столетия назад Наполеон сказал: «Если бы я управлял такой страной, как Египет, я бы не позволял, чтобы хоть одна капля воды попала в Средиземное море»²⁰.

В 1959 г. население Египта составляло 30 млн чел., и на каждого (в соответствии с квотами Нильского договора) приходилось примерно 2100 куб. м воды в год. В стране была создана «Программа планирования водных ресурсов» (Water Resource Planning in Egypt), где говорилось, что в 2000 г. население увеличилось до 63 млн чел., а к 2017 г. должно было достичь 83 млн, что снизит обеспечение водой до 720 куб. м в год на душу населения (при норме, по данным ООН, в 1000 кубометров)²¹. Однако сейчас население Египта составляет 99 млн человек²².

Наличие достаточного количества воды «тянет за собой» проблему обеспечения населения продовольствием, что является одной из составляющих национальной безопасности Египта. В стране ведутся работы по усовершенствованию систем распределения воды, внедрению новых технологий по ее использованию. Создаются специальные образовательные программы — не только для фермеров, но и для всего населения. Власти Египта считают, что в районах, где ощущается острая нехватка воды, каждый должен знать об эффективном использовании этого ресурса.

Правительство пытается — пока безуспешно — контролировать рождаемость. Если темпы прироста не снизятся, к 2050 г. население Египта может достичь 160 млн человек. Есть надежда, что ситуация стабилизируется на чуть более низком уровне. Однако египтяне, особенно жители сельской местности, видят источник своего благополучия именно в многочисленной семье.

Эфиопы говорят о необходимости более эффективного использования вод Голубого Нила, берущего начало на их территории. По специфике своего сельского хозяйства они никогда не занимались орошаемым земледелием, поскольку Эфиопское плато получает достаточно воды в результате муссонных дождей с Индийского океана. Наиболее популярной культурой является теф (до 30% обрабатываемой территории), превосходящий по пищевой ценности любые зерновые мира. Помимо права возводить плотины Эфиопия требует для себя и ежегодную квоту на 14 млрд куб. м нильской воды, хотя и промышленности и городам этого количества мало. Ирригация в стране сталкивается с проблемами менталитета местного крестьянства и его веками складывавшегося сельскохозяйственного уклада, не знающего ирригации. Кроме того в горных районах больших площадей для полива нет, есть только клочки земли, рассеченные ущельями.

Эфиопия — небогатая страна. Из примерно 100 млн населения почти 40% живут ниже уровня бедности. Промышленности практически нет — в ней занято всего 5% работающих²³. Вместе с тем, экономика страны во многом зависит от импорта нефти. С точки зрения самих эфиопов, нефть для стран Персидского залива — такой же природный дар, как воды Нила для них самих. Очевиден вопрос: почему же они платят за нефть, но ничего не получают за воду? В этих условиях население Эфиопии считает строительство дамбы на Ниле «воротами в будущее». Страна богата прежде всего своими гидроресурсами (первое место в Африке), и эфиопы стремятся их использовать.

Реализация проекта строительства дамбы, по мнению его инициаторов, поможет превратить бедную сельскохозяйственную Эфиопию в промышленную страну за счет использования дешевой электроэнергии. Уже само строительство плотины создает тысячи рабочих мест. Появление дополнительных средств позволит улучшить инфраструктуру международного туризма на базе уникальной природы и архитектурных памятников. Электроэнергия пойдет на нужды как самой Эфиопии, так и соседних стран, включая Судан, а, возможно, и Египет.

Линии электропередач будут очень протяженными: от плотины до столицы страны Аддис-Абебы, как и до столицы Судана Хартума, примерно 400 километров. Мощность в 6 тыс. мегаватт будет достигаться только в период проливных дождей и высокой воды в Голубом Ниле. А это три месяца в году. В сухой сезон мощность электростанции будет падать²⁴.

Раньше суданское руководство понимало исключительную важность для Египта нильской темы и выступало как бы единым фронтом с Каиром, когда речь заходила об изменении сложившегося статус-кво. Хартум делал акцент на общности стратегических интересов на Ниле. Но ситуация постепенно менялась. В самом Судане росло

население, развивалось ирригационное земледелие. Он стал выбирать свою квоту почти полностью. «Соглашение 1959 г. все меньше отвечает интересам Судана, не говоря уже о государствах, находящихся выше по течению, — писал Шол Денг Алак. — Более того, привязывая Судан к Египту, это соглашение противопоставляет Хартум странам верхнего течения Нила, порождая недоразумения и споры. Требование Эфиопии подписать новое соглашение о “справедливом разделе” вод Нила не вызывает сегодня в Хартуме негативной реакции. В Судане рассчитывают, что рано или поздно и Каир, и Аддис-Абеба вынуждены будут искать поддержки Хартума в отстаивании своих “исторических прав” на воды Нила, что позволит последнему выступить в роли посредника. Естественно не без выгоды для себя, для повышения международного престижа и выхода из режима международной изоляции, который пытаются создать вокруг него западные страны из-за ситуации в Дарфуре. В контактах с Аддис-Абебой по нильской проблеме Хартум старается действовать предельно осторожно, демонстрируя готовность к конструктивному диалогу»²⁵.

Проблема распределения вод Нила вызывала многолетнюю ожесточенную полемику, порой грозившую перерасти в серьезный конфликт.

Так, например, Египет, а позднее и Судан обвиняются в поддержке мятежников на территории Эфиопии в 70—80х гг. прошлого века, что способствовало расколу Эфиопии — в 1994 г. Эритрея стала независимой. В свое время суданцы обвиняли Эфиопию в поддержке вооруженной борьбы жителей Южного Судана за независимость, что привело в итоге к появлению нового африканского государства Южный Судан в 2011 году²⁶.

Главным инициатором строительства дамбы в Эфиопии, по утверждению египетской газеты «Аль-Ватан», являлся Израиль, установивший хорошие отношения и сотрудничавший со всеми странами в верховьях Нила, что давало Тель-Авиву мощный рычаг давления на Египет. Египетские исламисты стали грозить Эфиопии джихадом, считая, что строительство плотины является «заговором Израиля против Египта». В то время заместитель министра обороны Саудовской Аравии принц Халид бен Султан заявил, что дамбу можно назвать «прямой угрозой национальной безопасности Судана и Египта». Она — скорее «политический заговор», чем экологический проект²⁷.

Проблемы, связанные с нехваткой воды, на протяжении многотысячелетней истории Египта возникали не раз. И все же такими серьезными они не были никогда. Экспертам не только за пределами Египта, но и внутри страны становится ясно, что планы по сохранению статус-кво вряд ли реалистичны. Козырные карты в руках стран верховьев Нила. Нужен компромисс.

«Декларация о принципах», подписанная Египтом, Суданом и Эфиопией в 2015 г., стала важным шагом на этом пути. Трехсторонняя встреча в Аддис-Абебе была продолжением этого курса.

Однако принципиальные вопросы между тремя странами пока не решены. Какими темпами будет заполняться водохранилище «Великая дамба» и как это будет воздействовать на уровень водохранилища Насер, на ирригационную систему Египта, на производство электроэнергии, на политическую обстановку в самом Египте?

Вопросов пока больше, чем ответов.

Примечания

Работа подготовлена при поддержке проекта РНФ «Российская политика на Ближнем и Среднем Востоке: перспективы и пределы сотрудничества со странами региона» (№ 14-18-03615).

1. CARLSON A. Who owns the Nile? <http://origins.osu.edu/article/who-owns-nile-egypt-sudan-and-ethiopia-s-history-changing-dam03>.
2. Ibidem.
3. Ethiopia lays foundation for Africa's biggest dam. <http://www.facebook.com> 2011.
4. The River Nile: A Dam nuisance. Egypt and Ethiopia quarrel over water. <https://www.economist.com/node/18587195>.
5. SALEM M. Regarding the Dam. <http://cyberethiopia.com/2013/?p=407>.
6. The Nile Question: The Accords on the Water of the Nile and Their Implications on Cooperative Schemes in the Basin. Mohammed Abdo. <http://sam.gov.tr/wp-content/uploads/2012/01/4.-Mohammed-Abdo.pdf>.
7. Ibidem.
8. Agreement between the United Kingdom and the Independent State of the Congo, signed at London, May 9, 1906. <http://treaties.fco.gov.uk/docs/pdf/1906/ts0004.pdf>.
9. Agreement between the United Kingdom, France and Italy respecting Abyssinia, signed at London, December 13, 1906. <http://treaties.fco.gov.uk/docs/pdf/1907/ts0001.pdf>.
10. The Nile Question: The Accords on the Water of the Nile and Their Implications on Cooperative Schemes in the Basin.
11. Exchange of Notes between his majesty's government in the United Kingdom and the Egyptian government in regard to the Use of the Waters of the River Nile for Irrigation Purposes. <http://treaties.fco.gov.uk/docs/pdf/1929/TS0017.pdf>.
12. Exchange of Notes between the Government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the Government of Egypt regarding the construction of the Owen Falls Dam in Uganda. 1952/1953. [http://treaties.fco.gov.uk/docs/fullnames/pdf/1954/TS0030%20\(1954\)%20CMD-9132%201952%2016%20JUL%201953%205%20JAN,%20CAIRO%3B%20NOTES%20BETWEEN%20GOV%20OF%20UK,%20NI%20&%20GOV%20OF%20EGYPT%20REGARDING%20CONSTRUCTION%20OF%20OWEN%20FALLS%20DAM%20IN%20UGANDA.pdf](http://treaties.fco.gov.uk/docs/fullnames/pdf/1954/TS0030%20(1954)%20CMD-9132%201952%2016%20JUL%201953%205%20JAN,%20CAIRO%3B%20NOTES%20BETWEEN%20GOV%20OF%20UK,%20NI%20&%20GOV%20OF%20EGYPT%20REGARDING%20CONSTRUCTION%20OF%20OWEN%20FALLS%20DAM%20IN%20UGANDA.pdf).
13. Agreement between the Republic of the Sudan and the United Arab Republic for the full utilization of the Nile waters signed at Cairo, 8 November 1959. <http://www.fao.org/docrep/W7414B/w7414b13.htm>.
14. ШОЛ ДЕНГ АЛАК. Удастся ли заново поделить нильскую воду? — Азия и Африка сегодня. 2008, № 12.
15. Framework for general co-operation between Arab Republic of Egypt and Ethiopia signed at Cairo, 1 July 1993. <http://www.fao.org/docrep/w7414b/w7414b0p.htm>.
16. Nile River Basin Initiative. <http://www.internationalwatersgovernance.com/nile-river-basin-initiative.html>.
17. Ibidem.
18. ШОЛ ДЕНГ АЛАК. История международного регулирования вод Нила: политические, социально-экономические и правовые аспекты. Дисс. канд. ист. наук. М. 2008.
19. CARLSON A. Op. cit.
20. ЦАРЁВ П.Г. Дефицит пресной воды как главная угроза безопасности в бассейне реки Нил. http://www.idmedina.ru/books/materials/rmforum/3/umma_tsarev.htm.
21. Water for the Future. <http://extwprlegs1.fao.org/docs/pdf/egy147082.pdf>.
22. Egypt population. <http://www.worldometers.info/world-population/egypt-population>.
23. CSA (Ethiopia). <http://www.csa.gov.et/index.php2013>.
24. Ethiopia's biggest Dam oversized, Experts say. <https://www.internationalrivers.org/resources/ethiopia-s-biggest-dam-oversized-experts-say-8082>.
25. ШОЛ ДЕНГ АЛАК. История международного регулирования вод Нила...
26. ФИЛАТОВ С. Стояние на Ниле: Египет против Эфиопии и Судана. <https://interaffairs.ru/news/show/960203>.
27. Там же.

Архиепископ Николай Лейсман

А.Э. Котов, И.В. Петров

Аннотация. В публикации рассматривается вопрос освещения перехода коренного населения Прибалтийского края в середине-конце XIX в. в православие. Основной упор делается на оценке этого процесса Николаем Лейсманом, православным священником и видным церковным иерархом межвоенной Эстонии. Как показано в работе, в период Российской империи пастырь выступал с прорусских, а отнюдь не автокефалистских позиций.

Ключевые слова: славянофильство, национализм, православие, Балтия, XIX в., латыши, эстонцы.

Abstract. The publication deals with the issue of representation of the transition in Orthodoxy of the native population of the Baltic region in the middle and the end of the 19th century. The main focus is on the consideration of this process by Nikolai Leysman, an Orthodox priest and future prominent church hierarch of the interwar Estonia. As shown in the work, in the period of the Russian Empire, the pastor acted with pro-Russian, and not at all autocephalistic positions.

Key words: slavophilism, nationalism, Orthodoxy, Baltic, XIX century, Latvians, Estonians.

Во второй половине XIX в. Восточная Европа переживала очередную волну национальных движений. Польское восстание 1863 г. вызвало подъем националистических настроений и в русском обществе, памятником которым навсегда останется публицистика Ю.Ф. Самарина, И.С. Аксакова, М.Н. Каткова, Ф.М. Достоевского и многих других представителей «русского направления». Одновременно зарождался литовский, латышский и эстонский национализм. Его приверженцы нередко воспринимались русскими националистами как союзники в борьбе с польским и немецким влиянием.

Котов Александр Эдуардович — доктор исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: akotov@inbox.ru; *Петров Иван Васильевич* — кандидат исторических наук, ассистент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: i.petrov@spbu.ru.

Kotov Alexander E. — doctor of historical sciences, associate professor at the St. Petersburg State University. E-mail: akotov@inbox.ru; *Petrov Ivan V.* — candidate of historical sciences, assistant at the Institute of History, St. Petersburg State University. E-mail: i.petrov@spbu.ru.

Так, осенью 1865 г. на страницах «Дня» Аксакова были напечатаны статьи под псевдонимами «Латыш», «Эстонец», «Индрик Струмит» (под последним скрывался православный священник-латыш Янис Лацис). Именно Лацис и написал одну из первых знаковых работ о положении дел с православными в регионе — «Записки православного священника»¹. Активно участвовал в изданиях «русского направления» и Кришьянис Вальдемарс, имевший, впрочем, собственное, независимое мнение относительно «православного дела» на территории Прибалтийского края².

Со своей стороны, Самарин выступал как защитник прав не только русского населения, но и всей «совокупности тех, кому Провидение отказало в праве родиться немцами»³. В частности, весной 1867 г. он выпустил серию статей, посвященных как вопросу перехода латышей в православную веру, так и обратному возвращению их в лютеранство (впоследствии — одна из центральных тем публицистики Н. Лейсмана)⁴. Близкий к славянофилам администратор и публицист И.П. Корнилов пропагандировал «укрепление жмудской национальности, вовсе не враждебной России и правительству в низших слоях населения, и постоянное внушение крестьянам, что они не поляки, а жмудины и литовцы, и что Россия не желает вовсе обрусить их, а хочет только сблизить их интересы с интересами государства»⁵. Многочисленные подобные высказывания других славянофилов не были приемом политической борьбы, они напрямую следовали из демократических тенденций славянофильского национализма, основатели которого считали главным критерием «русскости» не «племенное происхождение», но конфессиональную принадлежность, а также солидарность со всеми «плебейми человечества»⁶.

Именно эта солидарность была одним из главных объектов критики со стороны оппонентов «русского направления» — как правило, принадлежавших к консервативно-аристократическому лагерю. В 1864 г. редактор газеты «Весть» В.Д. Скарятин в своих «Письмах из остзейского края» писал: «Хотя я горжусь быть русским и православным; но если бы меня спросили: как вы желаете жить: под диктовку ли остзейского немца или под диктовку московского славянофила? Грешный человек, я бы скорое помирился с ферулою остзейца, с бутербродами его цивилизации, нежели испытывать радости *Домостроя* и питаться мыльными пузырями пророков славянофильского Алкорана, которые надоели мне криками о каком-то *особом* призвании»⁷. «Весть» резко осуждала поддержку славянофилами и Катковым деятельности К. Вальдемарса и К.Э. Безбардиса, а симпатии А.Ф. Гильфердинга к «жмудскому племени» характеризовала как «несправедливое покровительство демагогической агитации в среде народных масс, вследствие каких-то отвлеченных археологических изысканий»⁸.

В середине 1920-х гг. другой «дворянский конституционалист» Б.Э. Нольде разовьет эти тезисы. Он увидит в главном славянофильском «специалисте» по прибалтийским делам — Самарине — представителя «того поколения людей с которых начинается современная Россия»⁹, и сумеет оценить значение деятельности этого славянофила: «Юрий Самарин в полном смысле этого слова предрекал вперед на полвека исторические пути России... со всеми многообразными и громадными по своему значению последствиями новой политики...

для всей Европы»¹⁰. По мнению биографа, «вся деятельность Александра III: упразднение старых балтийских судов, обрусительная школьная политика, превращение Дерпта в Юрьев и Дерптского университета в Русский университет, появление в Прибалтийском крае таких фигур, как Шаховской, — есть не что иное, как осуществление программы, с такой энергией и страстностью построенной Юрием Самариним. А через Александра III издали просвечивают и будущие республики Латвия и Эстония»¹¹.

Своего рода связующим звеном между этой славянофильской «программой» и новой «национал-буржуазной» Эстонией стала деятельность архиепископа Николая Лейсмана (1862—1947) — одного из наиболее ярких деятелей Православной церкви в новейшей истории Прибалтики. За свою почти 85-летнюю жизнь этот церковный историк, писатель, педагог и администратор успел застать Российскую империю, независимую Эстонию, начало ее советизации на рубеже 1940—1941 гг., германскую оккупацию и возвращение советской власти. Практически при любом политическом режиме вл. Николай умел выстроить грамотные и взаимовыгодные отношения с гражданскими властями, найти общий язык со священноначалием. Однако в историю восточно-европейского православия он вошел, прежде всего, как один из сторонников отделения Эстонской церкви от Русской.

В России к биографии Николая Лейсмана, особенно к раннему ее периоду (до первой мировой войны и освободительной войны в Эстонии), историки практически не обращались. Единственным исключением является вышедшая уже в 2018 г. монография петербургского исследователя В.И. Мусаева, посвященная истории православия в Прибалтике с 1890-х до середины 1930-х годов. В этой работе о. Николаю Лейсману воздается должное и как активному радетелю за права православных, и как архиерею, однако ни биография, ни воззрения пастыря не являются предметом специального рассмотрения автора¹².

Эстонец по происхождению, Николай Лейсман окончил Рижскую духовную семинарию, а затем поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию. Став в 1888 г. священником, он не только служил в разных приходах региона, но и деятельно занимался изучением истории проникновения и укрепления православной веры в Прибалтике. Принимал участие Лейсман и в издательской деятельности. Так, в 1903 г., когда было принято историческое решение об издании эстоноязычного журнала «Vaimulik Sonunmitoja» («Духовный вестник»), редактором журнала стал известный эстонский священник и общественный деятель Александр Вятат, а цензором — Николай Лейсман¹³. Издание было взято под крыло Рижским Петропавловским братством — крупнейшим духовно-просветительским «объединением» на территории Прибалтики тех лет. Через четыре года на волне массового выхода православной литературы на эстонском языке о. Николай также смог издать несколько своих брошюр на родном языке. В 1907 г. вышла в свет его книга «История Православия в Прибалтийском крае в новейшее время», широко использовавшаяся в годы первой независимости Эстонии¹⁴.

В 1923—1940 гг. Николай Лейсман занимал кафедру архиепископа Эстонской апостольской православной церкви Константинополь-

ского патриархата. После обретения своей родиной государственной независимости он стал активнейшим проводником идеи скорейшего ухода эстонского православия из-под русского влияния. Особенно ярко это проявилось в 1930-х гг., когда именно Лейсман сменил владыку Иоанна (Булина), деятельного русофила и политика-антибольшевика, в качестве настоятеля Псково-Печерского монастыря и епископа Печерского. В период настоятельства вл. Николая был взят курс на введение нового календарного стиля, сам же монастырь превратился из очага паломничества русских жителей Балтии и представителей российской эмиграции в монастырь, строго следующий политике Таллина. Как следствие, монастырская братия и прихожане разделились на тех, кто оставался сторонником владыки Иоанна (Булина) и тайно посещал его, и тех, кто принял изменения, инициированные новым настоятелем. Позднее это разделение предопределило увлечение части православных Печерского края большевизмом и объяснит их восторженное принятие «первого красного года».

Участвовал Лейсман и в негласном союзе Эстонской апостольской православной церкви с Финляндской и Латвийской православными церквями, в том числе сопутствуя тем хиротониям, которые были выгодны Константинопольскому Патриархату и «национальному влиянию» внутри православия в регионе. Так, 29 марта 1936 г. в Христорождественском соборе Риги архиепископ Петсерийский Николай (Лейсман) вместе с Фиатирским митрополитом Германосом (Стренаполусом), митрополитом Принцевых островов Фомой, Иерапольским митрополитом Константином, а также главой ЭАПЦ митрополитом Александром (Паулусом) участвовал в хиротонии митрополита Рижского и всея Латвии — бывшего военного латвийского священника Августа Петерсона, ярого латышского националиста и антисемита.

Уйдя на покой, в письме митрополиту Таллинскому и Эстонскому Александру (Паулусу) он еще 30 января 1941 г. отмечал, что вполне присоединяется к постановлению Эстонского Синода просить «Матерь-Церковь Русскую» вновь принять Православную церковь в Эстонии в каноническое общение. Однако в прежнем отпадении от «Матери-Церкви» преосвященный не раскаивался, считая его следствием политической необходимости¹⁵. На достаточно «обтекаемую» формулировку владыки Николая (Лейсмана) отрицательно отреагировал митрополит Московский Сергей (Страгородский), который в своем указе присланному из Москвы экзарху Сергию (Воскресенскому), новому главе всех православных приходов Балтии, отмечал, что на покойный архипастырь непосредственно участвовал во многих хиротониях и собраниях представителей не только Эстонской, но и Латвийской и Финляндской православных церквей. Для новых политических реалий это было неприемлемо. Тем не менее на уровне общения Московской Патриархией владыка Николай Лейсман все же принимался.

В годы нацистской оккупации Эстонии преосвященный поддержал митрополита Таллинского и Эстонского Александра (Паулуса), активно выступавшего против московской юрисдикции. И в переписке с последним, и публично Лейсман критиковал митрополита Сергия (Воскресенского). Последовательного сторонника сохранения

единства прибалтийского и «московского» православия его противники обвиняли в связях с советскими специальными службами и даже называли «крокодилом»¹⁶.

Сохранились свидетельства о том, что в августе 1942 г. активный сторонник экзарха Прибалтики Сергия (Воскресенского) Георгий Радецкий повез архиепископу Николаю, проживавшему тогда в небольшом городе Абя, письмо от главы всех православных Балтии с приглашением на архиерейский собор в Риге, но Лейсман не стал в нем участвовать, фактически сохранив верность таллинским автокефальным церковным властям¹⁷. Данную позицию архипастыря

подтверждает переписка между лидерами балтийских автокефалистов — митрополитом Рижским и Латвийским Августином (Петерсонсом) и митрополитом Таллинским и Эстонским Александром (Паулусом). Последний с похвалой отзывался о стойкости юрисдикционных предпочтений архиепископа Николая (Лейсмана): «Даже старцу нашему Николаю был послан с приглашением специальный гонец, который три дня бился над упорным отшельником, но не сломил его и не успел убедить поехать, хотя пустил в ход даже “родственницу”, т.е. известную тебе шовинистку г-жу Берг»¹⁸. Впрочем, к служению «старец» так и не вернулся, предпочтя остаться на покое. Митрополит Паулус в конце 1942 г. писал по этому поводу митрополиту Петерсонсу: «Владыка Николай живет тихо в своей усадьбе и радуется вместе со мною и нашими верными деятелями о возможности работать в деле веры на прежнем основании. Пишет, что некоторое время болел гриппом, а теперь поправился»¹⁹.

Именно эта осторожность и помогла владыке Николаю пережить оккупацию, а с освобождением Балтии от немцев спокойно дожить остаток дней в Эстонской ССР. В апреле 1947 г., уже не принимая практически никакого участия в политической или церковной жизни, находившийся на покое архиепископ Николай (Лейсман) тихо скончается. Никто и не вспомнил тогда, что когда-то он был не эстонским «автокефалистом», а ярким русофилом и поборником идеи перехода эстонского и латышского населения Прибалтийского края в «русское» православие — в целях ограничения сословного и национального угнетения со стороны местного немецкого дворянства.

Первая крупная работа о. Николая (тогда — настоятеля Гапсальского прихода) вышла в 1893 г. и называлась «Сношения латышско-эстских племен с соседними славянскими племенами. Начало православия между латышами и эстами до покорения Остзейского края немцами»²⁰. Книга представляла собой историческое исследование, посвященное сложному вопросу первого проникновения православной веры на родную для Лейсмана землю. В ней с самого начала была заметна ярко выраженная антигерманская направленность, а также

явная авторская симпатия к тем русским государям, которые либо поддерживали миссионерство в Балтии православных священников, либо пытались противодействовать немецким притязаниям в Ливонии.

Католическая вера, по мнению автора, принесла на ливонскую землю постепенное искоренение православия путем жестоких репрессивных мер к верующим со стороны немецких завоевателей. Завязавшиеся еще до возвышения Москвы торговые сношения между русскими и немцами в Балтии, а также появление русских торговых гонцов способствовали некоторому улучшению положения «ливонских» православных верующих. Однако укрепление политического веса Москвы привело к прямо противоположному эффекту: торговля постепенно затухала, а на ее место приходили католические репрессии против местных православных, которым мстили за действия их московских единоверцев ²¹.

По мнению Лейсмана, переход в протестантизм большого количества немецкого населения объективно ухудшил положение православных, положив начало процессу разрушения их храмов и общего падения нравов местного населения. Последним шансом прибалтийского православия стал, по Лейсману, первый, триумфальный для Москвы, период Ливонской войны, когда русские войска активно способствовали сооружению в крае православных храмов и миссионерству на местах. Важным фактором было и учреждение специальной православной епископии ²². Поражение же России в борьбе за Ливонию отбросило «православное дело» вновь на многие столетия назад. Храмы закрывались, а на местах уже хозяйничали поляки и шведы. Ослабили и торговые контакты между русскими и местным населением.

Ключевой работой Николая Лейсмана, в которой он раскрыл собственное видение современного положения православия в Прибалтийском крае, была вышедшая в Риге в издании Рижского Петро-Павловского Православного братства книга «Судьба православия в Лифляндии с 40-х до 80-х годов XIX столетия» ²³. Являясь своего рода продолжением ранее вышедших книг, эта работа представляет собой характеристику массового перехода эстонцев и латышей в православную веру, а также реакции на это балтийских немцев, угнетавших местное крестьянское население. Уже на первых страницах издания Лейсман отмечает, что во времена господства в регионе католического и лютеранского вероисповеданий «господа» прилагали все усилия к тому, чтобы «низшее сословие» исповедовало ту же религию, что и высшее ²⁴.

Автору важно было показать, что в XIX столетии православие из религии «невежд и плебеев» превратилось в силу, благодаря которой у «туземцев» появилась новая надежда, в том числе связанная с улучшением их материального благосостояния. Главными ходатаями за своих пасомых стали сами православные священники, которые разъясняли возможность противодействия давлению со стороны «немецких господ». Последние также нехотя, постепенно, но меняли собственную тактику, делая особый упор на народное образование латышей и эстонцев.

Переходя к рассмотрению причин распространения православия среди крестьянской среды края, Лейсман намечал следующую схему:

в связи с господством сначала католичества, а затем протестантизма, местное население пыталось найти выход в восстаниях, в следовании учению чешских братьев (гернгутеров). Позже, в особенности из-за невозможности покинуть родные земли в голодные годы, естественной притягательной силой оставалась православная вера²⁵. Со своей стороны, немцы объясняли стремление латышей и эстонцев присоединиться к Православной церкви совершенно иными причинами, а именно — пропагандой со стороны «русского элемента». Частью этого же процесса, если верить Лейсману, стало начало неформального коммуникативного общения русского православного населения с коренным балтским, которое, в отличие от немцев, воспринималось русскими как равное. Симпатия «аборигенов» к русским и антипатия к немцам естественно переносились и на религиозную сферу.

Еще один выделяемый о. Николаем фактор — отношение эстов и латышей к императору. Государь был для крестьян сакральной фигурой, вследствие чего священной представлялась и религия, которую он исповедовал. Свою роль здесь играла и национальная память: православная вера — «стародавняя и самая святая». Возникает и еще одно противопоставление: мирное шествие православия в Прибалтийском крае против «крещения огнем и мечом» в католичество. Последнее Лейсман критиковал, в частности, за его неспособность вытеснить из сознания местного населения языческие древние культы, которые удалось преодолеть лишь с распространением протестантизма. Отчасти это было следствием непонимания коренным населением латинского богослужения.

Проблемой же протестантизма была, по мнению Лейсмана, «удаленность» от «внутренних чувств» простых эстонцев и латышей, живущих преимущественно «воображением и внутренними впечатлениями». Свойственное протестантизму критическо-рационалистическое восприятие религии, согласно православному автору, хорошо воспринималось образованным населением, в душах же малообразованных крестьян «религия ума, а не сердца» не могла найти подлинного отклика²⁶.

Наконец, с присоединением к России на конфессиональное поле Балтии вышло православие. Первыми интерес к нему проявили жители Изборска и окрестностей, проживавшие рядом с Печерским монастырем. Несмотря на то, что их никто не призывал участвовать в православных богослужениях, они с большим интересом не только посещали праздничные литургии, но и начали переходить в православие (приводится пример перехода целого Верхоустинского прихода из лютеранства в православие).

В 1840-е гг. массовому переходу местного населения в православие во многом способствовали, по мнению Лейсмана, голод и материальная необеспеченность. Наряду с этими материальными факторами, значительную роль в деле привлечения «туземного» населения к православию сыграла деятельность епископа Рижского, викария учрежденной в 1836 г. Псковской епархии Иринарха (Попова). Многие крестьяне, в особенности в Мариенбургском уезде, приходили к владыке Иринарху как к печальнику, способному удовлетворить их не только духовные, но и материальные нужды²⁷.

Это было воспринято в штыки местным лютеранским духовенством и официальными властями региона. Дом епископа в Риге был

оцеплен, а направлявшиеся в город крестьяне, по словам о. Николая, задерживались и подвергались истязаниям. У немецких дворян были свои сторонники и в Санкт-Петербурге, в том числе граф П.П. Пален и граф А.Х. Бенкендорф, располагавшие немалыми возможностями воздействовать на желавших перейти в православие крестьян. Особенно возмущали автора попытки немцев заставить популярного в народе владыку Иринарха «агитировать» латышей и эстонцев против смены веры, что компрометировало не только персону епископа, но и все местное православное духовенство ²⁸.

Несмотря на то, что в ходе расследования владыка Иринарх и несколько других активных православных священников были оправданы, сторонников перехода в православие с целью улучшения собственного материального положения ждали розги и шпицрутены от прибывших войск. Из этого о. Николай сделал несколько выводов. Во-первых, реакция официального Петербурга показала, что влияние тамошней «немецкой партии» на государственную политику куда более весомо, чем декларации С.С. Уварова о государственном «православии» и «народности». Во-вторых, массовость и добровольность перехода коренного населения из лютеранства в православие свидетельствовали о том, что преодоление «религии господ» носило искренний характер. Наконец, события 1841 г. свидетельствовали и о способности православного духовенства вести активную миссионерскую и пастырскую работу, что, конечно же, ставилось в заслугу прежде всего владыке Иринарху.

Последовавшая затем протестантская реакция расценивалась автором как временная: о. Николай писал, что торжество победившего протестантизма было недолгим, так как уже через несколько лет народное движение против немецкого господства возобновилось с новой силой, и ключевую роль здесь вновь играла православная вера. Особая надежда возлагалась латышским и эстонским крестьянским населением лично на императора Николая I. Активизировалась в этот период и просветительская деятельность православного духовенства. Так, в 1842 г. на местные языки были переведены краткий катехизис и чин литургии Иоанна Златоуста. В Псковской духовной семинарии было усилено преподавание эстонского и латышского языков ²⁹. Но не дремали и противники православия. В остзейской протестантской пропаганде того времени православие представлялось «собачьей верой», русских обвиняли в причащении несмышленных детей и в идолопоклонстве (почитании икон). По мнению местных пасторов, русские якобы «бодаются», когда «целуют пол» в храме, а причащаются «обмоченными кусками» — то есть Хлебом и Вином (в западной традиции мирян причащали только хлебом) ³⁰.

Несмотря на определенные успехи православия в 1840-х гг., далее последовал период своеобразной реакции. По мнению о. Николая Лейсмана, 1860—1870-е гг. были самыми тяжелыми для местного православного населения. Лишь воззвания, которые составлялись новым владыкой Платоном (Городецким), могли изменить отношение эстов и латышей к сложившейся обстановке, ободрить их. Определенную роль играли здесь и частные пожертвования. Так, современный исследователь — священник Александр Берташ отмечает, что епископ Платон получил по сметам Синода за счет государственного

казначейства и индивидуальных пожертвований в 1864 и 1866 гг. около 215 тыс. руб., с помощью чего удалось построить 18 новых православных храмов. В 1866 г. епископ Платон также добивался того, чтобы в Рижской епархии появился vikarий — епископ Ревельский Вениамин (Карелин), которому суждено было занять правящую кафедру с титулом епископа Рижского и Митавского в 1870 году. О. Александр Берташ определил количество православных в трех губерниях — Лифляндии, Эстляндии и Курляндии — в 170 тыс. чел.; из них более всего (по данным от 1871 г., 148 тыс.) было именно в Лифляндии. Среди латышских православных приходов преобладали приходы в самой Риге и в Венденском уезде, эстонских — в Перновском и Аренбургском. Также современный исследователь особо отмечает большие ассигнования, которые поступили в епархию на рубеже 1860—1870-х гг., в особенности в сравнении с другими православными епархиями Империи на храмостроительство³¹. Примечательно, что абсолютно все возведенные в тот период православные храмы отличались архитектурной оригинальностью в сравнении с массой православных церквей России.

Благодаря отчету епископа Платона (Городецкого), в 1866 г. вышло высочайшее повеление, согласно которому безземельные православные эсты и латыши получали мызные земли, по мере освобождения последних из арендаторских контрактов. Уже в 1871 г. 1,5 тыс. православных крестьян были наделены землей по пять десятин, невзирая на противодействие со стороны немецкого дворянства и подвластной ему местной русской администрации. Землями наделяли не только крестьян: одновременно они переходили в ведение как церковных причтов, так и массово открывавшихся школ. Существенно улучшилось материальное обеспечение местного православного священства, увеличились ассигнования на народное образование. Русофилы теперь выступали со смелыми планами создания местного епархиального училищного совета, учреждения в каждом приходе специального училищного попечительства, организации по меньшей мере трех учительских семинарий — одной для русского, второй — для эстонского и третьей — для латышского местного населения. Для тех же, кто готов был обучаться в местных школах, сокращался срок службы в армии на два года. Согласно Лейсману, не остались в стороне от интересов православных в Остзейском крае и «неравнодушные» во всех уголках Российской империи. В ответ на проникновенное обращение епископа Платона (Городецкого) они массово стали поддерживать строительство церквей, высылать деньги. Около 800 тыс. руб. выделило государство через Министерство внутренних дел³².

В регионе стала широко развиваться и братская жизнь. Сам Лейсман посвятил истории Прибалтийского Православного Братства Христа Спасителя и Покрова Божией Матери в период 1892—1890 гг. целую статью. Эта работа во многом перекликается с историей православных приходов в Лифляндии. Более того, с самого начала Лейсман отмечал, что своему возникновению братство обязано, в первую очередь, среде православных латышей и эстонцев, где с 1870-х гг. стали возникать новые потенциалы к улучшению собственного образовательного и социально-экономического положения, в том числе через при-

нятие православия. Участиливо к этим желаниям отнеслись и жители Российской империи, готовые повернуться лицом к нуждам балтийских единоверцев³³.

В 1882 г. начался новый виток реформ в Прибалтике. Сенатор Н.А. Манасеин, русофил по своим политическим пристрастиям, провел ревизию положения дел в крае, особо заострив внимание на отрицательном отношении местных пастырей к православным и всяческом торможении процесса перехода в православную веру. После доклада Манасеина (впоследствии ставшего министром юстиции) многие лютеранские пасторы были подвергнуты судебному преследованию и понесли суровые наказания. Составленные отчеты предвосхитили, по мысли Лейсмана, реформы конца 1880-х гг., когда на регион распространились действия либерального судебного устава 1864 года³⁴. Славянофильская печать рассматривала это как прогрессивное явление. Так, П.А. Кулаковский писал в то время на страницах «Варшавского дневника»: «... ныне борьба с сепаративными окраинами ведется у нас теми средствами, которые дает *культура*. Стоит вспомнить, что происходит в Прибалтийской окраине... Не думаем, чтобы и завзятые “прибалтийцы” сами могли думать, что их прежние устарелые суды с пытками и средневековыми формами в каком бы то ни было отношении лучше гласного русского суда»³⁵. С точки же зрения Николая Лейсмана, введение в крае общерусских судебных порядков не только ограничило влияние остзейских феодалов и пасторов, но по сути дела узаконило поддержку православного дела в балтийских губерниях на имперском уровне³⁶.

Таким образом, во всех работах Николая Лейсмана, посвященных изучению истории и роли православия в регионе, присутствовало несколько основных тезисов. В качестве патриота Российской империи, он выступал за переход местного населения в православие, чему во многом должна была способствовать государственная политика. Лейсман являлся активным противником засилья Лютеранской церкви в Балтии, на примере конкретных случаев он регулярно обличал протестантов в давлении на православных новообращенцев. Другим врагом православия Лейсман считал «туземное» остзейское дворянство, проникшее в органы управления как в Прибалтийском крае, так и в столице, и тормозившее необходимые реформы. Наконец, автор постоянно призывал русское общество и православное духовенство оказывать всяческую поддержку местному населению. Господствовавшие в 1880-х — 1890-х гг. тенденции государственной политики на окраинах давали, по мнению Лейсмана, основания с оптимизмом смотреть на будущее православного дела в регионе.

Можно ли считать предательством последующий переход Лейсмана в стан «автокефалистов» и разрыв с «Матерью-Церковью»? Очевидно, нет. «Сергианская» Церковь не воспринималась в качестве своей и большинством русской эмиграции. Но главное — для самого Николая Лейсмана, судя по его текстам, и русофильство, и православие были средствами защиты интересов прежде всего своего народа. Биография преосвященного представляется скорее иллюстрацией ошибочности подхода московских славянофилов и пореформенных петербургских чиновников-русификаторов, отождествлявших православие с «русскостью».

Примечания

- Исследование выполнено в рамках гранта Президента Российской Федерации (2018 г.).
Тема: «Российская консервативная печать 1860-х — 1890-х гг. в борьбе с революционным и национальным радикализмом». № гранта МД-5387.2018.6.
1. ЕМЕЛЬЯНОВ Е.П. Остзейский вопрос на страницах славянофильских газет. В кн.: Документ. Архив. История. Современность. Т. 14. 2014, с. 221—222.
  2. ИНФАНТЬЕВ Б.Ф. Малоизвестные страницы жизни и деятельности Кришьяна Вальдемара. — Русский мир и Латвия. Вып. XIX, с. 57.
  3. «Я любил Вас любовью брата...» Переписка Ю.Ф. Самарина и баронессы Э.Ф. Раден (1861—1876). СПб. 2015. с. 40.
  4. ЕМЕЛЬЯНОВ Е.П. Ук. соч., с. 221—222
  5. КОРНИЛОВ И.П. Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в муравьевскую эпоху. Вып. 1. СПб. 1908, с. 39.
  6. АКСАКОВ И.С. Сочинения. Т. 3. М. 1886, с. 129—130.
  7. Весть. 1864, 26 сентября, № 39, с. 6.
  8. Там же, 9 февраля, № 6, с. 9.
  9. НОЛЬДЕ Б.Э. Ю.Ф. Самарин и его время. М. 2003. с. 11.
  10. Там же, с. 185.
  11. Там же, с. 220.
  12. МУСАЕВ В.И. Православие в Прибалтике в 1890—1930-е гг. СПб. 2018, с. 28, 93.
  13. Там же, с. 109.
  14. Там же, с. 174.
  15. Эстонский исторический архив (ЕАА), f. 1655, N. 2S. 2629. I. 1.
  16. Письма митрополита Таллинского и всея Эстонии митрополиту Рижскому и всея Латвии Августину (Петерсонсу) и протоиерею Иоанну Свемпу, написанные в 1941—1943 гг. — Православие в Балтии. 2014, № 2(11), с. 157.
  17. История Псковской православной миссии в документах. Ч. II. Документы судебно-следственных дел духовенства и служащих. Козельск. 2017, с. 279.
  18. Письма митрополита Таллинского..., с. 156.
  19. Там же, с. 159.
  20. ЛЕЙСМАН Н. Сношения латышско-эстских племен с соседними славянскими племенами. Начало православия между латышами и эстами до покорения Остзейского края немцами. Рига. 1893.
  21. Там же, с. 69—72.
  22. Там же, с. 69.
  23. ЕГО ЖЕ. Судьба православия в Лифляндии с 40-х до 80-х годов XIX столетия. Рига. 1910.
  24. Там же, с. 5—6.
  25. Там же, с. 15—16.
  26. Там же, с. 23—25.
  27. Там же, с. 33—35.
  28. Там же, с. 40—41.
  29. Там же, с. 45.
  30. Там же, с. 46—47.
  31. БЕРТАШ А., свящ. «Рижская школа» в храмостроительстве Прибалтийского края 1870-х гг. — Православие в Балтии. 2015, № 4(13), с. 25—30.
  32. ЛЕЙСМАН Н. Судьба православия в Лифляндии..., с. 112—115.
  33. ЕГО ЖЕ. Состоящее под Высочайшим покровительством его императорского величества Государыни Императрицы прибалтийское Православное Братство Христа Спасителя и Покрова Божией Матери. Рига. 1892.
  34. ЕГО ЖЕ. Судьба православия в Лифляндии..., с. 122.
  35. Варшавский дневник. 1890, 1 января, № 1, с. 2.
  36. ЛЕЙСМАН Н. Судьба православия в Лифляндии..., с. 122—123.

Реальное число жертв изъятия церковных ценностей в 1922—1923 гг.

Г.Г. Хмуркин

Аннотация. В данной публикации рассматривается вопрос о масштабах человеческих жертв в период кампании по изъятию церковных ценностей в 1922—1923 годах. Показывается, что число погибших в стычках с властями и казненных по приговору суда составляет несколько десятков человек.

Ключевые слова: Русская православная церковь, изъятие церковных ценностей, духовенство, голод, большевики, репрессии.

Abstract. The problem of the number of victims in the period of confiscation of Russian Orthodox Church values in 1922—1923 is considered in this publication. It is proved that only a few dozen people died in this campaign in street clashes and sentenced by the courts.

Key words: Russian Orthodox Church, confiscation of church values, clergy, famine, bolsheviks, repression.

Двухлетняя засуха 1920 и 1921 гг., неурожай и общая хозяйственная разруха после двух войн — первой мировой и гражданской — привели к страшному голоду 1921—1922 гг., которым были охвачены более 30 российских губерний. Люди сходили с ума, распространялось людоедство, матери убивали и ели своих детей, из могил похищали трупы. От голода и сопутствующих ему эпидемий умерло несколько миллионов человек. Ситуация усугублялась тем, что золотой запас страны стремительно сокращался, и за один только 1921 г. был израсходован более чем наполовину¹. В таких условиях никакое государственное и хозяйственное строительство, любой диалог с западными экономическими партнерами — а он был жизненно важен для голодающей, полуразрушенной страны — становился невозможным.

В этой критической ситуации большевики приняли решение об изъятии церковных ценностей — золота, серебра и драгоценных камней. Их можно было обменять на хлеб и накормить часть голодаю-

---

Хмуркин Георгий Георгиевич — старший преподаватель Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана. E-mail: hmurkin@mail.ru.

Khmourkin Georgy G. — senior lecturer at the Moscow State Technical University named after N.E. Bauman. E-mail: hmurkin@mail.ru.

ших, а также пополнить золотой запас. Кроме того, попутно решался вопрос политического «усмирения» Русской православной церкви.

Реакция на это решение была различной. В одних местах население отнеслось к нему с пониманием, и изъятие проходило спокойно, порою при активном содействии верующих и духовенства. В других местах оказывалось противодействие: ценности прятались, инсценировались ложные ограбления, возникали стычки с представителями власти, в результате которых были раненые и даже погибшие. Там, где было оказано сопротивление, впоследствии прошли суды над зачинщиками и подозреваемыми. Одни подсудимые были оправданы, другие — приговаривались к общественному порицанию, строгому выговору, штрафу или тюремному заключению, третьи — к высшей мере наказания. В последнем случае, как показывают исследования, приговоры не всегда приводились в исполнение ².

Вопрос о числе погибших в период изъятия церковных ценностей никогда не привлекал специального внимания исследователей.

Один из современников описываемых событий, К. Криптон, вспоминал, что в результате кампании к лету 1923 г. по всей стране были расстреляны десятки священнослужителей и простых верующих ³. В листовках, распространявшихся в Москве в 1922 г., утверждалось, что «у порога своих церквей» погибли многие сотни людей ⁴. В литературе более позднего периода традиционным стало утверждение, будто процесс изъятия привел к огромному количеству кровавых столкновений верующих с властями по всей стране и многим тысячам погибших в стычках и казненных.

Из книги в книгу кочуют сведения работавшего в эмиграции священника М.А. Польского (1891—1960) о том, что в результате столкновений при изъятии ценностей, а также по решению последовавших за ними судов в 1922 г. якобы погибло или было расстреляно в общей сложности 8100 чел., из которых 2691 — белое духовенство, 1962 — монашествующие, 3447 — монахини и послушницы ⁵. Он же в другом месте писал о том, что в 1922 г. «расстреляно было до десяти тысяч верующих» ⁶. Именно эти оценки — «8100 человек», «более 8 тысяч человек» и «около 10 000 человек» — чаще всего называются в литературе ⁷, причем их многократное повторение самыми разными авторами создает впечатление общепризнанного и надежно установленного факта. Однако о том, откуда взялась эта статистика и как производился подсчет, ни сам Польский, ни более поздние исследователи не сообщают. Не смогли ответить на этот вопрос и представители Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле (США, штат Нью-Йорк), где хранится архив Польского ⁸. А, между тем, вопрос об источниках обсуждаемых цифр и методике подсчета имеет принципиальное значение, поскольку даже сегодня, когда опубликована масса документов, исследователи, стремящиеся к объективности, воздерживаются от необоснованных оценок численности жертв, настаивая на необходимости детального изучения центральных и региональных архивов ⁹. Можно ли в таком случае доверять цифрам, указанным Польским? Известный историк А.Н. Кашеваров не воспринимает их всерьез, считая, что автор «некритически отнесся к субъективным суждениям и даже слухам, которые привезли за рубеж церковные активисты второй волны эмиграции» ¹⁰. Данные Польского «вызывают

недоумение» у кандидата исторических наук А.Г. Подмарицына ¹¹. По мнению И.В. Говоровой, посвятившей теме изъятия церковных ценностей свое диссертационное исследование, «никаких документальных подтверждений этим данным нет и они недостоверны» ¹². Даже авторы, близкие к церковным кругам, обычно склонным преувеличивать число жертв большевистских репрессий, вынуждены признать, что данные Польского содержат «много ошибок и неточностей» ¹³. В этой связи интересно отметить, что современный церковный исследователь статистики «гонений» Н.Е. Емельянов, к результатам которого многие исследователи обращаются как к последнему слову науки, считал, что цифры Польского завышены в 8—10 раз ¹⁴.

Хотелось бы обратить внимание читателей на любопытное свидетельство К.Н. Николаева — одного из участников Второго Всезарубежного Собора Русской Православной церкви, состоявшегося в августе 1938 г. в городе Сремски Карловцы (Югославия). В своем пространном докладе о положении Православной церкви в Советской России Константин Николаевич говорил: «Отобрание церковных ценностей сопровождалось поистине погромом духовенства. По сведениям, идущим из обновленческих кругов и поступившим за границу в конце 1924 г., всего было расстреляно и замучено 8110 чел. (так в тексте. — Г.Х.), из них 2691 лицо белого духовенства и 5409 монахов и монахинь, послушников и послушниц» ¹⁵. Если заметить, что 2691 и 5409 равняется 8100, а не 8110, становится ясно, что цифры Николаева и Польского (он также участвовал в указанном Соборе) идентичны, а значит первоисточником цифр Польского была некая статистика, циркулировавшая в «обновленческой» среде между началом 1922 и концом 1924 года. Ряд исследователей подвергают сомнению цифры, исходившие от «обновленцев», поскольку именно в их интересах было завышать статистику жертв и таким образом выставить патриарха Тихона преступником, подставившим под пули тысячи преданных ему верующих ¹⁶. Таким образом, и с этой стороны цифра «8100 погибших» оказывается весьма сомнительной.

Наряду с данными Николаева и Польского в литературе встречаются и более впечатляющие цифры. Утверждается, к примеру, что в ходе кампании было расстреляно 14 тыс. чел. — священнослужителей и активистов Церкви ¹⁷. Другие пишут, что в 1922 г. по суду и без суда погибло более 23 тыс. чел. белого и черного духовенства ¹⁸. Третьи заявляют, что в 1922 г. за сопротивление изъятию церковных ценностей было уничтожено не менее 25 тыс. человек ¹⁹. Однако наиболее внушительные данные таковы: якобы в ходе изъятия было расстреляно 40 тыс. священников, дьяконов и монахов и около 100 тыс. верующих — всего около 140 тыс. человек. Последняя цифра была «запущена» в оборот известным публицистом И.Л. Буничем, который привел свои данные без каких-либо ссылок ²⁰. Его цифры попали в некоторые научные статьи ²¹ и диссертации ²².

Таким образом, существующие в литературе оценки колеблются от десятков до сотен тысяч погибших. При таком гигантском разбросе никакая цифра, не подкрепленная хоть сколько-нибудь надежным источником, не может восприниматься всерьез. К тому же авторы, пишущие о кампании 1922 г., наиболее резонансные события традиционно связывают с одним и тем же весьма ограниченным спис-

ком городов (Шуя, Смоленск, Петроград, Москва, Старая Русса и некоторые другие), где, как показывают исследования, были единичные жертвы. Ответ на вопрос о реальном числе жертв, вызванных изъятием церковных ценностей, следует искать в региональных архивах, где по сей день хранится множество материалов — отчеты местных спецслужб о деталях кампании и сопутствующих мероприятиях, протоколы заседаний соответствующих местных комиссий, переписка с Москвой и т.п. В последние 20—25 лет десятки историков тщательно изучают эти архивные материалы и подробно излагают результаты своих изысканий в диссертационных работах. Кроме собственно архивных документов, диссертанты обращаются к данным центральной и местной периодической печати тех лет, дневникам и мемуарам участников событий, исследованиям церковных авторов. В результате такого комплексного изучения источников, как правило, складывается достаточно ясная картина событий в отдельном регионе. Практически все диссертации подробно рассказывают о настроениях населения на всех этапах кампании, о подготовке и ходе мероприятий по изъятию ценностей, всевозможных инцидентах и итогах. Если население оказывало противодействие и над зачинщиками проходили суды, непременным сюжетом диссертации являются судебные процессы, в частности, приводятся имена и количество осужденных, характер приговоров. Тексты диссертаций доступны любому желающему и в совокупности представляют собой ценный источник информации, позволяющий в первом приближении оценить реальные масштабы кровопролития по стране.

К настоящему моменту удалось познакомиться с 41 кандидатской и докторской диссертацией, написанной по архивным материалам нескольких десятков регионов и двух городов и защищенной в 1998—2016 годах. В результате можно сделать следующие выводы:

1) не было погибших: на Алтае ²³; в Архангельской губернии ²⁴; Башкирии (Уфимская губерния, Уфимская епархия, Башкирская АССР) ²⁵; Брянской губернии ²⁶; Владимирской губернии ²⁷; Воронежской губернии ²⁸; на Дальнем Востоке (совр. Приморский край, Хабаровский край, Амурская область, Камчатская область и Сахалинская область) ²⁹; в Донской области ³⁰; Карелии ³¹; на Кольском Севере (совр. Мурманская область) ³²; в Костромской губернии ³³; Крыму ³⁴; Кузбассе (совр. Кемеровская область) ³⁵; Курском крае (Курская губерния) ³⁶; Нижнем Поволжье (Астраханская и Царицынская губернии) ³⁷; Орловском крае ³⁸; Пермской области (епархия) ³⁹; Псковской губернии ⁴⁰; Самарском регионе ⁴¹; Свердловской области (Екатеринбургская епархия) ⁴²; Тверской (Калининская) епархии ⁴³; Тобольской епархии ⁴⁴; Тюменской епархии ⁴⁵; Челябинской области (епархия) ⁴⁶; Чувашии ⁴⁷; Ярославской губернии ⁴⁸; городе Вологде ⁴⁹.

2) погиб 1 чел.: на Ставрополье и Тереке ⁵⁰.

3) погибло по 2 чел.: в Вятской губернии ⁵¹; Зауралье (регион, прилегающий к восточному склону Урала в бассейне рек Тобол и Обь) ⁵²; Юго-Восточной Сибири (совр. Иркутская область, Читинская область и Бурятия) ⁵³.

4) погибло 4 чел.: в Петроградской губернии ⁵⁴.

5) погибло по 5 чел.: в Смоленской епархии ⁵⁵; городе Москве ⁵⁶.

6) погибло 8 чел.: в Иваново-Вознесенской губернии ⁵⁷.

7) разноречивые сведения имеются: по Новгородской губернии (епархии), где, погиб 1 ⁵⁸ или 4 человека ⁵⁹; по Пензенскому краю (епархии), где либо не было погибших ⁶⁰, либо погиб 1 ⁶¹ или 3 человека ⁶²; по Северной Осетии, где либо не никто не погиб ⁶³, либо погиб 1 человек ⁶⁴; по Тамбовской губернии, где или не было погибших ⁶⁵, или погибло «несколько человек» ⁶⁶.

Итого — около 40 (причем это верхняя планка) зафиксированных смертельных исходов.

В приведенной сводке суммировано число жертв кровавых инцидентов и предположительно казненных. Если же конкретизировать обстоятельства гибели людей и их социальный статус, то, согласно изученным диссертациям, получается следующая картина. В результате столкновений на всех перечисленных территориях погибли в общей сложности: 2 представителя духовенства, 1 мирянин, 3 представителя власти, а также немногим более 6 чел. неизвестного статуса. По решению судов было казнено: не более 15 представителей духовенства, не более 7 мирян, не более 2 представителей власти, не более 1 чел. неизвестного статуса. Необходимо пояснить, с чем связано пояснение «не более». Дело в том, что зачастую диссертант сообщает о количестве приговоренных к высшей мере наказания, но не уточняет, был ли приговор приведен в исполнение. При этом вынесение смертного приговора, как уже говорилось, не всегда означало расстрел, иногда, спустя некоторое время, его могли смягчить — например, заменить на тюремное заключение. Выяснение этого момента требует специального исследования.

Разумеется, приведенная сводка не может считаться полной. Во-первых, вряд ли все диссертанты сумели ознакомиться с полным объемом сохранившихся материалов об изъятии церковных ценностей в их регионах, тем более, что указанная кампания, как правило, была лишь одним из сюжетов диссертационной работы. Во-вторых, некоторые случаи расправ над теми, кто противодействовал изъятию, очевидно, не могли попасть в эту сводку, поскольку они не были зафиксированы ни в каких сохранившихся документах (например, в случае стихийных бессудных казней) ⁶⁷. И все же маловероятно, что не отраженные в сводке смерти могли бы существенно изменить статистику, доведя общее число погибших до гипотетических нескольких тысяч. В пользу этого говорит хотя бы то обстоятельство, что десятки исследователей по всей стране за истекшие 20—25 лет так и не сумели выявить ни одного региона, где бы в ходе изъятия погибло больше 8 человек.

Заметим также, что перечень российских регионов, приведенных в сводке, неполон. К настоящему моменту исследованы не все диссертации, в которых раскрывается тема церковно-государственных отношений в 1922—1923 гг., поскольку они пока недоступны. Кроме того, подобного рода подсчеты произведены еще, по-видимому, не во всех регионах России.

Следует сказать, что наряду с диссертациями в последнее время появились специальные исследования, целиком посвященные изъятию ценностей в конкретных регионах — Донской области ⁶⁸, Москве ⁶⁹, Смоленщине ⁷⁰. Все они подтверждают данные, извлеченные из диссертаций.

Косвенным подтверждением этих оценок могут послужить данные информационной Базы новомучеников и исповедников «За Христа пострадавшие». В начале 1990-х гг. Православный Свято-Тихоновский богословский институт (ныне — Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (ПСТГУ), г. Москва) приступил к систематическому сбору сведений о притеснявшихся в первые десятилетия советской власти представителях духовенства и церковных активистах. Авторы и участники этого уникального проекта пишут, что аккумулируемая ими информация не всегда достоверна, поскольку черпается из источников самого разного свойства ⁷¹. И, тем не менее, при всех оговорках огромный массив собранных ими сведений позволяет в первом приближении оценить масштабы и характер репрессивной политики советского государства в тот или иной период.

Так, например, по сведениям кафедры института, в настоящий момент (28.03.2018) в Базе данных содержатся сведения о 35 780 пострадавших в 1917—1950-х гг., из них в 1922—1923 гг. погибло в общей сложности 63 человека ⁷². Неясно, правда, сколько людей из названного числа погибли в ходе сопротивления изъятию ценностей, а не по каким-либо иным причинам. Стоит подчеркнуть, что это самая полная на сегодняшний день статистика, собранная в результате 25-летних поисков по самым разным источникам — в том числе, по огромному количеству (более 70) государственных архивов практически во всех регионах РФ и даже некоторых стран СНГ ⁷³.

Во многих работах говорится о том, что недовольство верующих изъятием церковных ценностей вылилось в 1414 кровавых инцидентов ⁷⁴. В некоторых работах это число округляется до 1,5 тысяч ⁷⁵. По-видимому, впервые указанная цифра прозвучала в середине мая 1922 г. из уст «обновленческого» священника В.Д. Красницкого ⁷⁶; тогда же, со ссылкой на его слова, эта цифра появилась (вероятно, впервые) в советской печати ⁷⁷. Однако насколько известно, никаких документальных подтверждений этому показателю никто из исследователей пока не представил. К тому же подобные сведения, исходившие от «обновленцев», по известным причинам не могут внушать исследователям доверия.

Помимо поразительной точности заявленного числа кровавых инцидентов, обращает на себя внимание и другое — его абсолютное несоответствие масштабам следственных мероприятий, упомянутых в работах многих историков. Дело в том, что в связи с сопротивлением изъятию ценностей, как утверждает целый ряд авторов, было заведено 231 дело ⁷⁸ (иногда это число округляют до 230 ⁷⁹ или 250 ⁸⁰), и по ним было осуждено в общей сложности 732 человека ⁸¹. К последней цифре исследователи часто делают приписку: «...многие из них были расстреляны» ⁸². Эти цифры и расплывчатая фраза тоже многократно переписываются из одной работы в другую, причем никто из авторов, по-видимому, не задается вопросом об их первоисточнике. Его поиск привел к малоизвестной брошюре И.П. Брихничева «Патриарх Тихон и его Церковь», изданной в 1923 году ⁸³. Автор, по всей видимости, имевший доступ ко многим документам, привел в тексте следующую статистику:

«По полученным от 55 трибуналов сведениям, окончено дел — 231. Всего привлечено лиц — 732» ⁸⁴.

Впоследствии эти данные — увы, без ссылки на работу Брехничева — попали в монографию Б. Кандидова «Голод 1921 года и церковь»⁸⁵, с которой историки, пишущие о церковно-государственных отношениях после Октябрьской революции, знакомы намного лучше (что неудивительно, поскольку на протяжении нескольких десятилетий после 1922 г. это была едва ли не единственная сколько-нибудь обстоятельная работа, посвященная изъятию церковных ценностей). Примечательный факт состоит в том, что Кандидов не привел одного чрезвычайно важного сведения из брошюры Брехничева — там, где последний называет количество заведенных дел и привлеченных лиц, дается детализированная статистика наказаний:

«Осуждено..... 149	Свыше 5 [лет осуждено]..... 8
Расстреляно..... 44	Взыскано имущество..... 4
Условно осуждено..... 75	Другие виды..... 120
До 1 года [осуждено]..... 31	Из этого числа осужденных
От 1—2 л[ет осуждено]..... 34	Духовных..... 181
[От] 2—3 [лет осуждено].... 199	Граждан..... 408» ⁸⁶ .
[От] 3—5 [лет осуждено].... 74	

Таким образом, принимая (или не принимая) на веру ныне широко растиражированные сведения о «231 деле» и «732 подсудимых», исследователям придется поставить в этот же ряд и сведения о «44 расстрелянных». Симптоматично, что в самом начале 1990-х гг., когда данные Польского еще не получили распространения в России, информация о «44 расстрелянных» воспринималась исследователями как нечто вполне укладывающееся в рамки известных фактов, свидетельством чему — почти забытая научная публикация А.И. Горшкова и Т.В. Порфирьевой 1992 г., в которой была предпринята одна из первых попыток изучить ход обсуждаемой кампании по материалам российских архивов⁸⁷.

Складывается впечатление, что умолчание Кандидова о нескольких десятках расстрелянных в период кампании по изъятию церковных ценностей и стало тем «первородным грехом» историографии обсуждаемых драматических событий, который не позволил современным исследователям критически отнестись к данным Польского.

Таким образом, к традиционным для публицистической и отчасти научной литературы утверждениям о «многих тысячах» погибших в ходе изъятия церковных ценностей в 1922—1923 гг. следует относиться крайне осторожно. Во всяком случае, предлагаемая оценка — несколько десятков жертв по всей стране — на наш взгляд, является более обоснованной, нежели голословные заявления Польского и Бунича. Она полностью согласуется как с данными советской печати начала 1920-х гг. (44 казненных), так и с конкретно-биографическими данными, собранными к сегодняшнему дню Русской православной церковью (не более 63 погибших в стычках и казненных).

1. ЛОГИНОВ В.Т. Заветы Ильича. Сим победиши. М. 2017, с. 288.
2. См., например: ПОЛЯКОВ А.Г. Церковно-государственные отношения в 1917 — середине 1920-х гг. (на материалах Вятской губернии). Дисс. канд. ист. наук. Киров. 2007, с. 115.
3. КРИПТОН К. Защита канонов православия. 1922—1925. По личным наблюдениям, документам и литературным данным. — Вестник Русского христианского движения. (Париж — Нью-Йорк — Москва). 1979, № 128, с. 228.
4. Листовка «Куда идет церковное золото», распространявшаяся в Рогожско-Симонском районе г. Москвы. (Не ранее 8 марта, но не позднее 1 апреля 1922 года). В кн.: Архивы Кремля. Кн. 2. Политбюро и церковь. 1922—1925 гг. Новосибирск-М. 1998, с. 125.
5. Новые мученики российские. Первое собрание материалов. Jordanville-New York. 1949, с. 214.
6. Там же, с. 101.
7. См., например: АНДРЕЕВ И.М. Краткий обзор истории Русской Церкви от революции до наших дней. Джорданвилль-Нью-Йорк. 1952, с. 27; РАР Г. (ВЕТРОВ А.). Плененная церковь: очерк развития взаимоотношений между церковью и властью в СССР. Франкфурт-на-Майне. 1954, с. 11; РЕГЕЛЬСОН Л. Трагедия Русской Церкви. 1917—1945. Paris. 1977, с. 314; БУЛГАКОВ Н. Патриарх. — Комсомольская правда. 1990, 31 января, № 25, с. 4; АЛЕКСЕЕВ В.А. Иллюзии и догмы. М. 1991, с. 204; РУСАК В. Пир сатаны. Русская Православная Церковь в «ленинский» период (1917—1924). London-Canada. 1991, с. 105; ШИПУНОВ Ф.Я. Истина Великой России. М. 1992, с. 22; ПОСПЕЛОВСКИЙ Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М. 1995, с. 106; Архивы Кремля. Кн. 1. 1997, с. 78; КАШЕВАРОВ А.Н. Церковь и власть. Русская Православная Церковь в первые годы Советской власти. СПб. 1999, с. 295; СОКОЛОВ Г.Е. Кампания 1922 г. по изъятию церковных ценностей (на примере Москвы). — Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Информационно-аналитический бюллетень. М. 2001, № 3 (27), с. 106; МИТРОФАНОВ Г., протоиерей. История Русской Православной Церкви. 1900—1927. СПб. 2002, с. 219, 277; КАШЕВАРОВ А.Н. Православная Российская Церковь и Советское государство (1917—1922). М. 2005, с. 35, 238—239; ШКАРОВСКИЙ М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М. 2010, с. 95; ПЕРЕЛЫГИН А.И. Орловское духовенство в годы политических репрессий. — Ученые записки Орловского государственного университета. 2016, № 2 (71), с. 42.
8. Письмо администратора библиотеки Свято-Троицкой духовной семинарии в Джорданвилле А. Любимова от 18.04.2018. Электронный архив автора.
9. Архивы Кремля, кн. 1, с. 39; КАШЕВАРОВ А.Н. Православная Российская Церковь..., с. 35.
10. Там же, с. 37. Та же мысль практически дословно повторяется в работе Н.Ю. Безшлеевой. См.: БЕЗШЛЕЕВА Н.Ю. Проблема новомученичества в исследованиях современных историков. — Общество: философия, история, культура. 2016, с. 102.
11. ПОДМАРИЦЫН А.Г. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и государственных органов в Самарском регионе (1917—1941 гг.). Дисс. канд. ист. наук. Самара. 2005, с. 105.
12. ГОВОРОВА И.В. Изъятие церковных ценностей в 1922 г. в контексте государственно-церковных отношений. Дисс. канд. ист. наук. М. 2006, с. 223.
13. За Христа пострадавшие. Гонения на Русскую Православную Церковь 1917—1956. Биографический справочник. Кн. 1 (А). М. 2015, с. 23.
14. ЕМЕЛЬЯНОВ Н.Е., ХАЙЛОВА О.И. Гонения на Русскую Православную Церковь (1917 — 1950-е годы). — Россия и современный мир. 2008, № 4 (61), с. 118.
15. НИКОЛАЕВ К.Н. Положение Православной Церкви и веры в Сов[етской] России. Доклад. В кн.: Деяния Второго Всезарубежного Собора Русской Православной Церкви за границей. С участием представителей клира и мирян, состоявшегося 1/14—11/24 августа 1938 года в Сремских Карловцах в Югославии. Белград. 1939, с. 65.

16. БУЛАВИН М.В. Взаимоотношения государственной власти и Православной Церкви в России в 1917—1927 гг. (на примере Урала). Дисс. канд. ист. наук. Екатеринбург. 2000, с. 116; КАШЕВАРОВ А.Н. Православная Российская Церковь..., с. 34—35.
17. ВОЛКОГОНОВ Д.А. Ленин. Политический портрет. Кн. 2. М. 1997, с. 212—213.
18. Главные вехи крестного пути Церкви в России, 1917—1987 (без пагинации). В кн.: Крестный путь Церкви в России. 1917—1987. Frankfurt am Main. 1988; ШИПУНОВ Ф.Я. Ук. соч., с. 22.
19. РУСАК В. Ук. соч., с. 105.
20. БУНИЧ И.Л. Полигон Сатаны. Сборник. СПб. 1994, с. 98.
21. ПЕРЕЛЫГИН А.И. Ук. соч., с. 42.
22. ЕГО ЖЕ. Русская Православная Церковь в Орловском крае (1917—1953 гг.). Дисс. канд. ист. наук. Орёл. 2009, с. 49.
23. МЕЗЕНЦЕВ Р.В. Православная Церковь на Алтае в 1917—1940 гг. Дисс. канд. ист. наук. Горно-Алтайск. 2003, с. 89—118.
24. МИХАЙЛОВ С.В. Государство и церковь: отношения органов власти, религиозных организаций и верующих на Архангельском Севере в 1918—1929 гг. Дисс. канд. ист. наук. Архангельск. 1998, с. 115—125.
25. КИРЕЕВА Н.А. Русская Православная Церковь и Советское государство с октября 1917 по 1928 год (на материалах Уфимской губернии — Башкирской АССР). Дисс. канд. ист. наук. Оренбург. 2009, с. 120—142; АБДУЛОВ Н.Т. Уфимская епархия в системе государственно-церковных отношений. 1917—1991 гг. Дисс. канд. ист. наук. Уфа. 2006, с. 46—56; ВАСИЛЬЕВА И.Г. Взаимоотношения Советского государства и религиозных объединений в Башкирии (1917—[19]20-е годы). Дисс. канд. ист. наук. Уфа. 1998, с. 140—143.
26. ЗАХАРОВ В.И. Взаимоотношения местных органов государственной власти и церкви на территории Брянской губернии в 1917—1929 гг. Дисс. канд. ист. наук. Брянск. 2012, с. 96—116.
27. МАЙОРОВА Н.С. Государство, церковь, школа и их взаимоотношения в 1917—1929 гг. (на материалах Верхнего Поволжья). Дисс. канд. ист. наук. Кострома. 2000, с. 117—128.; КУТЕРГИНА Ю.В. Политика советского государства по отношению к Русской православной церкви в 1918—1925 гг. во Владимирской губернии. Дисс. канд. ист. наук. Владимир. 2008, с. 87—118.
28. ЕМЕЛЬЯНОВ С.Н. Взаимоотношения государственных органов власти и Русской Православной Церкви в Центральном Черноземье в 1917—1922 гг. Дисс. канд. ист. наук. Курск. 2011, с. 150—180.
29. МАЛЕНКОВ В.В. Государственная политика в области религии на Дальнем Востоке России (1917—1937 гг.). Дисс. канд. ист. наук. Южно-Сахалинск. 2004, с. 88—89, 105—106.
30. БИРЮКОВА Ю.А. Советская власть и православные общины Дона в 1920—1930-х гг.: характер отношений на местах. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Ростов-на-Дону. 2012.
31. БАСОВА Н.А. Русская Православная Церковь в Карелии в 1918—1941 годах. Дисс. канд. ист. наук. Петрозаводск. 2006, с. 106—117.
32. БАРДИЛЕВА Ю.П. Государственно-церковные отношения на Кольском Севере в первой трети XX века. Дисс. канд. ист. наук. Мурманск. 2000, с. 151—153.
33. МАЙОРОВА Н.С. Ук. соч., с. 117—128.
34. КАТУНИН Ю.А. Православная церковь и государство: проблема взаимоотношений в 1917—1939 гг. (на материалах Крыма). Дисс. докт. ист. наук. Симферополь. 2003, с. 273—283.
35. КРЕПИЦИНА Е.В. Государственная политика в сфере религии на территории Кузбасса в 1920—1929 гг. Дисс. канд. ист. наук. Кемерово. 2006, с. 76—77, 84—85.
36. БУНИН А.Ю. Деятельность православного духовенства Курского края в 1905—1929 гг. Дисс. канд. ист. наук. Курск. 2005, с. 126—135; ЕМЕЛЬЯНОВ С.Н. Ук. соч., с. 150—180.
37. СКОЛОТА Р.В. Государственно-церковные отношения в 1921—1927 годах в Нижнем Поволжье. Дисс. канд. ист. наук. Астрахань. 2011, с. 20—42.
38. ПЕРЕЛЫГИН А.И. Русская Православная Церковь..., с. 44—50.

39. АГАФОНОВ П.Н. Эволюция государственно-церковных отношений в 1920—1929 гг. (На материале Пермской епархии). Дисс. канд. ист. наук. Пермь. 2002, с. 37—56; БУЛАВИН М.В. Ук. соч., с. 79—121, 289—290; ВЯТКИН В.В. История Пермской епархии в XIX — начале XXI века: формы и методы церковной деятельности, государственно-церковные отношения. Дисс. канд. ист. наук. Пермь. 2005, с. 187—188; ЗОРИНА Н.А. Становление государственно-церковных отношений на Урале. (1917—1925). Дисс. канд. ист. наук. М. 2003, с. 84—99.
40. ДРОЗДОВА М.А. Советское государство и церковь в 1917—1927 гг. (по материалам Северо-Запада России). Дисс. канд. ист. наук. Псков. 2009, с. 82—125.
41. ПОДМАРИЦЫН А.Г. Ук. соч., с. 97—105.
42. БУЛАВИН М.В. Ук. соч., с. 79—121, 289—290; ЗОРИНА Н.А. Ук. соч., с. 84—99.
43. ЦЫКОВ И.В. Органы управления Тверской (Калининской) епархией и динамика внутрицерковной жизни в 1917 — середине 1930 годов. Дисс. канд. ист. наук. Тверь. 2013, с. 82—90.
44. ДРОНОВА В.В. Эволюция государственно-церковных взаимоотношений в 1917 — конце 1930-х гг. (на примере Тобольской епархии). Дисс. канд. ист. наук. Барнаул. 2011, с. 87—98.
45. ЗОРИНА Н.А. Ук. соч., с. 84—99.
46. БУЛАВИН М.В. Ук. соч., с. 79—121, 289—290; ЗОРИНА Н.А. Ук. соч., с. 84—99.
47. КОЗЛОВ Ф.Н. Взаимоотношения государства и Русской Православной Церкви в 1917 — начале 1940-х гг. (по материалам Чувашии). Дисс. канд. ист. наук. Саранск. 2009, с. 153—171.
48. МАЙОРОВА Н.С. Ук. соч., с. 117—128.
49. СПАСЕНКОВА И.В. Православная традиция русского города в 1917—1930-е гг. (на материалах Вологды). Дисс. канд. ист. наук. Вологда. 1999, с. 46—60.
50. ПАНТЮХИН А.М. Обновленческое движение Русской православной церкви в 20—40-е гг. XX в. (на материалах Ставрополя и Терека). Дисс. канд. ист. наук. Ростов-на-Дону. 2013, с. 64—71, 86—93.
51. ПОЛЯКОВ А.Г. Ук. соч., с. 100—116.
52. БОРИСОВА В.В. Русская православная церковь в условиях трансформационных процессов 1917—1936 гг. Дисс. канд. ист. наук. Нижневартовск. 2012, с. 108—122.
53. ПАЛАМАРЧУК А.В. Исторический опыт взаимоотношений государства и Церкви в Юго-Восточной Сибири (1920—1930-е гг.). Дисс. канд. ист. наук. Иркутск. 2002, с. 60—82.
54. ДРОЗДОВА М.А. Ук. соч., с. 82—125.
55. КАИЛЬ М.В. Православная церковь и верующие Смоленской епархии в 1917 — середине 1920-х гг.: эволюция государственно-церковных отношений и внутриконфессиональные процессы. Дисс. канд. ист. наук. Смоленск. 2011, с. 131—142, 149—152.
56. ЧЕРНОВА Е.Л. Реформаторство в церковной жизни Москвы 1920-х гг.: становление и развитие обновленчества. Дисс. канд. ист. наук. М. 2014, с. 39—40.
57. Данные по Иваново-Вознесенской губернии уточнены по дополнительным источникам: Н.С. Майорова говорит об 1 погибшем в стычках, хотя в шифротелеграмме, отправленной из Иваново-Вознесенска в Москву по горячим следам, сказано о 5 убитых. См.: Архивы Кремля, кн. 1, с. 132.
58. ДРОЗДОВА М.А. Ук. соч., с. 82—125.
59. ХРУСТАЛЁВ М.Ю. Русская Православная Церковь в центре и на периферии в 1918—1930-х годах (на материалах Новгородской епархии). Дисс. канд. ист. наук. Архангельск. 2004, с. 41—55. Данные уточнены по диссертациям М.В. Булавина (БУЛАВИН М.В. Ук. соч., с. 116) и М.А. Дроздовой (ДРОЗДОВА М.А. Ук. соч., с. 95).
60. ЛЕБЕДЕВА Д.В. Религия и Церковь в идеологической практике советского государства в 1920-е — 1940-е гг. (по материалам Пензенского края). Дисс. канд. ист. наук. Саранск. 2012, с. 93—100.
61. МАЛЮКОВА Э.Д. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и Советской власти в 1918—1937 гг. (на примере Пензенского Края). Дисс. канд. ист. наук. Пенза. 2010, с. 69—83.
62. АРИСТОВА К.Г. Обновленчество в Пензенской епархии в 1917—1923 гг.: Первые уроки Советской власти. Дисс. канд. ист. наук. Пенза. 2011, с. 144—178.

63. ДЗЕБИСОВ А.Т. Советское государство и Православная Церковь в условиях трансформационных процессов 1920—1930-х гг. (на материалах Северной Осетии). Дисс. канд. ист. наук. Владикавказ. 2013, с. 86—106.
64. ГОРОБЕЦ А.А. История Русской Православной Церкви в Северной Осетии. 1917—1924 гг. Дисс. канд. ист. наук. Владикавказ. 2004, с. 83—98.
65. АЛЛЕНОВ А.Н. Власть и Церковь в русской провинции в 1917—1927 гг. (На материалах Тамбовской губернии). Дисс. канд. ист. наук. Тамбов. 2004, с. 68—87.
66. ЕМЕЛЬЯНОВ С.Н. Ук. соч., с. 150—180.
67. Так, профессор Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, доктор исторических наук Валентина Юрьевна Волошина в личной беседе с автором сообщила, что ее прадед — священник Александр Шутов, противодействовавший изъятию, — был выведен из дома и на глазах семьи расстрелян (по всей видимости, имела место бессудная казнь). Это произошло в 1923 г. в селе Аромашево Голышмановской волости Ишимского уезда Тобольской губернии. Обращение В.Ю. Волошиной в архив Федеральной службы безопасности не дало результатов: из архива пришел ответ, что документов, содержащих сведения о расправе над А. Шутовым, не обнаружено. В то же время в приводимой нами сводке указано, что в Зауралье и в Тобольской епархии жертв среди духовенства не было.
68. ШАДРИНА А.В., ТАБУНЩИКОВА Л.В. Изъятие церковных ценностей в Донской области. 1922 год. Сб. документов. Ростов-на-Дону. 2013. При всем богатстве представленного документального и статистического материала, о трагических итогах кампании составители пишут крайне сдержанно: «Следствием кампании по изъятию церковных ценностей были и суды над духовенством, проходившие в г. Ростове-на-Дону» (Там же, с. 55). Полагаем, если бы в результате этих судов был расстрелян хотя бы один человек, авторы непременно упомянули бы об этом.
69. Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 году. Сб. документов из фонда Реввоенсовета Республики. М. 2006. Так же, как и в диссертации Е.Л. Черновой, авторы сборника подытоживают общее число расстрелянных: 4 представителя духовенства и 1 мирянин. (Там же, с. 23—24).
70. КАЙЛЬ М.В. Власть и православные верующие в российской провинции начала 1920-х годов (Голод. Изъятие церковных ценностей. Раскол. Процесс смоленских церковников на Смоленщине.). Смоленск. 2008, с. 68—69. В результате детального изучения архивных материалов Каиль пришел к заключению, что на Смоленщине к высшей мере наказания были приговорены 4 мирянина. В то же время, в разделе, посвященном собственно процедуре изъятия, Каиль вообще не упомянул о погибших в стычках с представителями власти. (Там же, с. 24—40, 68).
71. За Христа пострадавшие..., с. 23.
72. Письмо сотрудника кафедры информатики ПСТГУ В.А. Тищенко от 28.03.2018. Электронный архив автора.
73. Неполный список задействованных архивов см.: За Христа пострадавшие..., с. 22—23.
74. АНДРИАНОВ Ф. Изъятие церковных ценностей и духовенство. Тула. 1922, с. 17, 19; ВВЕДЕНСКИЙ А.И., протоиерей. Церковь Патриарха Тихона. М. 1923, с. 77; Черная книга («Штурм небес»). Сб. документальных данных, характеризующих борьбу советской коммунистической власти против всякой религии, против всех исповеданий и церквей. Париж. 1925, с. 57; РАР Г. (ВЕТРОВ А.). Ук. соч., с. 11; ВАСИЛЬЕВА О.Ю., КНЫШЕВСКИЙ П.Н. Красные конкистадоры. М. 1994, с. 174; ПОСПЕЛОВСКИЙ Д.В. Ук. соч., с. 106; ЦЫПИН В., протоиерей. Русская Церковь (1917—1925). [М.] 1996, с. 170, 243; Архивы Кремля, кн. 1, с. 78; ЦЫПИН В., протоиерей. История Русской Церкви. Кн. IX: 1917—1997. М. 1997, с. 76; КАШЕВАНОВ А.Н. Православная Российская Церковь..., с. 34—35.
75. ХЕНКИН Е.М. Очерки истории борьбы советского государства с голодом (1921—1922). Красноярск. 1988, с. 91; За Христа пострадавшие..., с. 10.
76. Если верить одному из лидеров обновленцев А.И. Введенскому, формула «1414 зарегистрированных кровавых эксцессов» прозвучала 12 мая 1922 г., когда пятеро представителей «демократического» крыла православного духовенства — Введенский, Белков, Калиновский, Красницкий и Стадник — побывали у Патриарха Тихона на Троицком подворье и имели с ним продолжительную беседу, в которой указали Святейшему на ряд фактов, которые, по мнению пришедших, дискреди-

тировали Патриарха и нанесли вред Церкви (ВВЕДЕНСКИЙ А.И., протоиерей. Ук. соч., с. 77—78). Упоминаний обсуждаемой цифры в связи с более ранней датой нигде не встречается.

77. Временное самоустранение Патриарха Тихона от патриаршества. — Известия В.Ц.И.К. Советов Рабочих, Крестьянских, Казачьих и Красноармейских Депутатов и Московского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов. 1922 г., 17 мая, № 108 (1547), с. 1.
78. КАНДИДОВ Б. Голод 1921 года и церковь. М.-Л. 1932, с. 63; РЕГЕЛЬСОН Л. Ук. соч., с. 285; ХЕНКИН Е.М. Ук. соч., с. 91; ЦЫПИН В., протоиерей. Русская Церковь..., с. 212; ЕГО ЖЕ. История Русской Церкви..., с. 90; Архивы Кремля, кн. 1, с. 78; КРИВОВА Н.А. Власть и церковь в 1922—1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М. 1997, с. 155; КАШЕВАРОВ А.Н. Церковь и власть..., с. 294; ЕГО ЖЕ. Православная Российская Церковь..., с. 35, 238; КАИЛЬ М.В. Власть и православные верующие..., с. 60.
79. ГОРШКОВ А.И., ПОРФИРЬЕВА Т.В. Судебные процессы над российскими священнослужителями и верующими в 1922 году (Архивные документы о природе и характере конфликта церкви с Советской властью). См.: Обновление России: Трудный поиск решений. Годичные чтения в Российском независимом институте [социальных и национальных проблем]. М. 1992, с. 179.
80. ТРИФОНОВ И.Я. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы НЭПа (1921—1937). М. 1960, с. 34; ПЛАКСИН Р.Ю. Церковная контрреволюция 1917—1923 гг. и борьба с ней. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Л. 1968, с. 13—14; РУСАК В. Ук. соч., с. 93, 103; КРИВОВА Н.А. Ук. соч., с. 155; КАШЕВАРОВ А.Н. Православная Российская Церковь..., с. 238.
81. КАНДИДОВ Б. Ук. соч., с. 63; РЕГЕЛЬСОН Л. Ук. соч., с. 285; ХЕНКИН Е.М. Ук. соч., с. 91; КРИВОВА Н.А. Ук. соч., с. 155; ЦЫПИН В., протоиерей. Русская Церковь..., с. 212; ЕГО ЖЕ. История Русской Церкви..., с. 90; Архивы Кремля, кн. 1, с. 78; КАШЕВАРОВ А.Н. Церковь и власть..., с. 294; ЕГО ЖЕ. Православная Российская Церковь..., с. 35, 238; КАИЛЬ М.В. Власть и православные верующие..., с. 60.
82. ЦЫПИН В., протоиерей. Русская Церковь..., с. 212; ЕГО ЖЕ. История Русской Церкви..., с. 90; КРИВОВА Н.А. Ук. соч., с. 155; КАШЕВАРОВ А.Н. Церковь и власть..., с. 294; ЕГО ЖЕ. Православная Российская Церковь..., с. 238.
83. БРИХНИЧЕВ И. Патриарх Тихон и его Церковь. М. 1923.
84. Там же, с. 19.
85. КАНДИДОВ Б. Ук. соч., с. 63.
86. БРИХНИЧЕВ И. Ук. соч., с. 19—20. Текст приводится в современной орфографии.
87. ГОРШКОВ А.И., ПОРФИРЬЕВА Т.В. Ук. соч., с. 179. Увы, авторы не сообщают, откуда они почерпнули информацию о 44 расстрелянных.

Планы Белого движения и Польши в Центрально-Восточной Европе (конец 1918 — начало 1920 г.)

В.А. Зубачевский

Аннотация. Итоги и последствия первой мировой войны требуют дальнейшего исследования. В данной публикации рассматриваются планы Белого движения и Польши в Центрально-Восточной Европе.

Ключевые слова: первая мировая война, Центрально-Восточная Европа, Белое движение, Польша, Восточная Галиция.

Abstract. Results and Consequences of World War I demand the following investing actions. In the publication stated plans of the White Movement and Poland in Central East Europe.

Key words: World War I, Central-East Europe, the White movement, Poland, East Galicia.

Петербургский историк В.В. Носков считает термин «Центрально-Восточная Европа» идеологической конструкцией, оставшейся в наследство современной историографии от времен «холодной войны», и попыткой возродить миф о величии Речи Посполитой (Rzeczpospolita) ¹. В данной публикации концепт ЦВЕ используется только в качестве аббревиатуры.

Исторический опыт действий Российской империи по защите ее западных рубежей в начале XX в. актуален и в настоящее время. Однако при всей важности изучения политики России в ЦВЕ, комплексного геополитического освещения в отечественной исторической литературе эта тема не получила.

Восточная Галиция, Прикарпатская Русь и Северная Буковина ² в XIX в. являлись фронтиром (пограничьем) монархии Габсбургов. К началу XX в. границы между Россией и Австро-Венгрией отражали сложившуюся систему пространственно-силовых отношений и баланс сил между державами. Однако геополитическое положение Российс-

---

Зубачевский Виктор Александрович — доктор исторических наук, профессор Омского государственного педагогического университета. E-mail: zubachevskiy@mail.ru.

Zubachevskiy Viktor A. — doctor of historical sciences, professor at the Omsk State Pedagogical University. E-mail: zubachevskiy@mail.ru.

кой империи было уязвимо, поскольку на протяжении западной сухопутной границы отсутствовали серьезные естественные преграды. И по мере осложнения международной обстановки интерес России к сопредельным землям монархии Габсбургов усиливался.

Так, по мнению российских правящих кругов, империя могла бы «опереться на Карпаты» в случае приобретения Восточной Галиции и Прикарпатской Руси, две трети населения которых составляли русины, тяготевшие в основном к России (униаты-москвофилы и православные карпаторусы). Посол в Вене М.Н. Гирс напомнил в письме от 8 февраля 1912 г. министру иностранных дел С.Д. Сазонову, что после присоединения к Австрии Восточная Галиция официально «называлась *Rot Russland* (Червоная Русь), а население — *russisch*... Ныне австрийское правительство отрицает... существование русского племени в Галиции». По мнению Гирса, предоставление Галиции в 1861 г. автономии привело к тому, что фактически землей управляют поляки, провоцирующие антироссийские настроения в среде русин³. В России (и не только) возобладало мнение, что понятие «украинец» ввели власти Австро-Венгрии для обозначения противников «москалей» (униатов-украинцев). Не случайно, многие отечественные историки считают, что австрийская политика способствовала превращению Восточной Галиции в «украинский Пьемонт». Однако национальное размежевание на восточных землях монархии Габсбургов было затруднено в связи с этнической чересполосицей на границе с Западной Галицией и на западе Прикарпатской Руси, кроме того, Львов образовал «на русской территории польский остров»⁴.

С началом мировой войны стратегическое значение восточных земель Австро-Венгрии выросло. В правящих кругах воюющих держав начались дискуссии относительно послевоенной судьбы региона, определявшейся во многом ситуацией на фронте. Успешное наступление русской армии привело к установлению контроля России над Восточной Галицией (сентябрь 1914 — май 1915 г.), но затем последовали военные неудачи (исключение — «Брусиловский прорыв»), обусловившие крах российских надежд «опереться на Карпаты».

После свержения династии Романовых Временное правительство в целом восприняло геополитические установки царизма. Но под давлением Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов кабинет Г.Е. Львова 29 марта 1917 г. согласился на предоставлении Польше независимости в ее этнических границах, хотя полагал необходимым земли с украинским и белорусским населением оставить в пределах России, включив в ее состав также восточные территории Австро-Венгрии. В ответ на декларацию Временного правительства в ноябре 1917 г. была провозглашена Украинская народная республика (УНР), власти которой претендовали на земли российских «смежных губерний»⁵.

Таким образом, после Февральской революции усилилось стремление народов, как западных окраин бывшей Российской империи, так и восточных земель Австро-Венгрии, к национальной независимости. Начавшиеся центробежные процессы заложили основу для последующей геополитической трансформации региона. В Восточной Галиции в октябре 1918 г. образовалась Западно-Украинская народная республика (ЗУНР), но в ноябре польские формирования заняли

Львов, а со временем — большую часть ЗУНР. Аналогичная судьба постигла Северную Буковину, оккупированную румынскими войсками. В ноябре 1918 г. стали суверенными Польша и Чехословакия, но существовавшая в регионе этноконфессиональная чересполосица не позволяла установить новым государствам четкие границы и способствовала возникновению конфликтов на восточных окраинах бывшей монархии Габсбургов.

Борьба за «справедливые границы» на востоке Центральной Европы велась под легализованным после окончания мировой войны лозунгом о праве наций на самоопределение, прикрываясь которым молодые государства, особенно Польское, вынашивали аннексионистские замыслы. Созданные Германией в Польше марионеточные политические структуры в ноябре 1918 г. передали власть Ю. Пилсудскому, провозглашенному Начальником государства и Верховным главнокомандующим. К этому времени относится оформление группировки пилсудчиков, которая включила в себя представителей как левоцентристских партий, помнивших социалистическое прошлое Пилсудского, так и буржуазно-помещичьих кругов, имевших собственность на восточных окраинах (кресах) бывшей Речи Посполитой. Поддержка последними Начальника государства объяснялась тем, что он выступал за польскую гегемонию на востоке Центральной Европы, образование между Россией и Польшей буферного пояса из формально автономных, но подчиненных Варшаве Украины, Белоруссии, Литвы. План образования федеративной Польши (минимум — в границах 1772 г., максимум — от Балтики до Чёрного моря) отвергли лидеры Белого движения, выступавшие с имперских позиций. Поэтому Пилсудский под давлением Антанты шел на формальное сотрудничество с белыми, а в борьбе с красными придерживался в основном геополитических мотивов.

Национальная демократия (эндеки) — крупнейшая правая партия бывшего Царства Польского — также вынашивала аннексионистские замыслы, требуя инкорпорации части восточных кресов — тех украинских, белорусских и литовских земель, где компактно проживали поляки, а коренное население исповедовало католицизм. Однако эндеки видели в достаточно сильной России союзника против угрозы германского реванша и высказывались за сотрудничество с антибольшевистскими силами. В январе 1919 г. в частной беседе представители белых и эндеков вели речь о создании «англо-франко-польско-русского союза», который должен противостоять назревавшему, по мнению национальных демократов, «германо-чешско-итальянскому союзу»⁶. Вместе с тем, предлагаемая эндеками восточная граница Польши, совпадавшая, с некоторыми коррективами, с линией второго раздела Речи Посполитой, также не устраивала Белое движение. Впрочем, различия между внешнеполитическими концепциями пилсудчиков и эндеков были не столь принципиальны — речь шла скорее о методах создания великодержавной Польши.

Приход к власти большевиков прервал преемственность внешней политики России. Вначале советские лидеры пытались поставить идеологию выше геополитики, хотя В.И. Ленин сравнил Брестский мир с Тильзитским: пруссаков отбросили к Тильзиту, «что равносильно тому, если бы нас отбросили к Омску»⁷. Но подписание

большевиками сепаратного мирного договора с Германией привело, в частности, к тому, что из-под контроля Москвы вышли западные окраины бывшей Российской империи. Противники же Советской власти, признав декларацию Временного правительства о Польше, в основном придерживались имперской геополитической линии, поэтому немалое влияние на решение проблемы восточных земель бывшей монархии Габсбургов оказала гражданская война в России, непредсказуемость исхода которой предполагала вариативность трансформации региона.

Сравнительно цельную внешнеполитическую программу антибольшевистские силы стали разрабатывать после образования в сентябре 1918 г. Временного всероссийского правительства (Директории), переехавшего в октябре из Уфы в Омск. Имперские установки Директории подтверждают доклады второго политического отдела Министерства иностранных дел: «... болезненная фантазия поляков не хочет примириться с Польшей в этнографических пределах... Интересы России и Славянства требуют не допустить до того, чтобы поляки захватили хотя бы одну пядь русской земли... путь, ведущий к примирению поляков и русских, указан П.А. Столыпиным... [он] стремился к точному размежеванию польских земель от русских... Такую же политику должна вести Россия на предстоящей мирной конференции... отстаивая воссоединение... Галицкой, Буковинской и Угорской Руси с Россией». Аналитики МИД обосновали геополитические интересы России на восточных землях бывшей монархии Габсбургов: «Галичина, Буковина и Угорская Русь... продолжение великой русской изменности, оканчивающейся у подножия Карпатских гор. Этот географический факт до того ясен, что северо-восточный угол Галичины... называется Галицкой Волинью, юго-восточная же часть ее — Галицким Подольем... Реки русского Прикарпатья принадлежат к бассейнам Чёрного и Балтийского морей, входя в систему русских рек»⁸.

Предлагая союзникам программу территориального размежевания России с новыми государствами, омские дипломаты использовали, в том числе, аргументы Центрального Карпаторусского Совета, созданного в октябре 1918 г. в Челябинске на съезде делегатов от промосковски настроенных уроженцев Прикарпатской Руси. Декларация съезда гласила: «... балканизация Европейского Востока... привела бы только к бесконечным войнам... Съезд... настаивает на сохранении политического *единства* Украины с Великороссией и требует *воссоединения Прикарпатской Руси... с Россией*». Затем Карпаторусский Совет переехал в Омск, и председатель Совета А.В. Копыстьянский писал в МИД: «В Карпатских горах сойдутся границы России, Польши и Чехословачины... Россия получит естественную границу, Карпатские горы, которые будут надежной защитой... России от западных соседей»⁹.

18 ноября 1918 г. военный переворот в Омске ликвидировал власть Директории и установил диктатуру А.В. Колчака. Вскоре внешнеполитическое ведомство получило указание адмирала «о срочной разработке... всех данных, обеспечивающих наиболее выгодную для России пограничную линию с Польшей... с тем расчетом, чтобы Белоруссия, Литва и Прикарпатская Русь входили в состав России»¹⁰. В декабре начала работу подготовительная к мирным переговорам ко-

миссия при Омском МИД. На первом заседании 15 декабря было констатировано, что «задачей России является содействовать сплочению и укреплению всей славянской группы народов, которая может сыграть в будущем роль мощного буфера между Германией и Россией». 17 декабря комиссия изучала проблему Восточной Галиции. Исполняющий дела товарища министра иностранных дел В.Г. Жуковский отрицал «самую возможность притязаний» поляков на «Галичину». 19 декабря, в ходе прений по докладу Жуковского о судьбе Восточной Галиции, Прикарпатской Руси и Буковины, заведующий отделом печати МИД С.А. Елачич обратил внимание на отсутствие в докладе предложений о границе с Западной Галицией, в районе которой находилось «смешанное русско-польское население...», «... статистические данные... основаны на сведениях... из австрийско-польских источников», преувеличивавших численность поляков. На заседании 22 декабря члены комиссии рассмотрели проблему Чехословакии: «вопрос о соединении границ России и Чехии равносильен для последней вопросу быть или не быть... Чехии с ее развитой промышленностью приходилось и придется в будущем вести упорную борьбу с германским капиталом за восточные рынки и ей важно, во-первых, сохранить те живые торговые сношения, которые до сих пор она имела с Прикарпатской Русью..., во-вторых, обеспечить себе рынок в сторону России» ¹¹.

25 декабря 1918 г. начало работу Особое подготовительное к мирным переговорам совещание, которое продолжило имперскую линию комиссии. 2 января 1919 г. чиновник особых поручений при Министре финансов А.Г. Соболев отметил: «Если вложить в понятие самоопределения народов идею создания самостоятельных национальных государственных образований, то от России ничего не останется... в наших интересах настаивать, чтобы вопрос об устройстве отдельных народностей был признан подлежащим разрешению самой Россией». 24 января Совещание обсуждало польский вопрос. Исполняющий дела секретаря второго политического отдела МИД В.И. Язвицкий отметил, что поскольку поляки требуют земли «вплоть до Вильны и... Минска..., то и для нас нет оснований отказываться от своих законных требований». Говоря о проблеме этнически спорных земель, управляющий МИД Ю.В. Ключников констатировал, что «плебисцит абсолютно не пригодное средство для разрешения национальных вопросов... С теоретической точки зрения плебисцит есть устранение государственной воли» ¹².

После непростых дебатов Ключников в итоговом докладе изложил «Общие принципы, на которых участвует российская делегация на мирной конференции»: в частности, она «согласует свою [работу] с директивами Российского Правительства в Омске... не ответственна за действия большевиков и все договоры и соглашения ими совершенные, ничтожны». В докладе отдельным разделом стоял пункт «Россия и славянский вопрос». В нем прозвучали следующие требования: «При определении границ Польши с Россией должны быть приняты в соображение как стратегические, так и экономические и этнографические условия... Русь Галицкая и Угорская и Буковина должны быть присоединены к России... Западная граница Галицкой Руси должна... соприкасаться со Словакией» ¹³.

Принятие «Общих принципов» совпало с кадровыми изменениями: место кадета Ключникова занял бывший царский дипломат И.И. Сукин; главой Омского МИД Колчак назначил бывшего царского министра Сазонова. Выбор Сазонова был не очень удачен, поскольку он являлся слишком одиозной фигурой для французских демократических кругов. Деятельность антибольшевистских сил на мирной конференции координировало созданное в конце 1918 г. Русское политическое совещание (РПС), образовавшее Русскую заграничную делегацию. Сазонов стал рядовым членом этих структур, но их состав и деятельность согласовывались с Колчаком и А.И. Деникиным. Союзники не допустили к участию в мирной конференции РПС, заслушивая отдельные его «суждения». Например, в декларации РПС от 9 марта 1919 г. говорилось: «... вопросы, касающиеся территории Российской империи в границах 1914 года, за исключением этнографической Польши... не могут быть решены вне и без согласия русского народа». Правда, Антанта и США готовы были признать правительство Колчака в случае его согласия с независимостью Польши, и в ноте от 4 июня адмирал подтвердил польский суверенитет, но установление границ между Польшей и Россией отложил до созыва Учредительного Собрания¹⁴. Однако западные державы признали ответ Колчака удовлетворительным, поскольку не одобряли великодержавные устремления Пилсудского.

Тем временем, на Юго-Западном фронте советские войска вели успешное наступление. Большевики стремились к установлению связи Советской России с Венгрией и Словакией: от последней Красную армию в июне 1919 г. отделяла Восточная Галиция. Нарком иностранных дел Советской Словакии Я. Коушек писал своему представителю в Киеве, что все чехословацкие красные военные силы на Украине «желательно концентрировать на галицийский фронт, чтобы в случае соединения русских и мадьярских армий... отправить [их] на словацкий фронт»¹⁵. В результате, Верховный совет Антанты, опасаясь возможного соединения российской и венгерской Красных армий, разрешил 25 июня Польше оккупировать всю Восточную Галицию и установить там гражданское правление¹⁶, превратив власти ЗУНР в правительство в изгнании.

Не только Польша, но и Чехословакия, несмотря на пророссийскую позицию, стремилась к захватам на востоке Центральной Европы. Для обоснования чешских планов использовалась теория Т.Г. Масарика о «барьерах» и «буферах» для сохранения свободы малых народов. «То обстоятельство, что Россия с присоединением Прикарпатской Руси непосредственно приближается к средней Европе... играет роковую роль при решении карпато-русского вопроса на мирной конференции... новосозданные государства... прилагают все усилия к недопущению России к горам Карпатам. Чехославия стремится занять Угорскую Русь и... отрезать Россию от Венгрии», — писал в июне 1919 г. Копыстьянский¹⁷. Действительно, в мае 1919 г. в Ужгороде инсценировали «добровольное» присоединение к Чехословакии Прикарпатской Руси, а в феврале 1920 г. ее официально включили в состав Чехословакии, что осложнило отношения последней с Белым движением.

После начала отступления Колчака западные державы переориентировались на Деникина, но все менее прислушивались к требова-

ниям российских дипломатов. Колчак же, несмотря на катастрофическую для его войск ситуацию на фронте, 5 декабря телеграфировал Деникину: «... образование... Литвы, Польши, Украины... ставит Россию в положение Московии после Столбовского трактата». Потеря выхода к Балтийскому и Чёрному морям означала бы «... историческую гибель русского народа». Политика «Держав согласия... дает основание думать, что раздел России является частью политической программы» некоторых из них. Соглашательство с созданными «за письменным столом» государствами будет «глубокой ошибкой и повторением постыдной политики позорного периода Керенского»¹⁸. Деникин и управляющий политическим отделом Особого совещания А.А. Нератов придерживались аналогичных взглядов.

Программные установки белых влияли на развитие событий на фронтах гражданской войны. Летом 1919 г. началось наступление на Москву армии Деникина, очищавшей также Украину от войск С. Петлюры в направлении польского фронта. Главное командование Антанты высказалось за интервенцию на Витебск и Смоленск польской армии, поскольку она «могла... оказать решающее влияние на продолжение наступления Деникина и на восстановление армии Колчака»¹⁹. Последствия ожидаемой встречи польских войск и Добровольческой армии обсуждали руководители Белого движения. От имени Колчака Сукин телеграфировал в начале октября Деникину: «В виду соприкосновения Ваших войск с Польской Армией, а также важности по главнейшим вопросам предварительно согласовывать решения Правительства с Вашими пожеланиями, ожидаем... ответа, чтобы дать Сазонову соответствующие руководящие указания». Нератов от имени Деникина сообщил: «При соприкосновении с польскими войсками предполагается... ограничиться соглашением о военном взаимодействии против большевиков, не давая никаких обязательств»²⁰. Главком ВСЮР предложил польским военачальникам продвинуться к г. Мозырю и верхнему Днепру, поскольку в этом районе части Красной армии соприкасались на севере и западе с польскими войсками, на юге — с белыми. Генерал А.А. Лампе позже писал, что до польских сил дотянулся «левый фланг войск генерала Деникина..., но никогда, никакие польские части не приняли никакого участия в общем противобольшевистском движении», что было «якорем спасения, на котором удержалась советская власть во время наступления белых». 26 ноября Деникин отправил Пилсудскому письмо: «... польская армия... прекратила наступление, дав возможность большевикам перебросить на мой фронт до 43 тысяч штыков и сабель... падение вооруженных сил Юга России... угрожает самому бытию» Польши²¹.

При определении стратегии и тактики польские военные руководствовались получаемой информацией. В апрельской (1919 г.) статье отдела пропаганды Особого совещания читаем: «Добровольческая Армия... приглашает все части бывшего Российского государства объединиться с нею для совместной борьбы с большевиками на восстановление Единой и Неделимой России»²². Русские эмигранты в Варшаве предполагали, что Деникин после взятия Москвы потребует от Пилсудского отвода польских войск к этнической границе, «так как вопрос о восточных границах будет рассматривать Парижская конфе-

рениция при нашем [России] участии». В итоге приказ Верховного командования польской армии от 12 сентября 1919 г. Польской военной организации (ПОВ) гласил: «... не проводить против большевиков активных военных действий, которые могли бы оказать помощь войскам Деникина... проводить активные политические действия против Деникина»²³.

Тем не менее Антанта настояла, чтобы к Деникину были направлены польские делегации. В конце августа для налаживания торговли с Югом России приехала экономическая миссия, но ее главной целью было «выяснение политической атмосферы в окружении генерала и его военных возможностей». Прибывшая в начале сентября военная делегация во главе с бывшим царским генералом А. Карницким не имела полномочий для заключения военного союза. Ограниченной была компетенция приехавшей в октябре делегации МИД Польши во главе с Ф. Скомпским²⁴. Дипломат заявил главкому ВСЮР: «Мы воюем с большевиками самостоятельно, так как у нас нет никаких договоров с вами. То, что наше наступление ведется медленно, объясняется недостатком боеприпасов, угля и транспорта». Но существовавшие в снабжении польских войск трудности не объясняли отсутствие военной координации с белой армией. Деникин на переговорах с Карницким убеждал последнего признать рекомендованную Верховным советом Антанты в декабре 1919 г. временную границу между Россией и Польшей на основе этнического принципа, не возражая против продвижения польских войск на восток от этой линии, при условии установления на данной территории русской администрации. Однако попытки союзников добиться компромисса между Деникиным и Пилсудским ради их совместных действий против большевиков оказались тщетными. По мнению Деникина, «польские... миссии вели фиктивные переговоры»²⁵.

Положение Польши облегчала политика националистических сил западных окраин бывшей Российской империи, которые, как писал член Особого совещания Н.И. Астров, зовут армию Деникина, «когда нужно... спастись от большевиков. Ее объявляют враждебной себе, как только непосредственная опасность от вторжения большевиков минует... Цели Добровольческой армии и самостийников были различны... Великодержавность, прямолинейность, отсутствие гибкости, с одной стороны. Тупая недалководидность, легкомысленное самомнение самостийников... с другой». Последний тезис подтверждают воспоминания бывшего генерала армии УНР Ю.Е. Тютюнника: «Петлюра молча согласился на оккупацию поляками Галиции, Холмщины и Волыни. Он лишь просил Пилсудского, чтобы тот не шел со своим войском далее на восток... Полякам временно было выгодно, чтобы Петлюра был... барьером между красной армией и поляками»²⁶. Действительно, советские республики были для Польши более удобными соседями, поскольку по отношению к ним можно было вести политику «свершившихся фактов», реализовывать стратегические цели на востоке без опасения, что это вызовет явное противодействие Антанты.

После прекращения наступления против Красной армии Пилсудский согласился на официальные переговоры с Кремлем об обмене заложниками и пленными в октябре-декабре 1919 года. Адъютант польского главнокомандующего И. Бёрнер сообщил от его имени

26 октября главе советской делегации Ю.Ю. Мархлевскому: «Нам важно, чтобы Вы победили Деникина, берите свои полки, посылайте их против Деникина или против Юденича, мы вас не тронем». В дневниковой записи от 3 ноября Бёрнер подчеркнул: «Удержание большевиков в направлении Мозыря несомненно помогло бы Деникину в его борьбе с большевиками... могло быть решающим моментом победы. Польша на полесском фронте имела силы, но не наступала». Деникин, находясь в эмиграции, констатировал: «Пилсудский осенью 1919 года заключил с советами тайное соглашение, в силу которого военные действия на польско-советском фронте временно прекратились»²⁷.

Наличие соглашения подтверждает переписка наркома иностранных дел Г.В. Чичерина с Мархлевским и членом Совета обороны А.А. Иоффе, которому Чичерин, в частности, писал: «Пилсудский сделал заявление (весьма секретно) о не переходе поляками известной линии, и мы сделали таким же образом встречное заявление»²⁸. Обратимся к мнению советских военачальников. Главнокомандующий Вооруженными силами Республики С.С. Каменев считал, что фронт Деникина «при движении к Орлу достиг непосильной растяжки и... нам было достаточно 2,5 свежих дивизий для прорыва его фронта, положившего начало решительной над ним победы». Советский военачальник и военный историк Н.Е. Какурин писал о перегруппировке 12-й армии «за счет... обращенного против белополяков фаса», в результате ослабления которого польские войска могли достичь «границ Польши в пределах 1772 г. Для этого было необходимо сделать осенью 1919 г. маленькое усилие... противоположность целей... генерала Деникина и маршала Пилсудского была главнейшей причиной такого бездействия»²⁹. Вопрос о влиянии прекращения польским главнокомандующим военных действий против большевиков на последующее поражение ВСЮР остается предметом дискуссии. Возможно, что данное решение сыграло важную роль в победе Красной армии над армией Деникина.

Осенью 1919 г. польские войска вышли далеко за этнические пределы Польского государства, но явное расхождение интересов лидеров Белого движения и Пилсудского заставило последнего даже после благоприятного для Польши решения в июне вопроса о Восточной Галиции воздержаться от заключения союза с Петлюрой, развязывавшего ему руки для перенесения военных действий на территорию Советской Украины. Позицию Пилсудского определили его великодержавные замыслы, противоположные намерениям лидеров Белого движения сохранить единую Россию. Бывший посол Временного правительства во Франции В.А. Маклаков выдвинул перед Деникиным дилемму: «либо с поляками против Советов, либо с Советами против поляков». 7 декабря Маклаков писал бывшему послу Временного правительства в США Б.А. Бахметеву: «... нет сомнений, что Деникин пойдет на эти уступки только тогда, когда он будет в положении Колчака, то есть когда в них не будет уже смысла»³⁰. Действительно, Верховный совет Антанты еще постановлением от 21 ноября 1919 г. передал Польше мандат Лиги наций на 25-летнее управление Восточной Галицией³¹. Однако в случае победы Белого движения неизбежно возникли бы проблемы по окончательному установлению

польско-российской границы. Отметим также, что при решении судьбы Восточной Галиции Англия предпочла «видеть галицийскую нефть в руках слабой и неопределенной Украины, чем в руках сильной Польши»³². Поэтому передача Восточной Галиции лишь под управление Польши вызвала негодование в сейме. Решение, по мнению польских газет, вело к «созданию государства в государстве, обострению польско-русинского спора» и потере Львова, без которого, по словам И. Падеревского, «нет Польши»³³.

Определенную роль в принятии союзниками территориальных постановлений относительно восточных земель бывшей монархии Габсбургов сыграли идеи британского геополитика Х.Дж. Маккиндера, предложившего в ходе мирной конференции создать из стран «перешейка» между Балтийским и Чёрным морями буферную зону, разделяющую Германию и Россию³⁴. Министру иностранных дел Великобритании Дж. Керзону импонировали взгляды Маккиндера и ученого-политика назначили в начале декабря 1919 г. британским верховным комиссаром на Юге России. Это была последняя попытка Антанты помочь достижению компромисса между Деникиным и Пилсудским, а Маккиндер получил уникальную возможность воплотить свою геополитическую концепцию в жизнь. Белое движение ученый считал атлантистской тенденцией, направленной на ослабление мощи прогермански настроенных евразийцев-большевиков. Помимо поездки на Юг России верховный комиссар встретился в Париже с дипломатами белых, а в Варшаве — с Пилсудским. Польша стремилась получить от Антанты помощь для собственного марша на Москву, но Маккиндер просил Пилсудского поддержать Деникина. Польский главком заявил, «что *весною может начать наступление на Москву...* Что касается пограничной линии, проведенной на конференции,... к западу от нее — неотъемлемая польская территория, а земли к востоку должны войти в то или иное государство на основании плебисцита... Обещание помощи *весною* звучало злой иронией», — подытожил главком ВСЮР³⁵.

Прибыв в Новороссийск, верховный комиссар выступил 31 декабря на заседании правительства ВСЮР и поддержал мнение Пилсудского о польско-российской границе. Члены кабинета согласились рассмотреть эту проблему «при условии содействия со стороны Польши живой силой с... переходом в наступление для отвлечения большевистских сил». Деникин утвердил постановление, внося в него принципиальное изменение: «Вопрос о восточной границе Польши будет решен договором общерусского и польского правительств на этнографических основаниях». Во время встречи с Деникиным, состоявшейся лишь 10 января 1920 г., Маккиндер убеждал главкома ВСЮР пойти на территориальный компромисс с Начальником государства, обеспечив тем самым помощь Польши. Однако генерал считал, что планы Пилсудского по созданию польско-украинской федерации вызывают серьезное недовольство в России и дадут «фору большевикам»³⁶. Верховный комиссар был неудовлетворен «постановкой польского вопроса» главкомом ВСЮР и, уезжая ненадолго в Англию, предполагал устроить свидание Деникина с Пилсудским, но в Россию Маккиндер уже не вернулся. На родине он призвал правительство оказать финансовую помощь Белому движению, выступил за создание

антибольшевистских союзов «с ограниченными военными задачами... Пилсудский сказал мне, что... мог бы начать наступление на Москву в мае, но... добавил: “Чего я достигну, когда я попаду туда?” ... Деникин отказался решать проблему границ» до созыва Учредительного собрания. К тому времени премьер-министры Англии и Франции Д. Ллойд Джордж и Ж. Клемансо констатировали затухание пожара гражданской войны. Планы верховного комиссара противоречили начатому союзниками пересмотру курса в русском вопросе. Ввиду сильных антиинтервенционистских настроений в английском обществе предложения продолжавшего сколачивать антибольшевистский альянс Маккиндера британский кабинет министров отклонил 29 января 1920 г., а самого комиссара отозвал из России ³⁷.

Великодержавная политика Белого движения предопределила банкротство его дипломатии на мирной конференции и способствовала военному поражению в гражданской войне. Сазонов «на все происходящее на Версальском конгрессе смотрел как на “измену” России», являясь антиподом «Талейрана на Венском конгрессе», и союзники «шутили, что Сазонов со своими протестами взял на себя роль советского представителя на конгрессе». Так, Волынская губерния стала «барьером, через который не могла перешагнуть тяжеловесная сазоновско-нератовская дипломатия». Надо было обещать ее отдать полякам, — считал дипломат Г.Н. Михайловский, — и «не исполнить данного обещания, если фортуна улыбнется». В результате армия Деникина не получила той помощи, которую «дала бы Польша другому русскому руководителю внешней политики, более решительному и более коварному». Бывший председатель Особого совещания А.С. Лукомский писал Деникину: «В случае “победы над большевиками и воссоединения сильной России, Ваши обещания не имели бы ровно никакого значения и сильная Россия провела бы в жизнь ту политику, которую она считала бы нужной ... и Польша, и Румыния преклонялись бы перед сильной Россией”» ³⁸. Но все спорные территориальные проблемы лидеры Белого движения откладывали до освобождения России от большевиков. Последовавшее зимой 1919—1920 гг. поражение белых Антанты использовала для оправдания новых западных границ России. Но и в случае победы в гражданской войне Белого движения представляется маловероятным получение им требуемых для России западных рубежей.

Руководство Советской России заняло в конце 1919 — начале 1920 г. позицию максимальных территориальных уступок Польше в обмен на мирный договор. Но эти предложения Пилсудский отверг, поскольку готовился после разгрома Деникина большевиками к захвату Украины. В материалах канцелярии Пилсудского удалось найти документ, обосновывавший захват земель «между Днестром и Бугом с выходом к Чёрному морю», «соглашение с Румынией о придании международного статуса Днестру и строительстве в его устье порта, соединенного с Польшей железной дорогой». В этом случае «Польша заняла бы такое положение в отношении восточноевропейских государств, какое сейчас в отношении Польши занимают западноевропейские государства» ³⁹. Проект превращения Польши в черноморскую державу учитывал непризнание национальными окраинами бывшей Российской империи ни большевиков, ни Деникина, отражая

планы пилсудчиков, и поэтому не случайно письмо оказалось в канцелярии Начальника государства. Пилсудский надеялся на создание третьей России — антибольшевистской, но согласной на новые границы — с помощью национальных движений и формирований Б.В. Савинкова.

Но и после советско-польской войны 1920 г. геополитическая ситуация в регионе оставалась напряженной. Делегация Компартии Восточной Галиции докладывала III конгрессу Коминтерна: оккупированная Польшей Восточная Галиция «оказалась в составе государства, с которым у нее была только традиция кровавой борьбы и войн... Географически. — Галиция является естественным продолжением средневропейской равнины, упирающейся в Карпаты, т.е. продолжением территории У.С.С.Р. ... Экономически. — Восточная Галиция тяготела к экономическим центрам бывшей Австро-Венгерской монархии, а не Польши»⁴⁰.

С геополитических позиций оценивало роль Восточной Галиции правительство ЗУНР в изгнании, поддерживаемое эмигрантскими кругами Белого движения. Большую активность проявлял Р. Сватковский, писавший в июле 1921 г. министру иностранных дел Чехословакии Э. Бенешу от имени руководителя ЗУНР Е. Петрушевича: «... если Антанта даст самостоятельность Восточной Галиции, то Петрушевич предполагает акцию со стороны Польши, вроде той, какую совершил Желиговский в Вильно... По географическому своему положению В[осточная] Галиция есть тот естественный коридор, который ведет в промышленную Чехо-Словакию и через нее далее связывает Россию и с остальными промышленными центрами Западной Европы». Ряд западных политиков предлагали разрешить галицийский вопрос одновременно с русским, но, по словам Сватковского, «из периода коммунистической диктатуры Россия выйдет... ослабленной», поэтому «Галицкий коридор» в Европу надо открыть заранее. Правительство ЗУНР дает «заверения в неизменно дружественном его отношении к некоммунистической России». По мнению Сватковского, «население Восточной Галиции поголовно настроено антибольшевистски», но оно «предпочтет разорительный, но преходящий большевизм, окончательной полонизации... Петрушевич просил заверить Вас [Бенеша]..., что Подкарпатская Русь нераздельная часть ЧСР». По словам Сватковского, Петрушевич отказался вступить в переговоры с поляками, так как, начав переговоры, «поляки не выполнили бы обещаний»⁴¹.

Говоря о ситуации в регионе в дальнейшем, отметим, что Польша использовала военно-политический кризис 1923 г. в Центральной Европе, добившись от Антанты 15 марта признания своего «суверенитета» над Восточной Галицией. Накануне этого акта РСФСР и УССР отправили западным державам ноты протеста⁴², о которых замнаркома иностранных дел М.М. Литвинов писал полпреду в Берлине Н.Н. Крестинскому: «Посылкой отдельных нот... мы желали подчеркнуть особенную заинтересованность Украины в судьбе родственных галичан... украинская нота составлена в более резких и категорических выражениях, чем наша»⁴³. Австрийские представители в Москве и Львове (консул) в марте сообщали в Вену, что советские ноты поддержал глава правительства ЗУНР Петрушевич, призвав к сопротивлению Польше и не исключая возможности присоединения

Восточной Галиции к Советской Украине⁴⁴. Чичерин отметил в майских письмах в пражское полпредство: «Аннексия восточной Галиции не есть усиление Польши, а есть создание для нее кровотокающей раны», поскольку устраняет «непосредственный контакт с Российской Федерацией, о котором Чехо-Словакия всегда мечтала». Необходимо убедить Прагу в совпадении «государственных интересов Чехо-Словакии и России»⁴⁵.

Однако посетившие в апреле 1924 г. полпредство СССР в Праге представители галицийских организаций жаловались: «... чехи опасаются оказывать явно помощь галичанам..., чтобы не вызвать неудовольствия со стороны поляков». Но и СССР «недооценивает значения пропаганды идеи “Западно-Украинского” государства... план создания отдельного “Западно-Украинского” государства найдет сторонников... такое “государство” и само вскоре присоединится к Сов[етскому] Союзу... а между тем... Петрушевичу и “Союзу освобождения зап[адных] укр[аинских] земель”... не оказывается почти никакой помощи со стороны Советов»⁴⁶. Советская позиция объяснялась тем, что поражение революционного движения 1923 г. в Германии заставило большевиков постепенно возвращаться к более реальной политике. В результате для не связанного решениями Парижской конференции СССР естественным союзником в борьбе за перекройку послевоенной карты Европы выступила Веймарская республика. Статс-секретарь МИД А. Мальцан отметил в сентябре 1924 г.: «В восточногалицийском вопросе немецкие и русские интересы близки друг другу». Германия и Россия «решат вопрос о возвращении Польши к ее этнографическим границам»⁴⁷.

Можно сказать, что в ряде случаев взгляды большевиков в отношении восточных земель бывшей монархии Габсбургов совпадали в той или иной степени с воззрениями представителей Белого движения или белой эмиграции. Таким образом, в советскую внешнюю политику постепенно возвращалась имперская составляющая, обусловив ее определенную преимущество с политикой Российской империи, хотя и с серьезными коррективами в силу смены строя, режима правления, господствующей идеологии. Подобная линия привела к смене лидерами большевиков во внешней политике к концу 1920-х гг. революционной ментальности на авторитарно-государственную (имперскую). Но если до начала первой мировой войны существовало многополярное равновесие сил между великими державами, то распад Австро-Венгрии и крушение Российской империи привели к «балканизации» Центральной Европы, росту в регионе ревизионистских настроений и победе идеологии реванша в Германии после прихода к власти нацистов.

Примечания

1. НОСКОВ В.В. Изобретая Центрально-Восточную Европу (к выходу в свет коллективного труда польских и французских историков «История Центрально-Восточной Европы»). В кн.: Диалог со временем. М. 2010, с. 323—346.
2. Восточная Галиция — часть Западной Украины, Прикарпатская (Угорская) Русь — Закарпатская Украина, Северная Буковина — Черновицкая область.
3. Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и временного правительств. 1878—1917 гг. (МОЭИ). Сер. II. Т. XIX. Ч. 2. М.

- 1938, № 437, с. 94—95; Записка коллежского асессора И. Олфертьева 20 августа 1909 г. управляющему МИД. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ), ф. 135, оп. 474, д. 43, л. 7.
4. Записка коллежского асессора М. Казанского «О русском влиянии в Галиции» от 11 августа 1913 г. товарищу (заместителю) министра иностранных дел А.А. Нератову. АВП РИ, ф. 135, оп. 474, д. 155, л. 11—12; Из обзора источников и материалов МИД для проведения границ русской народности в Галиции, Угорской Руси и Буковине (без даты). Там же, д. 200, л. 6.
  5. Документы и материалы по истории советско-польских отношений (ДМИСПО). Т. I. М. 1963, с. 35—36; История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М. 1999, с. 548; Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. II. М. 1926, с. 432—435.
  6. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. Р-5868, оп. 1, д. 242, л. 1.
  7. ЛЕНИН В.И. Доклад о ратификации мирного договора 14 марта. ПСС. Т. 36. М. 1974, с. 107.
  8. ГА РФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 360, л. 4, 5, 9.
  9. Там же, д. 357, л. 1, 10, 24.
  10. Там же, д. 368, л. 19.
  11. Там же, д. 599, л. 8, 15, 16, 25, 27.
  12. Там же, д. 600, л. 33—34, 42, 82.
  13. Там же, д. 601, л. 1—6.
  14. Там же, ф. 5866, оп. 1, д. 109, л. 15—16; Внешняя политика контрреволюционных «правительств» в начале 1919 г. (Из документов Парижского посольства). — Красный Архив. 1929, т. 6 (37), с. 71; Международная политика новейшего времени в договорах..., с. 248—250.
  15. Из истории гражданской войны в СССР. Сб. документов и материалов. Т. 2. М. 1961, с. 385; Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 495, оп. 71, д. 1, л. 1.
  16. ДМИСПО. Т. II. М. 1964, с. 261.
  17. ГА РФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 369, л. 11, 15.
  18. Там же, д. 335, л. 6, 7, 11, 18. Столбовский мир 1617 г. со Швецией отрезал Россию от Балтийского моря.
  19. ДМИСПО, т. II, с. 416.
  20. ГА РФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 368, л. 9, 14, 15, 16.
  21. ЛАМПЕ А.А. Причины неудачи вооруженного выступления белых. В кн.: Пути верных. Париж. 1960, с. 49; ДЕНИКИН А.И. Поход на Москву («Очерки русской смуты»). М. 1989, с. 101.
  22. ГА РФ, ф. 440, оп. 1, д. 19, л. 7.
  23. ДМИСПО, т. II, с. 313, 366. ПОВ (аббревиатура от польского названия) вела, в частности, разведку на территории, занятой Деникиным, и осуществляла диверсии в тылу Красной армии.
  24. Historia dyplomacji polskiej. T. IV. 1918—1939. Warszawa. 1995, s. 118—119.
  25. ДМИСПО, т. II, с. 431—432, 434, 471; ДЕНИКИН А.И. Кто спас Советскую власть от гибели. В кн.: ДЕНИКИН А.И., ЛАМПЕ А.А. Трагедия белой армии. М. 1991, с. 6.
  26. Россия антибольшевистская: Из белогвардейских и эмигрантских архивов. М. 1995, с. 304, 305; ТЮТЮНИК Ю. 3 поляками проти Вкрапни. Харків. 1924, с. 12 [репринт].
  27. Цит. по: МИХУТИНА И.В. Польско-советская война. 1919—1920 гг. М. 1994. Приложение, с. 284; Tajne rokowania polsko-radzieckie w 1919 г. Materiały archiwalne i dokumenty. Warszawa. 1986, s. 204—205; ДЕНИКИН А.И. Кто спас Советскую власть от гибели..., с. 5.
  28. РГАСПИ, ф. 143, оп. 1, д. 103, л. 7, 9; Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), ф. 04, оп. 32, п. 204, д. 52 412, л. 8.
  29. Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). Сб. документов. М. 1969, с. 612; КАКУРИН Н.Е. Как сражалась революция. Т. 2. М. 1990, с. 288—289.
  30. МИХАЙЛОВСКИЙ Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914—1920 гг. Кн. 2. М. 1993, с. 218; «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметев — В.А. Маклаков. Переписка. 1919—1951. Т. 1. М. 2001, с. 129.

31. ДМИСПО, т. II, с. 395.
32. Цит по: ОЛЬШАНСКИЙ П.Н. Рижский мир. Из истории борьбы Советского правительства за установление мирных отношений с Польшей (конец 1918 — март 1921 гг.). М. 1969, с. 28.
33. Бюллетень польского сейма по вопросу о Восточной Галиции и спорных территорий между Польшей и Чехословакией. — Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 307, оп. 6, д. 1, л. 1—3; Положение в Польше за октябрь и ноябрь 1919 г. РГАСПИ, ф. 495, оп. 18, д. 31а, л. 38.
34. MACKINDER H.J. *Democratic ideals and reality*. Washington. 1996, p. 111—114.
35. ДЕНИКИН А.И. Поход на Москву..., с. 102. Имелась в виду рекомендованная Польше Антантой временная восточная граница в пределах бывшей Российской империи (будущая линия Керзона).
36. Там же, с. 202—203; ДМИСПО, т. II, с. 491; См.: PARKER W.H. *Mackinder. Geography as an Aid to Statecraft*. Oxford. 1982, p. 173.
37. Из истории гражданской войны в СССР... Т. 3. М. 1961, с. 79; PARKER W.H. *Op. cit.*, p. 48—49.
38. МИХАЙЛОВСКИЙ Г.Н. Ук. соч., с. 162, 203, 219, 220; Россия антибольшевистская..., с. 277.
39. Письмо предпринимателя А. Полишкевича, поступившее 10 января 1920 г. в польское Министерство промышленности и торговли. — *Archiwum Akt Nowych w Warszawie. Kancelaria Cywilna Naczelnika Państwa*, sygn. 146, к. 136—142.
40. РГАСПИ, ф. 495, оп. 126, д. 8, л. 14.
41. *Archiv Ministerstva zahraničnich věcí České Republiky. Politické zprávy*. Moskva. 1921, 31.7, č. 184; 30.7, č. 196; 1.9, č. 235; 22.9, č. 271. Р. Сватковский — возможно, родственник В.П. Сватковского, информатора МИД Российской империи.
42. Документы внешней политики СССР. Т. VI. М. 1962, с. 222—226.
43. АВП РФ, ф. 04, оп. 13, п. 78, д. 49 934, л. 37.
44. *Österreichische Staatsarchiv. Neues politisches Archiv. Liasse Polen*, K. 651. 9/3, Fol. 146, 148—150.
45. АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 276, д. 53960, л. 79, 83.
46. Там же, п. 278, д. 53971, л. 176—177.
47. *Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Aus dem Archiv des Auswärtigen Amts. Ser. A: 1918 — 1925. Bd. XI. Göttingen*. 1993, S. 517—518, 577—578.

Заработная плата русских рабочих в конце XIX — начале XX в.

В.В. Волков

Аннотация. В публикации рассматривается процесс ценообразования на рынке труда Европейской России в конце XIX — начале XX века. Выявлены его особенности: крайне низкий уровень номинальной и реальной заработной платы; уменьшение фактического заработка рабочего вследствие его скрытого и явного снижения; серьезное влияние на уровень заработной платы в России интенсивности классовой борьбы рабочих и предпринимателей; высокий уровень межрегиональной и межотраслевой дифференциации оплаты труда промышленных рабочих; независимость общего совокупного предложения труда от спроса на него. Установлено, что уровень заработной платы рабочих того или иного района зависел от того, какая отрасль промышленности в данной местности господствовала; от местоположения промышленного района и отдельного предприятия; от специфики, величины и расположения предприятий некоторых отраслей, степени миграции рабочих кадров, общекультурного уровня населения и других факторов.

Ключевые слова: цена рабочей силы, заработная плата, рабочие, рынок труда, наем рабочей силы, дифференциация заработной платы.

Abstract. The publication deals with the process of price setting in the labour market of European Russia in the late XIX — early XX cc. The examination revealed its features: an extremely low level of nominal and real wages; a reduction in the workers' actual earnings due to their latent or patent decline; a serious impact of the intensity of the class struggle between workers and entrepreneurs on the level of wages in Russia; a high level of inter-regional and inter-industry differentiation of labour remuneration of factory workers; the independence of the total aggregate supply of labour from the demand for it. It was found out that the level of workers' wages of one or another region depended on what branch of industry dominated in the region; on the location of the industrial region and of individual enterprises; on the specific features, size and location of enterprises of some sectors, on the degree of migration of skilled workers, on the general cultural level of the population, as well as on some other factors.

Key words: the price of labour force, wages, workers, labor market, recruitment of labour force, wage differentiation.

Волков Вячеслав Викторович — кандидат философских наук, доцент, старший преподаватель Военного института (Железнодорожных войск и военных сообщений) Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулёва. Санкт-Петербург. E-mail: agnee@yandex.ru.

Volkov Vyacheslav V. — PhD (Philosophy), associate professor, senior lecturer at the Military-Transport Institute (Railroad Troops) of Military Academy of Logistics named after Army General A.V. Khrulev. St. Petersburg. E-mail: agnee@yandex.ru.

Если процесс найма рабочей силы является сущностью рынка труда, то ее цена наряду с количеством данного товара наполняет содержание трудовых рыночных отношений. Однако не любая заработная плата носит капиталистический характер. Для этого она должна создавать условия для свободного перемещения рабочей силы на рынке труда, ее производства и воспроизводства в физическом и общественно-историческом аспектах, а ее формирование должно происходить под воздействием законов прибавочной стоимости и цены производства. В список таких условий обязательно входят: денежная форма зарплаты, небольшие разрывы в ее уровне, отсутствие привязки к кабальным формам, а также, как писал А.Н. Быков, точное и ясное ее определение, невозможность ее произвольного изменения, своевременность получения, устранение возможности чрезмерных или незаконных вычетов, удержаний и злоупотреблений¹. Все это вытекает из логики функционирования рынка труда. Именно с этих позиций и следует рассматривать тенденции ценообразования на рынке труда России в конце XIX — начале XX века.

Пристальное внимание вопросам заработной платы в свое время уделяли многие дореволюционные исследователи. Так, кабальный характер оплаты труда в промышленности и аграрном секторе страны рассматривали А. Макаренко, В.В. (В.П. Воронцов), В.И. Ленин, Р. Гвоздев². На высокую дифференциацию заработной платы в русской хозяйственной жизни указывали П.А. Песков, С.А. Короленко, Ленин³. По мнению П.П. Маслова, в самых удаленных губерниях Европейской России заработная плата была выше, чем в центральных, в промышленных — выше, чем в непромышленных. Это объяснялось необходимостью привлечения рабочих, покрытием расходов на переезд и потерю времени⁴.

Уже в советское время С.Г. Струмилин рассматривал разрыв в оплате труда между обученными и необученными рабочими, а также между фабричными округами⁵. Э.Э. Крузе впервые указала на большую разницу в уровне годовой заработной платы рабочих не только различных местностей, но и внутри регионов, причем в одних и тех же профессиональных группах⁶. При этом она отметила факторы, влияющие на уровень и дифференциацию оплаты труда рабочих: форма найма, форма оплаты, квалификация, профессия, половозрастная структура, географическое расположение предприятия, господство в регионе какой-либо отрасли, промышленная конъюнктура⁷. Ю.И. Кирьянову удалось выявить ряд закономерностей процесса ценообразования: зависимость величины заработков а, следовательно, и тенденций нивелировки от количества учитываемых предприятий, от квалификации и демографической структуры нанятых рабочих⁸.

Проблема высокой дифференциации заработной платы фабрично-заводских рабочих России рассматривалась и в постсоветское время. На взгляд Н.А. Ивановой, причинами подобных отклонений следует считать профессию, квалификацию рабочего, соотношение мужского, женского и детского труда, размер предприятия, его местоположение (город или сельская местность), наличие у рабочего земли, спрос и предложение рабочей силы⁹. В конце 1990-х гг. Л.И. Бородин и Т.Я. Валетов предложили компьютерную модель, которая на каждом участке исследования учитывала данные о зарплате рабочих

разной квалификации, соотношение спроса и предложения на рабочую силу той или иной квалификации, факторы безработицы и притока рабочей силы из деревни, динамику численности рабочих в рассматриваемой отрасли ¹⁰.

В отечественной исторической науке также изучалась проблема соотношения номинальной и реальной заработной платы русских рабочих. До 1917 г. и в первое послереволюционное время материал по данной теме собирали и обобщали фабричные инспекторы ¹¹, комиссии различных ведомств ¹² и такие исследователи как А.М. Стопани, С.Н. Прокопович, И.М. Шапошников, М. Давидович, Г. Наумов, В. Овсянников, И.М. Козьминых-Ланин, Ф.Ф. Эрисман, К.А. Пажитнов, Струмилин, А.А. Мануилов, С.Н. Тюрин, С. Бернштейн-Коган, А.Н. Опацкий ¹³. Они строили свои исследования по одной и той же методике — сопоставлении номинальной заработной платы и цен на товары рабочего спроса, в первую очередь, пищевые. Итоги их исчислений показали, что реальная заработная плата русского рабочего в начале XX в., тяготея к застою, даже в определенной мере снижалась, особенно в период первой мировой войны. Позже Струмилин на основе отчетов фабричных инспекторов показал интересные тенденции: не только застоя в движении реальной заработной платы, но и ее отставания от прироста квалификации и нормы эксплуатации ¹⁴. В трудах Кириянова и Крузе ¹⁵ был подтвержден вывод Струмилинина о том, что реальная зарплата фабрично-заводских рабочих России в 1900—1913 гг. из-за резкого роста розничных цен практически не изменилась ¹⁶. В постсоветское время изучением соотношения динамики цен и заработной платы русских фабрично-заводских рабочих занимался Миронов ¹⁷. Однако в отличие от Кириянова и Крузе, бравших для своего анализа довольно репрезентативный региональный срез, он сделал выводы о всей России только по данным ее столицы.

В данной публикации будет сделана попытка ответить на вопрос: что влияло на формирование заработной платы русских рабочих и каковы были особенности данного процесса?

В первую очередь нужно отметить, что, несмотря на более высокий уровень заработной платы промышленного рабочего России относительно других категорий промысловиков, она оставалась крайне низкой.

Об этом свидетельствуют следующие факты. Во-первых, с 1900 г. именно уровень заработной платы рабочих в фабрично-заводской промышленности следовал за ростом цен на хлебные продукты, а не наоборот, при этом постоянно отставая ¹⁸. Во-вторых, забастовочное движение начала XX в. было результатом вздорожания жизни и стремления поднять заработную плату. Это подтверждается соотношением всех забастовок, экономических забастовок и забастовок из-за заработной платы. Так, и в 1897, и 1903 г. в 60% стачек рабочие выдвигали требования, связанные с повышением оплаты их труда и лишь в 28—30% случаев с продолжительностью рабочего дня ¹⁹. Во все предвоенные годы, то есть 1909—1913 гг., количество забастовок из-за низкого уровня заработной платы составляло около $\frac{3}{4}$ всех забастовок, что свидетельствует о неудовлетворительном материальном положении рабочих ²⁰. В-третьих, в 1900 г. доля заработной платы в процентном отношении ко всей валовой продукции составляла край-

не незначительную цифру — 13,57%, а в 1908 г. этот показатель даже понизился до 12,67% ²¹. Анализ заработной платы показывает, что общий рост цен в стране почти не был связан с фактором ее роста ²².

Общие сведения о соотношении зарплаты и стоимости продукции иллюстрируются ситуацией, сложившейся на Путиловском заводе в 1908—1913 годах. За рассматриваемые пять лет номинальная заработная плата возросла всего на 2%, хотя стоимость продукции, выпущенной одним рабочим, увеличилась почти на 50%, а прибыли завода возросли в 3 раза ²³. На Луганском паровозостроительном заводе прибыль за 13 лет увеличилась в 23 раза, а среднегодовая заработная плата одного рабочего в 1912—1913 гг. по сравнению с 1901 г. увеличилась только на 7%. Средняя повременная дневная зарплата в 1900—1901 гг., учитывая и сверхурочные заработки, составляла 1,06 руб., а в 1912—1913 гг. — 1,17 руб., средняя поденная плата выросла с 1,74 руб. до 1,90 рубля ²⁴.

Е.М. Дементьев в своем исследовании привел сравнительные данные по зарплате в различных отраслях промышленности Московской губернии, Англии и США (штат Массачусетс). В России в месяц она составляла у мужчин 14 руб. 16 коп., у женщин — 10 руб. 35 коп., у подростков — 7 руб. 27 коп., у малолетних рабочих — 5 руб. 08 копеек. В Англии (в пересчете на рубли) зарплата соответственно составляла — 21 руб. 12 коп., 18 руб. 59 коп., 13 руб. 22 коп., 4 руб. 33 коп., а в США — 65 руб. 46 коп., 33 руб. 62 коп., 28 руб. 15 коп., 21 руб. 04 копейки ²⁵.

По данным фабричной инспекции, за 1903 г. средний заработок рабочих в Европейской России вместе с Варшавским фабричным округом был равен 217,03 руб., в 1909 г. — 238,55 руб., в 1913 г. — 263,6 рубля ²⁶. Для сравнения: в Англии еще в 1886—1891 гг. средний заработок рабочих составлял 608 руб. для мужчин, 313 руб. для женщин, 218 руб. для подростков-мальчиков и 157 руб. для подростков-девочек. Средний заработок американского рабочего на основании результатов одиннадцатого ценза 1890 г. составлял 870 руб. в год ²⁷, а в 1910 г. — уже 1036 рублей ²⁸.

На основании сравнения данных, собранных в России в 1900—1910 гг., и результатов исследований, проведенных в 1905 г. департаментом труда английского Министерства торговли о положении рабочего класса Англии, Бельгии, Франции и Германии, а в 1909 г. — и США, можно заключить, что заработок французского и немецкого рабочих в среднем был более чем в полтора раза выше, чем у российского, а английского — в 2—2,5 раза ²⁹.

Во Франции заработная плата углекопа составляла: в 1906 г. — 485 руб., в 1907 г. — 522 руб.; в Бельгии: в 1907 г. — 545 руб., в 1908 г. — 518 руб.; в Германии: в 1908 г. — 607 руб., в 1909 г. — 560 рублей. При этом средний заработок углекопа на Юге России с 1904 по 1908 г. был равен 308 руб., а в 1908 г. — 330 рублям ³⁰.

Следует особо отметить, что никаких резких отклонений от ценового паритета на продукты питания в Европе и в России тогда не наблюдалось. Так, в 1901—1905 гг. мука пшеничная в Петербурге имела среднюю цену 168,4 коп. за пуд, в Лондоне (в пересчете на рубли) — 174,8 копеек. Овес продавался в Петербурге за 76,2 коп., в Лондоне — за 87,9 коп., в Нью-Йорке — за 87,7 коп.; сахарный песок в Петербурге — 4,96 руб., в Лондоне — 1,64 руб., в Нью-Йорке —

2,58 рубля. В Москве мясо свинины стоило 5,22 руб., в Лондоне — 8,33 руб., масло растительное, соответственно 5,07 и 3,76 (рапс.), сало (быч.) — 6,29 и 4,38, масло коровье — 13,27 и 14,08 (рус.), сыр — 7,54 (гол.) и 6,99 (эдам), яйца (рус.) за тысячу — 26,84 и 27, 5 (рус.) рублей³¹.

При сложении цен всех десяти продовольственных товаров суммы окажутся примерно одинаковыми: для Москвы (Петербурга) — 71,63 руб., для Лондона — 69,29 рублей. Отсюда следует, что при сравнении заработков российских и английских рабочих ценовой фактор по продовольственным товарам можно не учитывать.

В начале XX в. цены в России росли быстрее, чем в Англии и в 1912 г. их общий индекс по отношению к последнему десятилетию XIX в. в России был равен 139,1%, а в Англии — 129%, по пищевым продуктам в России он составлял 145,7% (хлебные продукты) и 153,7% (животные продукты), а в Англии — 115%. То есть к 1912 г. ценовая динамика еще больше понизила покупательную способность номинальной зарплаты русского рабочего по сравнению с его английским коллегой³².

Причину низкой заработной платы русского рабочего следует искать в целом комплексе обстоятельств. В первую очередь необходимо указать на колоссальное превышение предложения рабочих рук над спросом. Это приводило к эффекту «дешевого труда», когда «невысокая заработная плата, — по словам С.Ю. Витте, — является для русской предприимчивости счастливым даром»³³. Однако здесь нужно учитывать важную особенность российского рынка труда: он в это время характеризовался недостатком квалифицированных рабочих кадров при одновременном избыточном предложении неквалифицированной рабочей силы³⁴. Перенаселение в сельском хозяйстве и наличие огромной резервной армии труда не заинтересовывали предпринимателей в технической модернизации производства. Отсюда вытекала вторая причина низкого уровня зарплаты, которая заключалась «в сравнительно слабой производительности русского рабочего». Кроме того большую роль также играли расположение многих предприятий вне городов, сохранившаяся у части рабочих связь с землей, «низкий уровень культуры народа и неудовлетворительность правового положения рабочего, лишаящая его законных средств для успешного отстаивания своих интересов»³⁵.

Фактический заработок рабочего был всегда меньше указываемого в официальных источниках вследствие не только роста цен, но также его скрытого и явного снижения. К приемам деформации зарплаты относились: перевод стрелок часов³⁶, задержка зарплаты, обсчет при сдельных работах, штрафование, выдача части заработка талонами в заводские лавки, где цены на предметы первой необходимости были выше рыночных, взяточничество, устройство на работу по протекции, принудительные лотереи³⁷, редкая выдача зарплаты (4—6 раз в год), система поручительства, при которой поручитель отвечал своим заработком, вычеты за прописку паспорта, на расчетную книжку или тетрадь³⁸, незаконные вычеты на шахтах и приисках, за материалы и инструменты, взимание платы за топливо, жилье и освещение³⁹, незаконная выдача части зарплаты «ордерами» или векселями, которые часто скупались у рабочих посторонними лицами по ценам на 30—50% ниже их действительной стоимости⁴⁰, подлежа-

ших оплате через неопределенный срок, использование сырья низкого качества, занижение при приемке количества готовой продукции, сокрытие расценок ⁴¹ и др.

О данных фактах сообщали или сами рабочие, или они фиксировались официальными лицами. Так, в рапорте Царскосельского уездного исправника Санкт-Петербургскому губернатору от 7 сентября 1905 г. указывалось, что, «арендатор Введенского стекольного завода личный почетный гражданин Фёдор Карлович Шварцгоф уже второй месяц не платит мастерам и рабочим заработанных денег» ⁴². При посещении Сормовского завода 27 июня 1901 г. фабричный инспектор записал: «В механическом цехе наряды не выдаются, если и выдаются, то не вписываются цены, а мастер начинает торговаться о цене по сделанной вещи» ⁴³.

О взяточничестве и незаконных штрафах писали в прошении от января 1912 г. рабочие московского трамвайного парка г. Санкт-Петербурга. Во всенижайшем прошении на имя министра внутренних дел рабочие Александровского сталелитейного завода указывали, что два года они не получали даже половины своего заработка ⁴⁴. На съезде фабричных инспекторов в 1905 г. отмечалось: «Мастера... стесняют рабочих на каждом шагу, требуют взяток и проч. В Московской губернии обычное явление — приношение рабочими мастерам после Пасхи, по возвращении из деревни, деревенских гостинцев: везут яйца, кур и т.д.; этот безобразный обычай так вкоренился, что мастер сочтет себя обиженным, если кто-то из рабочих обойдет его подарком, и рано или поздно отомстит вольнодумцу» ⁴⁵. Об этом же сообщали рабочие на Урале: «Взятки с рабочих — это у нас обыкновенное явление...»; «десятник берет у рабочих рублей по сту, а иногда и больше, якобы займы; некоторым из рабочих он дает векселя, а у некоторых берет деньги прямо на честное слово... Тех рабочих, которые позволяют себе беспокоить десятника требованиями или просьбами возвратить им деньги, десятник застрачивает увольнением»; «принесут им фунт чаю, — возьмут, и от головы сахару тоже не откажутся. Не брезгают и маслом, и яйцами, и кадушками меду, — одним словом, брали и берут сырым и вареным» ⁴⁶.

Временные вычеты из жалованья были обычным явлением при найме судорабочих на Волге. Каждый рабочий оставлял за навигацию в кассе нанимателя около 30 руб. так называемых «навигационных» и залоговых денег, которые возвращались ему обратно, но уже «в виде награды», которую за проступки можно было и не получить. В результате только за одну навигацию предприниматели получали от рабочих беспроцентный заем в размере 2 млн рублей ⁴⁷.

Следует упомянуть и еще об одной форме сокращения реальной заработной платы рабочих, повсеместно практиковавшейся в конце XIX — начале XX в. на предприятиях России — о принуждении рабочего через запись в расчетной книжке к исполнению «побочных, не свойственных его профессии, тяжелых и утомительных работ». Например, в 1905 г. в расчетной книжке рабочего иваново-вознесенской фабрики И. Гарелина указывалось: «Напорщики, кроме работ у напорных прессов обязаны приносить валы из манерной для напирания, класть их на пирамиды, класть валы на шлифовальный станок и снимать с него...»; «Рабочие запасные и женщины запасные обязаны

исполнять все работы, относящиеся к производству, какие укажет старший в отделении, и мыть полы в фабричных помещениях». Из-за подобного произвола в 1905 г. рабочие иваново-вознесенской фабрики Полушина требовали «для уборки мастерских иметь особых людей», отменить обязанность женщин «таскать товар с воза на воз», а рабочие фабрики Зубкова — «не посылать запасных ткачей на другие работы», «отменить браковщиков от таскания вязаного миткаля»⁴⁸.

Требуют серьезного критического отношения официальные сведения о заработной плате рабочих в тех отраслях и на тех предприятиях, где преобладал или имел значительное место кабальный наем. Дореволюционный исследователь феномена кабалы Г.П. Сазонов, приведя большое количество фактов ущемления интересов отхожих рабочих подрядчиками в различных отраслях⁴⁹, констатировал, что «обираение рабочего кулаком дошло до крайних пределов; вернее, перешло всякие пределы; что за совершенно излишний, непроизводительный труд кулаки берут у труженика целую половину его заработка; что нередко и этого им мало, и они отбирают даже $\frac{2}{3}$ заработка»⁵⁰. Сложившуюся ситуацию подтвердили и другие исследователи⁵¹.

Низкая номинальная зарплата являлась основой и незначительной покупательной способности русских рабочих. Например, в 1880-х гг. ежемесячный расход на питание, обувь, водку и табак одинокого шахтера в Славяносербском уезде составлял 15—18 руб. в месяц при средней зарплатке в размере 19 руб. 50 копеек⁵². В 1901 г. такие же расходы одинокого рабочего Кальмиус-Богодуховских копей были равны 15 руб. 33 коп. при среднемесечной оплате труда в размере 23 руб. 17 копеек⁵³. В 1902 г. при средней зарплате шахтера Донбасса в 24 руб. расходы на самого работника (питание и одежда), по данным обследования 200 семей, составляли 12,33 руб., на жену — 9,24 руб., на двоих детей — тоже 9,24 руб. Всего — 30 руб. 81 коп., что на 6 с лишним руб. превышало доходы рабочего⁵⁴. За первое десятилетие XX в. минимальные расходы на питание и одежду рабочих на Юге выросли на 25%⁵⁵. Следовательно, расходная часть бюджета семьи рабочего из 4 чел. составляла как минимум 38 руб. 51 коп., а в год — 462 руб. 12 копеек. Показательно, что в 1910 г. администрация Александровского завода в Екатеринославе выдавала детям рабочих учебники, одежду и обувь, если их родители получали меньше 35 руб. в месяц⁵⁶.

На Рыковских коях Донбасса в 1910 г. питание и жилье одиноких рабочих обходилось им в 12—15 руб. при заработной плате в 16—25 рублей⁵⁷. По сведениям Новороссийского акционерного общества, минимальные расходы на питание одинокого рабочего в 1914 г. составляли 11 руб. 35 коп., на другие статьи — 11 руб. 09 коп., а в целом — 22 руб. 44 коп. в месяц⁵⁸. С учетом расходов на лечение, алкоголь, праздники, печать, помощь родным и пр. расходный бюджет следует определить в 26—27 рублей⁵⁹. Исходя из этих данных, Ю.И. Серый подсчитал, что примерные минимальные расходы одинокого рабочего на Юге составляли около 300 руб. в год, а семьи из 5 чел. — 660 руб. при расходе на одного члена семьи в 132 рубля⁶⁰. Из официальных справок шахтоуправлений Кадиевского и Максимовского рудников, а также копии «Председатель Бунге» следует, что в июне 1914 г. из 7 562 горняков 48,1% получали менее 300 руб. в год, то есть меньше прожиточного минимума одного рабочего. Обеспе-

чить только самого себя могли 19% горняков, семью из пяти чел. — только 3,8% шахтеров ⁶¹.

Весьма скудный бюджет имели и рабочие-металлисты Юга России, если учесть, что в 1913 г. средняя зарплата на доменных заводах составляла 40,2 руб. в месяц: на Юзовском — 36,3, на Днепровском — 36,1, Александровском — 45,3, Петровском — 41,4, Донецко-Юрьевском — 46,9, Дружковском — 40,0, Макеевском — 56,5, Таганрогском — 40,0, Краматорском — 34,8, Кадиевском — 39,7 руб. и т.д. На перedelных заводах среднемесячная зарплата равнялась 42,9 рублям ⁶².

В 1912 г. на скудное питание, включающее хлеб и овощи, одежду и квартиру одинокий квалифицированный киевский работник тратил в среднем 75,63—76% своего заработка, а семейный — 83,93—86,68% ⁶³. Бюджетный дефицит присутствовал в 52,4% обследованных рабочих семей ⁶⁴. В Киевской губернии ситуация была еще хуже. Здесь средняя зарплата рабочего составляла 13 руб. 16 коп. в месяц. На питание семьи из 4—5 чел. рабочий мог израсходовать только 2,5—3,5 руб. в месяц на каждого. В результате, на одежду, квартиру и другие нужды уже ничего не оставалось ⁶⁵.

В Москве у фабрично-заводских чернорабочих Басманной части в 1899 г. средняя заработная плата (без штрафов и вычетов) составляла 14 руб., у специальных рабочих — 29, у подростков — 6,50 на хозяйских харчах, у женщин — 9 рублей. После расходов на питание, койку, одежду, обувь и другие надобности у одинокого чернорабочего оставался 1 руб., у семейного, учитывая расходы на детей, получался большой дефицит; у одинокого специального рабочего оставалось 10—15 руб., у семейного расход покрывался доходом. Большинство рабочих, имевших семьи в деревне, посылали туда свои накопления: чернорабочие — от 45 до 60 руб. в год, специальные — от 100 руб. и более. Семейный рабочий, живший в Москве с женой и детьми, также посылал деньги в деревню: чернорабочий — от 3 до 15 руб. в год, специальный — от 5 до 18 ⁶⁶.

Исследование бюджетов рабочих, проведенное полковником В.И. Руденковым на Ижевском оружейном заводе в 1903 г., показало, что основным источником существования рабочих были заводские заработки (92,6% всех доходов). Главными статьями расходов являлись питание (60,7%), одежда (20,8%), плата за квартиру и отопление или содержание собственного дома (9,6%). Расходы на 5,5% превышали доходную часть бюджетов рабочих. Из 22 бюджетов 14 имели дефицит. Разрыв в зарплате был огромным: от 5,51 руб. до 30,58 руб. в месяц при средней зарплате 17,5 рублей ⁶⁷.

В 1907 г. на Камско-Воткинском казенном заводе была установлена годовая средняя норма бюджета рабочей семьи, состоявшей из 3—4 чел., в сумме 507 руб. в год (квартира — 60 руб., отопление — 45, освещение — 12, одежда — 150, питание — 240 руб.) при среднем бюджете по Европейской России в размере 350 руб., а в Петербурге — 440 рублей. Зарплата на этом заводе в 1906 г. была следующей ⁶⁸: в сталелитейном цеху — 322,41 руб., каменном — 166,46, меднолитейном — 252,02, чугунолитейном — 281,11, листокатальном — 265,29, сварочном — 393,8, токарном — 353,8 рубля.

При подобных бюджетах выходом для рабочего было недоедание, ограничение себя в удовлетворении других потребностей, отправление

ние на работу малолетних детей, сдача углов и прием столовников. Низкая зарплата рабочих приводила к тому, что содержать на нее свою семью могли только примерно 20—30% из них, что значительно, по сравнению с другими странами, увеличивало долю замужних женщин, вынужденных работать в связи с недостаточностью заработка главы семьи⁶⁹. Динамика здесь была следующая: в 1901 г. на предприятиях, подотчетных фабричной инспекции, трудилось 453 352 женщины, в 1908 г. — 546 346, в 1913 г. — 723 913⁷⁰. Труд малолетних с 1901 по 1913 г. на данных предприятиях официально оставался на одном и том же уровне, зато привлечение к труду подростков существенно возросло: с 146 177 в 1901 г. до 224 932 в 1913 году⁷¹. Можно предположить, что непосредственным результатом массового привлечения в промышленность женского и детского труда явилось удешевление рабочей силы мужчин, вытеснение их из промышленности, рост безработицы и аграрное перенаселение. Это прямо признали чины фабричной инспекции на своем съезде в апреле 1905 г.: «Вообще труд женщин и подростков оплачивается чрезвычайно низко, количество же тех и других, особенно в прядильно-ткацкой промышленности, возрастает с каждым годом, рабочие-мужчины жалуются, что женщины и подростки “цену сбили” и на их работу»⁷².

На уровень заработной платы в России серьезное влияние оказывала интенсивность классовой борьбы рабочих и предпринимателей. Это видно из сравнения динамики заработной платы и забастовок по данным, собранным фабричными инспекторами на предприятиях Европейской России.

Так, в 1903 г. произошло 550 забастовок, в которых участвовало 86 832 рабочих по сравнению с 1902 г., когда было отмечено 123 забастовки. Это сразу же повысило среднюю заработную плату в 1904 г. с 208 до 213 рублей. Когда же в 1904 г. количество забастовок снизилось до 68, это сразу же отразилось на зарплате — она упала до 205 рублей. Конечно, на величину оплаты труда действует не только интенсивность классового противостояния, но все же в этот период она играла решающую роль. Это наглядно видно из сравнения данных за следующие годы. В 1905 г. наблюдался взрыв стачечной борьбы: произошло 13 995 забастовок с числом участников — 2 863 173 человека. Это привело к тому, что зарплата в 1906 г. повысилась до 231 рубля. Последующее снижение количества забастовок вдвое, но при большом их абсолютном количестве и реальной угрозе для предпринимателей продолжения революции, не оборвало тенденцию роста заработной платы. В 1907 г. она возросла до 241 рубля. Снижение заработной платы произошло в 1909 г. (236 руб.); когда революция завершилась поражением и волна стачек стала возвращаться на дореволюционный уровень: в 1908 г. — 892 забастовки, в 1909 г. — 348⁷³. Здесь стали проявлять свою силу иные факторы образования цены на рабочую силу, в том числе и обратного свойства. При этом надо учитывать тот факт, что рабочие предприятий, на которых забастовочная борьба велась дольше и упорнее, чаще всего добивались существенного повышения заработной платы, но теряли при этом общее количество рабочих дней в году, что приводило к снижению статистических показателей роста заработной платы. Например, в 1905 г. рабочие потеряли таким образом

свыше 10 руб. годового заработка на человека, но зато получили существенную прибавку в следующем 1906 г. — 26 руб. на человека ⁷⁴.

В свою очередь предприниматели также организовывали коллективные формы борьбы с рабочими. По образцу западных стран во многих промышленных центрах России (Санкт-Петербурге, Москве, Ростове-на-Дону, Риге, Нижнем Новгороде, Тифлисе, Екатеринославе, Харькове, Житомире, Таганроге и др.) в конце XIX в. возникли «союзы работодателей». Они занимались учетом оппозиционно настроенных рабочих, составлением и обменом «черными списками» для предотвращения поступления на работу занесенных в список лиц, организацией локаутов, вербовкой штрейкбрехеров ⁷⁵.

Вот лишь некоторые примеры. В 1889 г. появился союз предпринимателей г. Шуи, когда после общей стачки текстильщиков владельцы четырех фабрик заключили соглашение не принимать на работу пришлых рабочих и не изменять принятый распорядок без взаимного согласования. В 1899 г. перед угрозой новой стачки фабриканты Шуи вновь объединились. В 1897 г. в Кинешёмском уезде Костромской губернии возник союз семи фабрикантов, которые договорились сохранять 12-часовой рабочий день и снизить расценки с нового срока найма. В том же году в Иваново-Вознесенске возникло объединение фабрикантов, выработавшее общие правила найма рабочих, значительно ухудшивших их положение. В мае 1899 г. в Московском уезде против 3 тыс. забастовщиков семи кирпичных заводов объединились их владельцы. В мае 1900 г. возник союз владельцев кирпичных заводов уже всей Московской губернии ⁷⁶.

Наиболее упорное сопротивление сообщества предпринимателей оказывали в вопросах заработной платы. Так, 29 марта 1905 г. начальник Балтийского судостроительного и механического завода докладывал управляющему Морским министерством о том, что на собрании санкт-петербургского Общества фабрикантов и заводчиков от 15 марта 1905 г. был возбужден вопрос о выработке общей конвенции предпринимателей по поводу поднятых бастовавшими рабочими проблем. По итогам обсуждения собрание заключило соглашение из шести пунктов:

«1. — Не делать никакого сокращения в продолжительности рабочего времени ни прямо, ни косвенно, впредь до решения этого вопроса в законодательном порядке...

2. — Не допускать оплаты прогульного, вследствие участия в стачках, времени, так как право на получение вознаграждения за дни забастовки действующими законами не оправдываются...

3. — Участие рабочих в определении заработной платы и в вопросах внутреннего фабрично-заводского распорядка безусловно недопустимо...

4. — Право увольнения рабочих принадлежит заводууправлению, и никакое вмешательство рабочих или их представителей в это дело не должно быть допустимо.

5. — Требования рабочих об отмене штрафов отклонять по силе действующего закона...

6. — Установление, по требованию рабочих, гарантированной заработной платы для работающих по сдельным расценкам, равно как установление минимальной платы для поденных, не допустимо. За-

рабочная плата должна подчиняться закону спроса и предложения, и отступление от этого, даже кажущиеся чисто формальным, опасно как вредный прецедент вмешательства рабочих»⁷⁷.

В России наблюдался высокий уровень межрегиональной дифференциации оплаты труда промышленных рабочих. Еще в 1880-х гг. было установлено, что на западных окраинах империи она была выше, чем в центральном районе. Так, в Харьковском округе средний заработок по более чем 50 производствам был равен 12,5 руб. для мужчины, 7,5 руб. для женщины и 4,5 руб. для малолетних в месяц. В Московском округе по 20 производствам он равнялся 18,5 руб. для мужчин, 9 руб. для женщин и 6,5 руб. для малолетних, в Виленском округе средний заработок по всем производствам по этим же категориям был равен 20,92, 9,20 и 3,44 руб. соответственно. Сравнение по семи производствам Центральной России и Царства Польского показало, что мужчины получали в последнем на 32,2% больше (20,1 руб. по сравнению с 15,2 руб.), женщины — на 73,9% (15,3 руб. по сравнению с 8,8 руб.), малолетние — на 60% (8,8 руб. по сравнению с 5,5 руб.). При этом даже с учетом, что в Центральной России рабочим как бы бесплатно предоставлялись хозяйские квартиры (1—1,5 руб.), разрывы оставались весьма существенными⁷⁸.

В 1913 г., по данным фабричной инспекции, средняя зарплата в Петербургском округе была 339,33 руб., в Варшавском — 302,37, в Харьковском — 286,28, в Московском — 218,95, в Поволжском — 231,62, в Киевском — 196,85 рублей⁷⁹. По губерниям наивысшего размера заработная плата достигла в 1913 г. в Ставропольской (449 руб.) и Екатеринославской (426 руб.); в Петербургской (384 руб.), Бакинской (383 руб.), в Донской области (379 руб.), в Лифляндской (357 руб.), Ковенской (357 руб.), Курляндской (355 руб.) губерниях. Наименьшая плата была отмечена в Холмской губернии — 91 руб., в Тамбовской — 107, Курской — 112, Подольской — 123, Черниговской — 124 рубля. Такая большая разница в зарплате между регионами (в 4—5 раз) была замечена еще современниками. Причем К.А. Пажитнов отметил, что революционные события не произвели в этом отношении больших перемен: районы с максимальной и минимальной зарплатой остались прежними⁸⁰.

Крузе, анализируя данные о размерах заработной платы фабрично-заводских рабочих по промышленным округам и губерниям России за отдельные периоды промышленного цикла 1900—1913 гг. (кризис — депрессия — подъем), выявила интересную закономерность: «пропорции и соотношения в их уровнях для различных губерний оставались неизменными на всем протяжении цикла»⁸¹. Здесь действовал целый комплекс причин.

В первую очередь, уровень заработной платы рабочих того или иного района зависел от того, какая отрасль промышленности в данной местности господствовала: если труд в ней оплачивался низко, то это понижало зарплату и в других отраслях. Например, в Харьковской губернии в 1900 г. преобладало производство сахарной свеклы, а в Екатеринославской — выплавка железа. Поэтому харьковский металлист зарабатывал 364 руб. в год, а Екатеринославский — 404 рубля⁸². Однако при этом профессия рабочего сама по себе также играла большую роль в установлении уровня цены рабочей силы. Так, средняя

годовая зарплата рабочих электрических станций в Европейской России в 1908 г. была равна 463,86 руб., рабочих ватных фабрик — 221,74, суконных — 184,75, чугунолитейных заводов — 279,13 рублей ⁸³.

На уровень оплаты труда рабочих влияло местоположение промышленного района и отдельного предприятия: цены на рабочие руки по мере приближения к центрам промышленности возрастали, а по мере удаления от них падали. Самые высокие заработки были у рабочих в крупных городах наиболее развитых в промышленном отношении губерний: Петербургской, Екатеринославской, Курляндской, Лифляндской, Эстляндской, Нижегородской. Скорее всего, решающим фактором здесь была стоимость жизни. Например, почти во всех группах производств средние заработки рабочих при заведении в Московской губернии в 1908 г. были выше, чем в остальных губерниях ЦПР, так как здесь жизнь рабочих была гораздо дороже ⁸⁴.

Влияние оказывала и специфика расположения предприятий некоторых отраслей. Например, в ЦПР владельцы текстильного производства вокруг крупных комбинатов располагали мелкие сельские ткацкие фабрики, что, несомненно, оказывало воздействие на размеры заработков фабричных рабочих. В 1911—1912 гг. фабричный ткач Владимирской губернии зарабатывал 194,4 руб., а ткач сельских фабрик — 138 рублей ⁸⁵.

Серьезной причиной, определявшей уровень заработной платы, являлась величина предприятий, преобладавших в данной местности: на крупных она была выше, на средних и мелких — ниже ⁸⁶. При этом рабочие в заведении получали, как правило, больше надомников. Однако эта тенденция проявлялась не всегда. В Московской губернии заработок трудящихся на дому в столярно-мебельном и кузнечно-слесарном производстве в полтора раза превышал зарплату рабочих на производстве. Рабочие на стороне в овчинно-дубильном производстве Владимирской губернии зарабатывали в среднем на треть больше рабочих при заведении во всей группе обработки животных продуктов. Примерно то же самое относилось и к изготовлению войлочной и валяной обуви в Костромской и Ярославской губерниях, а также к веревочному и канатному производству в Нижегородской губернии. Эти примеры показывают, что ручной труд, требующий высокой квалификации, оплачивался дороже, даже если он использовался на дому ⁸⁷.

В местностях России со слабо развитой промышленностью, как писала Крузе, на уровень заработков промышленных рабочих влиял складывавшийся в том или ином регионе уровень цен на рабочие руки сельскохозяйственных рабочих ⁸⁸. Проведенный анализ показал, что связь между двумя видами заработков действительно присутствовала, но не в понижающей тенденции, а в повышающей. Все губернии с высокими промышленными заработками имели и высокие сельскохозяйственные, но не все губернии с относительно низкой зарплатой промышленных рабочих имели низкие заработки на сельских работах ⁸⁹.

При этом серьезной проблемой является установление взаимоотношений ценообразования в сельском хозяйстве, промышленности или совокупности общих хозяйственных условий регионов. Скорее

всего, взаимовлияние здесь происходило по всем трем векторам. Несомненно, что высота заработной платы, складывавшаяся в той или иной земледельческой губернии, влияла на предложение рабочих рук в местной промышленности. Однако то же самое происходило и в обратном направлении, но только в промышленных губерниях. Высокая номинальная заработная плата (НЗП) в промышленности соседствовала с высокой зарплатой на сельских работах в тех регионах, в которых развитое земледелие сочеталось с развитой промышленностью при развитой транспортной инфраструктуре. Это имело место в Прибалтийском и частично в Южном районах ⁹⁰.

На складывавшийся в регионах уровень заработной платы промышленных рабочих оказывали воздействие не только распространенность в том или иной отрасли, в том или ином регионе связи рабочих с землей, но также различных кабальных форм: зимней наемки, ростовщичества, продовольственной и бытовой зависимости, различных способов понижения заработной платы, произвола подрядчиков ⁹¹.

Межотраслевые различия в уровне оплаты труда в России были также весьма значительны. На всем протяжении начала XX в. выше средних общероссийских величин заработка были в металлообрабатывающем производстве (на 51,4 — 63,3%). Именно в этой отрасли преобладали рабочие-мужчины и наиболее квалифицированный труд. Близкими к среднему были заработки в производствах обработки бумаги, смешанных материалов, дерева, минеральных веществ, животных продуктов. Пониженная зарплата наблюдалась в различных производствах текстильной промышленности (в среднем на 20%), где было занято около половины всех рабочих, и в заведениях обработки продуктов питания (на 10%) ⁹². Именно в этих отраслях преимущественно употреблялся труд необученных рабочих и женщин. Еще более низкую плату получали рабочие предприятий, обложенных акцизом: табачных, спичечных фабрик, сахарных заводов и т.д. ⁹³

В 1900 г. самая низкая зарплата была на производствах по обработке льна — 140 руб., а самая высокая — по обработке металлов — 342 руб., то есть имел место разрыв в 2,44 раза. В 1913 г. самая низкая зарплата переместилась в производства по обработке продуктов питания — 189 руб., а самая высокая осталась на предприятиях по обработке металлов — 402 рубля. В итоге, разрыв — в 2,12 раза. Таким образом, в начале XX в. можно наблюдать крайне незначительное сближение цен на рабочие руки между отраслями промышленности.

Большой интерес представляет анализ причин дифференциации оплаты труда в отдельных отраслях. Например, для металлургической и металлообрабатывающей промышленности Донбасса характерным был резкий разрыв в оплате между небольшой группой квалифицированных рабочих и основной рабочей массой. В конце XIX в. английские рабочие на Юзовском заводе получали 3—4 руб. в день, а русские — не выше 1 рубля ⁹⁴. На бельгийском чугунно-литейном заводе в Успенке средний заработок русских рабочих составлял в 1898 г. 80 коп. в день, а бельгийские рабочие за эту же работу получали 3 руб. 70 копеек. На Сулинском заводе в марте 1900 г. чернорабочие получали 60—70 коп., в доменном цехе — от 70 коп., в прокатном — от 1 руб. до 3 руб. 50 копеек. На Луганском патронном заводе дневной зара-

боток женщин в гильзовой мастерской составлял 35 коп., а токарей завода — 2 руб. 75 копеек ⁹⁵. На фабрике Товарищества бумажных изделий Карзинкина и Игумнова в Ярославле прядильщики получали в месяц от 11 до 25 руб., ткачихи — от 7 до 14 руб., банкаброшницы — от 5 до 11 руб., мальчики и девочки 12—14 лет — от 3 до 5 рублей ⁹⁶.

Особое отношение складывалось у начальства сахарных заводов к постоянным квалифицированным рабочим. Они проживали в бесплатных квартирах или домах, им бесплатно предоставлялись огород, дрова, корм для коровы. Такие рабочие получали повышенную, по сравнению с другими работниками, зарплату. Если обычный рабочий получал 6—8 руб. на хозяйских харчах, то слесарь — 30—45, медник — 40—45, кузнец — 30—45, плотник — 20—30 рублей ⁹⁷. Но и такая зарплата не позволяла рабочим нормально существовать.

Зафиксированный Крузе огромный диапазон в сфере оплаты труда чернорабочих России (в 1904—1906 гг. от 25 коп. до 1 руб. 20 коп. в день) имел своими причинами изменения в промышленной конъюнктуре того или иного периода экономического цикла, игру спроса и предложения на рынке труда, революционные события 1905—1907 гг., близость к промышленным центрам, общий характер экономического развития той или иной местности, господство в ней определенных отраслей ⁹⁸. «В целом же — делает вывод В.Ф. Циткульский — наблюдалась такая тенденция, что в губерниях промышленных, где предприятия были оснащены современной на тот период техникой, работали круглый год, имели высокую концентрацию производства и являлись собственностью финансового капитала, заработки чернорабочих резко отличались по своему уровню от заработков рабочих непромышленных губерний» ⁹⁹.

Величина оплаты труда рабочих в большой степени зависела от ведомственной принадлежности предприятий. Так, если в начале XX в. среднегодовая зарплата рабочих на предприятиях Урала, подведомственных фабрично-заводской инспекции, составляла 210 руб., то на казенных заводах края она была гораздо выше: от 280—285 руб. на Ижевском и Воткинском заводах, до 321 руб. на Златоустовском и 432 руб. на Мотовилихинском заводе ¹⁰⁰.

Значительную роль в дифференциации уровня заработной платы в разных районах и отраслях играли общие факторы капиталистического развития: уровень промышленного производства, удельный вес капиталистического уклада в сельском хозяйстве, состояние рынка и экономическая конъюнктура, степень миграции рабочих кадров, культурный уровень населения ¹⁰¹.

В литературе также отмечалось, что величина среднего заработка зависела от соотношения мужского, женского и детского труда ¹⁰². Причиной этого было то, что женщины получали зарплату примерно на треть меньше мужчин, подростки — наполовину, а малолетние — иногда даже в 3 раза меньше. В 1884—1885 гг. в Коломенском, Серпуховском и Бронницком уездах Московской губернии мужчины в среднем зарабатывали 14,15 руб. в месяц, женщины — 10,35 руб., подростки — 7,27 руб., малолетние — 5,08 рублей ¹⁰³. В 1908 г. в Московской губернии средний месячный заработок мужчины на производстве составлял 22 руб. 96 коп., а женщины — 13 руб. 84 копейки ¹⁰⁴. По сообщениям Комиссии по улучшению быта рабочих военного ве-

домства, в начале XX в. в Петербургском акцизном округе средняя заработная плата рабочего-мужчины была равна 21 руб. в месяц, женщины — 15 руб.; на предприятиях же военного ведомства в Санкт-Петербурге и его окрестностях женщине платили 16,3 руб., подростку — 9,6 рублей. А на всех военных предприятиях России менее 20 руб. зарабатывали 93% женщин, а среди мужчин этот процент был равен только 39,8% ¹⁰⁵.

Данные промышленной переписи 1908 г. вроде бы подтверждают вывод о значимости половозрастного фактора. Например, в Московской губернии на текстильных предприятиях среди рабочих был очень большой процент женщин и относительно низкая зарплата, а на предприятиях по производству металла, где было мало женщин, зарплата была более высокой. При этом интересно отметить, что как только в рядах, относящихся к металлическим производствам, доля женщин среди рабочих повышалась, то тут же падала зарплата ¹⁰⁶. Однако у этого доказательства есть очевидные слабые стороны. Те предприятия VIII группы (заведения по обработке металлов), на которых выплачивалась относительно низкая зарплата, имели не только высокую долю женщин-работниц, но иногда и более скромные размеры, что можно трактовать также как причину пониженных заработков. Кроме того, анализ всех групп и рядов выявляет очень пеструю картину заработков в различных производствах, которая не позволяет достаточно четко зафиксировать действие половозрастного фактора — он нивелируется размером предприятий, его отраслевой специализацией, местоположением, а также промышленной конъюнктурой на различных этапах десятилетнего экономического цикла. Однако возможно, как считал В. Леонтьев, различия в оплате мужского и женского труда были связаны с разницей в простоте операций. Чем меньше она была, как, например, на ткацких фабриках, тем более сближалась заработная плата мужчин и женщин ¹⁰⁷.

Надо отметить как положительное явление повсеместное значительное преобладание денежной формы оплаты труда над натуральной. По данным сводов отчетов фабричных инспекторов, рабочим на предприятиях Европейской России в 1900 г. наличными деньгами было выдано 91,5% заработной платы, в 1901 — 89,7, в 1902 — 89,5, в 1903 — 90,5, в 1904 — 89,5, в 1905 — 89,7, в 1906 — 90,8, в 1907 г. — 90,2% ¹⁰⁸. Однако при этом необходимо учитывать, что официальные данные далеко не всегда учитывали реальное положение дел.

На цену рабочей силы определенное воздействие оказывала динамика безработицы. О ее размерах можно судить по изменению численности рабочих. Так, в горнозаводской промышленности России в 1900 г. насчитывалось 716 тыс. чел., а в 1903 г. — уже 610 тысяч ¹⁰⁹. То есть сокращение составило 106 тыс. чел., или 14,8%. При этом зарплата на многих шахтах и заводах Донбасса была снижена на 20—40% ¹¹⁰. Точно зафиксировать влияние этого фактора не представляется возможным в силу неполноты статистики и особенности России того периода — слитности безработицы и аграрного перенаселения. Например, за 1900—1902 гг. на 89 054 чел. сократилось число рабочих на предприятиях, подотчетных фабричной инспекции и закрытых по тем или иным причинам: в 1900 г. — на 20 083, в 1901 — на 34 987, в 1902 г. — на 33 984 человека ¹¹¹. Однако эти данные не дают представления о

том, что происходило с уволенными рабочими дальше. Уезжали ли они в деревню, поступали ли на работу на другие предприятия или становились безработными.

Согласно переписи, проводившейся в Москве 27 января 1902 г., оказалось, что среди опрошенных безработных не имели работы до 1 месяца — 24,9% (4253 чел.), 1—3 месяца — 34,8 (5964 чел.), 3—6 месяцев — 23,3 (3990 чел.), 6—12 месяцев — 10,3 (1761 чел.), более года — 6,7% (1145 чел.). Всего в Москве, таким образом, было опрошено 18 117 безработных, из которых 17 113 чел. указали продолжительность своей безработицы, по остальным 1 004 лицам выяснить эти данные не удалось. Весной 1906 г. в Москве проводилось социологическое обследование 1601 безработного. В результате оказалось, что 1 месяц оставались без работы 16,3% опрошенных, 2 месяца — 13,8, 3 месяца — 7,9, 4 месяца — 8,1, 5 месяцев — 14,8, 6 месяцев — 11,1, 6—9 месяцев — 15, 9—12 месяцев — 6,6, 1—1,5 года — 2,5, 1,5—2 года — 1,3, более 2 лет — 2,6%. То есть не имевшие работы до 3 месяцев составляли 38%, от 3 до 6 месяцев — 34, от полугода до года — 21,6 и больше года — 6,4%. Сравнение этих исследований показывает, что процент оставшихся без работы до 3 месяцев в 1902 г. был значительно выше, чем в 1906 г., что отражало кризисные явления в экономике. Зато доля безработных за более продолжительные периоды в 1906 г. была намного выше, чем в 1902 г., что указывает уже на хронический характер безработицы ¹¹².

Наибольший интерес в исследовании 1906 г. представляет фиксация причин увольнения рабочих. Наибольшее число уволенных в качестве причины указали экономические факторы: сокращение работ, закрытие предприятий и т.д. Это составляло 42,3%. Далее следовала та или иная оппозиционность (28,6%): участие в стачке или в политической деятельности, ссоры с администрацией предприятий. Такие результаты отражают, с одной стороны, крайне неблагоприятные социально-экономические условия, сложившиеся на рынке труда, а, с другой, попытку рабочих их изменить ¹¹³. Этот вывод подтверждается и другими показателями. Из 1 601 безработного только у 140 (8,7%) были случайные заработки, а у 13,7% семей безработных — сбережения ¹¹⁴.

В 1913 г. по специальной анкете, разработанной Обществом экономистов и ремесленной секцией при Киевской выставке, было опрошено 572 рабочие семьи. Выяснилось, что 268 чел., или 46,6%, оставались на протяжении различных сроков без работы; из них: от 1 до 3 месяцев — 55,9%, свыше 3 месяцев — 19,77%. Возможно, одним из результатов такого положения являлось то, что семейными были только 288 чел., или 50,3%, ибо «только наличность известного достатка» давала им «возможность обзаводиться семьей» ¹¹⁵.

Полная безработица в годы кризисов дополнялась частичной. Около половины всех действовавших заведений пользовались так называемыми «гулевыми днями». Так, в рельсопрокатном цехе Брянского завода Екатеринославской губернии до кризиса рабочие трудились 27 дней в месяц, а в 1903 г. — 10—12 дней. На Харьковском паровозостроительном заводе каждый рабочий имел различную помесячную нагрузку ¹¹⁶. Практика «гулевых дней» в некоторых районах страны имела давнюю традицию и несколько иной характер: в

данном случае не безработица порождала «гулевые дни», как это обычно происходило, а они сами становились аналогом безработицы. Это относилось, прежде всего, к промышленности Урала. Здесь в силу большого предложения рабочей силы, кабального положения рабочих, их привязки к предприятию наделом, хозяйством, обязательствами и долгами, всегда имелся значительный избыток «своих» рабочих. Горнозаводчики были заинтересованы в наличии не классической резервной армии труда, а частичной занятости работников через механизм распределения между ними «гулевых дней». Владельцы таким образом добивались двух целей: на предприятиях поддерживалось относительное спокойствие при низкой заработной плате ¹¹⁷.

В 1900 г. на Урале из 81 завода только 22 работали без «гулевых дней». На Верх-Исетском заводе подобные дни бывали от 2 до 7 раз в месяц, на Режевском заводе — от 9 до 19 раз ¹¹⁸. На Михайловском заводе Сергинско-Уфалейского округа с мая 1898 по май 1899 г. в листокатальном цехе мастера, винтовщики и болванщики отработали по 151 смене, подмастерья — 155 смен, работники — 136 смен ¹¹⁹.

Наибольшие размеры скрытой безработицы на Верх-Исетском заводе в 1902 г. были среди поденных и отрядных рабочих: за март «гулевые дни» у них составляли 62%, а за апрель — 92,7. На этом же заводе замечалась следующая закономерность: чем ниже квалификация рабочих, тем больше они имели «гулевого» времени. Однако администрация заводов при вычислении заработной платы не учитывала этот фактор. Метод, которым она пользовалась, состоял в том, что брался средний заработок рабочего за смену (или поденный) по цеху или заводу и перемножался на количество дней работы цеха, завода в год или за месяц и совершенно не учитывалось количество «гулевого» времени. В таком случае заработки казались более высокими, чем они были фактически. На том же Верх-Исетском заводе в 1902 г. средний заработок за день составлял 60 коп., за 28 дней — 16 руб. 80 копеек. Однако среднемесячная зарплата тех же рабочих по расчетной ведомости была гораздо ниже — 6 руб. 48 копеек ¹²⁰.

Важнейшей особенностью рынка труда в России, влиявшей на заработную плату промышленных рабочих, была независимость общего совокупного предложения труда от его спроса. Предложение исходило не из потребностей рынка, а из степени нужды крестьянского населения (обеспеченности земель, доступностью аренды и др. ¹²¹) — общей и региональной. При этом потоки отхожих рабочих расходились на региональные рынки труда неравномерно и волнообразно, сочетаясь с влиянием спроса на предложение на локальном уровне, создавая условия для резких межрегиональных колебаний заработных плат.

При анализе цены рабочей силы в российской промышленности всегда следует применять системный подход, учитывающий все рассмотренные факторы, действующие на базе основного — огромного превышения предложения рабочей силы над ее спросом. Это относится не только к общероссийскому уровню, но и к рассмотрению региональных рынков труда в тот или иной отрезок времени. Например, на Украине, несмотря на большие колебания по губерниям уровня среднегодовой заработной платы во время кризиса 1900—1903 гг., она оставалась стабильной: в 1900 г. — 14,1 руб., в 1901 — 14,12, в 1902 —

14,36, в 1903 г. — 15,67 руб. в месяц. Это стало результатом взаимодействия различных векторов. В годы кризиса выживали самые крупные предприятия с наиболее высокой зарплатой. И, наоборот, мелкие погибали, и сведения по зарплате на них очень часто не попадали в официальную статистику, что, безусловно, отражалось на ее уровне в сторону завышения. Кроме того, в годы кризиса увольнялись рабочие средней квалификации, а сохранялись те, кто имел высокую квалификацию с большей зарплатой. В 1902—1903 гг. на Юге России возникло крупное забастовочное движение, что, с одной стороны, уменьшило количество рабочих дней, включаемых в статистику, но, с другой, — заставило предпринимателей пойти на определенные уступки. И, наконец, нельзя не учитывать и того, что кризис развивался неравномерно в разных отраслях и губерниях ¹²².

Таким образом, анализ факторов ценообразования на рынке труда Европейской России позволяет зафиксировать его важные особенности: крайне низкий уровень номинальной и реальной заработной платы; уменьшение фактического заработка рабочего вследствие его скрытого и явного снижения; уменьшение заработной платы кабатно нанятых рабочих со стороны кулаков и подрядчиков; серьезное влияние на уровень заработной платы в России интенсивности классовой борьбы рабочих и предпринимателей; высокий уровень межрегиональной и межотраслевой дифференциации оплаты труда промышленных рабочих; независимость общего совокупного предложения труда от спроса на него.

Уровень заработной платы рабочих конкретного района зависел от того, какая отрасль промышленности в данной местности господствовала: если труд в преобладающей отрасли оплачивался плохо, то это понижало зарплату и в других отраслях. На уровень оплаты влияло местоположение промышленного района и отдельного предприятия: цены на рабочие руки по мере приближения к центрам промышленности возрастали, а по мере удаления от них — падали. Влияние оказывала и специфика расположения предприятий некоторых отраслей. Серьезной причиной являлась величина предприятий, преобладавших в данной местности: на крупных она была выше, на средних и мелких — ниже. На уровень заработков промышленных рабочих оказывал воздействие складывавшийся в том или ином регионе уровень цен на рабочие руки сельскохозяйственных рабочих. Высокая зарплата в промышленности соседствовала с высокой зарплатой на сельских работах в тех регионах, в которых развитое земледелие сочеталось с развитой промышленностью при развитой транспортной инфраструктуре. Заработная плата промышленных рабочих коррелировала с распространенностью в той или иной отрасли, в том или ином регионе связи рабочих с землей, а также различных кабатных форм найма. Ее величина также зависела от соотношения мужского, женского и детского труда. Значительную роль в дифференциации уровня заработной платы в разных районах и отраслях играли общие факторы капиталистического развития: уровень промышленного производства, удельный вес капиталистического уклада в сельском хозяйстве, степень миграции рабочих кадров, культурный уровень населения.

В целом изучение особенностей и факторов ценообразования на рынке труда Европейской России конца XIX — начала XX в. дает

основание сделать вывод о том, что его буржуазная модернизация была весьма далека от своего завершения, ибо, во-первых, существовали трудности с выявлением стоимости рабочей силы и, во-вторых, возникли тенденции его монополизации работодателями и последующей деградации.

Примечания

1. БЫКОВ А.Н. Фабричное законодательство и развитие его в России. СПб. 1909, с. 57.
2. МАКАРЕНКО А. Отхожие и кабальные рабочие. — Юридический вестник. 1887, т. XXIV, кн. 4, с. 736; В.В. Зимняя наемка. — Наблюдатель. 1885, № 2, с. 44—45; ГВОЗДЕВ Р. Кулачество-ростовщичество. Его общественно-экономическое значение. СПб. 1898, с. 117.
3. Фабричный быт Владимирской губернии. Отчет за 1882—1883 г. фабричного инспектора над занятиями малолетних рабочих Владимирского округа П.А. Пескова. СПб. 1884, с. 81; Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. Вып. V. Вольнонаемный труд в хозяйствах владельцев, передвижение рабочих, в связи с статистико-экономическим обзором Европейской России в сельско-хозяйственном и промышленном отношениях. СПб. 1892, с. 110—134.
4. МАСЛОВ П. Рабочий рынок и вздорожание жизни. В кн.: Труды комиссии по изучению современной дороговизны. М. 1915, с. 166.
5. СТРУМИЛИН С.Г. Очерки экономической истории России. М. 1960, с. 112; ЕГО ЖЕ. Проблемы экономики труда. М. 1957, с. 458—459, 466—468.
6. КРУЗЕ Э.Э. Положение рабочего класса России в 1900—1914 гг. Л. 1976, с. 170.
7. Там же, с. 171—194.
8. КИРЬЯНОВ Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX — начало XX в.). М. 1979, с. 102.
9. ИВАНОВА Н.А. Промышленный центр России 1907—1914 гг. Статистико-экономическое исследование. М. 1995, с. 108.
10. БОРОДКИН Л.И., ВАЛЕТОВ Т.Я. Измерение и моделирование динамики неравенства в оплате труда промышленных рабочих России в начале XX в. В кн.: Компьютер и экономическая история. Барнаул. 1997, с. 13.
11. См.: Своды отчетов фабричных инспекторов по годам с 1901 г. по 1913 год. Например: Свод отчетов фабричных инспекторов за 1901 год. СПб. 1902.
12. Статистические сведения о фабриках и заводах по производствам, не обложенным акцизом, за 1900 год. СПб. 1903; Статистические сведения по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности Российской империи за 1908 год. СПб. 1912; Труды Высочайше учрежденной комиссии по улучшению быта рабочих военного ведомства (26 октября 1902 г. — 26 марта 1905 г.). СПб. 1906; Динамика российской и советской промышленности в связи с развитием народного хозяйства за сорок лет (1887—1926 гг.). Т. 1. Ч. 1. М.—Л. 1929; ч. 3. М.—Л. 1930.
13. См. напр.: СТОПАНИ А.М. Нефтепромышленный рабочий и его бюджет. Баку. 1916; ЭРИСМАН Ф.Ф. Пищевое довольствие рабочих на фабриках Московской губернии. М. 1893; ПРОКОПОВИЧ С.Н. Бюджеты петербургских рабочих. (По данным анкеты, произведенной XII (содействия труду) отд. И.Р.Т.О.). СПб. 1909; ОВСЯННИКОВ В. Довоенные бюджеты русских рабочих. — Вопросы труда. 1925; ПАЖИТНОВ К.А. Движение заработной платы и цен на предметы потребления. В кн.: Образование. 1909, кн. IV; СТРУМИЛИН С.Г. Проблемы экономики труда; КОЗЬМИНЫХ-ЛАНАНИН И.М. Артельное харчевание фабрично-заводских рабочих Московской губернии. М. 1915; ЕГО ЖЕ. I. Семейный состав фабрично-заводских рабочих Московской губернии. II. Сословный состав. III. Формы найма, расчет и отпуска. IV. Сроки расплаты и время (рабочее или нерабочее) выдачи заработной платы. V. Способы вознаграждения (формы заработной платы). М.

- 1914; НАУМОВ Г. [ГИНЗБУРГ А.М.] Бюджеты рабочих г. Киева. По данным анкеты, произведенной в 1913 г. обществом экономистов и ремесленной секцией при Киевской выставке. Киев. 1914; МАНУИЛОВ А.А. Заработки русских рабочих. — Русские ведомости. 1 января 1912; ТЮРИН С.Н. Труд и заработная плата в фабрично-заводской промышленности. — Труды комиссии по изучению современной дороговизны. М. 1915, с. 233—240; ОПАЦКИЙ А.Н. Фабрично-заводская промышленность Харьковской губернии и положение рабочих. Харьков. 1912, с. 63—78; БЕРНШТЕЙН-КОГАН С. Численность, состав и положение петербургских рабочих. Опыт статистического исследования. В кн.: Труды студентов экономического отделения С.-Петербургского политехнического института императора Петра Великого. СПб. 1910, с. 123—126.
14. СТРУМИЛИН С.Г. Проблемы экономики труда, с. 464, 466.
  15. КИРЬЯНОВ Ю.И. Ук. соч.; КРУЗЕ Э.Э. Ук. соч.; ЕЕ ЖЕ. Условия труда и быта рабочего класса России в 1900—1914 гг. Л. 1981.
  16. КИРЬЯНОВ Ю.И. Ук. соч., с.132; КРУЗЕ Э.Э. Положение рабочего класса России в 1900—1914 гг., с. 241—242.
  17. МИРОНОВ Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М. 2010, с. 503—528.
  18. МАСЛОВ П. Ук. соч., с. 161.
  19. Трудовые конфликты и рабочее движение России на рубеже XIX—XX вв. СПб. 2011, с. 140.
  20. ТЮРИН С. Ук. соч., с. 229; МИХАЙЛОВ А. К характеристике стачечного движения в России в 1912 году. — Записки Императорского Русского технического общества. 1914, № 6—7.
  21. Статистические сведения по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности Российской империи за 1908 год, с. 5.
  22. ТЮРИН С. Ук. соч., с. 238—240.
  23. КРУЗЕ Э.Э. Положение рабочего класса России в 1900—1914 гг., с. 171.
  24. НЕСТЕРЕНКО А.А. Очерки истории промышленности и положения пролетариата Украины в конце XIX — начале XX в. М. 1954, с. 252.
  25. ДЕМЕНТЬЕВ Е.М. Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. СПб. 1893, с. 128.
  26. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1903 год. СПб. 1906, с. 171; за 1909 год. СПб. 1910, с. 145; за 1913 год. СПб. 1914, с. 243.
  27. МИКУЛИН А. Рабочий вопрос и капитализм. Киев. 1908, с. 16.
  28. ЛЕНИН В.И. Наши «успехи». В кн.: ЛЕНИН В.И. ПСС. Т. 23. М. 1973, с. 21.
  29. ПАЖИТНОВ К.А. Положение рабочего класса в России. Т. III. Л. 1924, с. 66—69.
  30. Там же, с. 68.
  31. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год девятый. Пг. 1916, с. 458—462.
  32. ВОБЛЫЙ К.К. К вопросу о причинах современной дороговизны. Киев. 1915, с. 3.
  33. ВИТТЕ С.Ю. Всеподданнейший доклад министра финансов о положении нашей промышленности. Февраль 1900 г. В кн.: Сергей Юльевич Витте — государственный деятель, реформатор, экономист. М. 1999, с. 205.
  34. ВАЛЕТОВ Т.Я. Чем жили рабочие люди в городах Российской империи конца XIX — начала XX в. — Социальная история. Ежегодник. 2007. М. 2008, с. 177.
  35. МАНУИЛОВ А.А. Ук. соч.
  36. О распространенности данного явления свидетельствует тот факт, что прибыв на фабрику или завод, фабричный инспектор первым делом проверял правильность хода часов, по которым определялись начало и окончание работ. ВОЛОДИН А.Ю. Фабричная инспекция в России (1882—1904 гг.). — Отечественная история. 2007, № 1, с. 28; на Демиевском чугунолитейном заводе Прейса и К° часы «утром спешили, а к вечеру отставали». НЕСТЕРЕНКО А.А. Ук. соч., с. 181.
  37. РАШЕВСКИЙ Н.Н. О положении рабочих на сахарных заводах. Киев. 1907, с. 7; ПАЯЛИН Н.П. Волжские ткачи. 1722—1917. Т. 1. М. 1936, с. 108—110; ЛЕБЕДЕВ Н.И. Русские текстильщики пятьдесят лет назад. М. 1927, с. 19; ЗЛАТОУСТОВСКИЙ В.В. Стачечное движение в Иваново-Вознесенском фабричном районе. 1905—1916 гг. Иваново-Вознесенск. 1928, с. 33; КИРЬЯНОВ Ю.И., ИВАНОВА Н.А.

- Положение рабочего класса в 1907—1914 гг. В кн.: Рабочий класс России. 1907 — февраль 1917 г. М. 1982, с. 92—93; Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск. 1982, с. 310—311; ПОСВЯТЕНКО Ю.В. Рабочие хлопчатобумажной промышленности Верхнего Поволжья: численность, состав, положение (1861—1914 гг.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Иваново. 1999, с. 18; ОЗЕРОВ И.Х. Горные заводы Урала. М. 1910, с. 202, 207.
38. ПЕСКОВ П.А. Санитарное исследование фабрик по обработке волокнистых веществ в г. Москве. — Труды комиссии, учрежденной г. Московским Генерал-губернатором князем В.А. Долгоруковым для осмотра фабрик и заводов в Москве. М. 1882. с. 15—16, 47.
  39. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск. 1982, с. 310.
  40. Там же, с. 311.
  41. ЕГОРОВ Е.А. Заработная плата рабочих Северо-Восточных губерний Центрально-промышленного района России (1900—февраль 1917 г.). В кн.: Рабочий класс Центра страны и Сибири (конец XIX — начало XX в.). Новосибирск. 1981, с. 71—72.
  42. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.), ф. 253, оп. 3, д. 3874, л. 35.
  43. ЕГОРОВ Е.А. Ук. соч., с. 72.
  44. ЦГИА СПб., ф. 569, оп. 15, д. 808, л. 7; ф. 1229, оп. 1, д. 225, л. 11.
  45. Фабричные инспектора о рабочем вопросе. — Вестник фабричного законодательства и профессиональной гигиены. СПб. 1905, № 4, с. 132.
  46. ОЗЕРОВ И.Х. Ук. соч., с. 207.
  47. НИКИТИН А.Ф. Условия найма судорабочих на Волге (по расчетным книжкам). СПб. 1902, с. 122.
  48. ЗЛАТОУСТОВСКИЙ В.В. Ук. соч., с. 31—32.
  49. Например, в конце XIX в. в Центральной России в самостоятельной артели рабочий первой руки — каменщик — получал за лето 140—160 руб., а у подрядчика — 90—100 руб.; плотник в артели — 120—140 руб., у подрядчика — 80—90 рублей. Шигровский подрядчик получал за экономию по 3—5 руб. с 1000 кирпичей, а рабочему давал только 1 рубль. На заводе Рогозина возле Ярославля артели в 50 чел. доставалось 400 руб. в месяц, а подрядчику — 650 рублей. Заработок рабочего в кабальной артели на лесных промыслах был равен 30—50 руб. за 8 месяцев, а при самостоятельном найме он мог получить от хозяина 80—100 рублей.
  50. САЗОНОВ Г. Кабала в отхожем промысле. — Наблюдатель. 1889, № 4, апрель, с. 143—144.
  51. В.В. Артели для подрядных и наемных работ. — Новое слово. 1896, № 11, август, с. 41; МАКАРЕНКО А. Отхожие и кабальные рабочие. — Юридический вестник. 1887, т. XXIV, кн. 4, с. 736—740; В.В. Зимняя наемка. Ук. соч., с. 57—61; ПАЖИТНОВ К.А. Положение рабочего класса в России. Т. II. Л. 1924, с. 76; Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии. Вып. 3. Славяносербский уезд. Гл. IV. с. 371—375; СЕМЕВСКИЙ В.И. Рабочие на сибирских золотых промыслах. Т. II. СПб. 1898, с. 600, 618, 636.
  52. Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии. Екатеринослав, 1886. Екатеринослав. 1886; Славяносербский уезд, с. 380—381.
  53. ЛИБЕРМАН Л. В стране черного золота. Очерк развития заработной платы и революционного движения горнорабочих Донбасса. М.—Л. 1926, с. 40—42.
  54. ЕГО ЖЕ. Условия труда горнорабочих в Донецком бассейне. — Вестник фабричного законодательства и профессиональной гигиены. 1905, № 1, с. 19.
  55. БАКУЛЕВ Г.Д. Развитие угольной промышленности Донецкого бассейна. М. 1955, с. 224.
  56. Акционерное общество Брянского рельсопрокатного, железоделательного, сталелитейного и механического завода. Александровский южно-российский завод в Екатеринославе. Краткое описание завода. Екатеринослав. 1910, с. 51.
  57. ЧЕРЕМИХИН Н.М. Как живут и как питаются рабочие Рыковских копей в пос. Юзовке. Врачебно-Санитарная Хроника Екатеринославской губернии. Екатеринослав: Екатеринославская губернская земская управа. — Санитарное отделение. 1910, № 1, с. 4.

58. КИРЬЯНОВ Ю.И. Экономическое положение рабочих Юга России в годы первой мировой войны. — Исторические записки. 1962, № 72, с. 46—48.
59. СЕРЫЙ Ю.И. Рабочие Юга России в период империализма (1900—1913 гг.). Ростов-на-Дону. 1971, с. 183.
60. Там же, с. 182—183.
61. История рабочих Донбасса. Т. 1. Киев. 1981, с. 80.
62. СЕРЫЙ Ю.И. Ук. соч., с. 191.
63. НАУМОВ Г. [ГИНЗБУРГ А.М.] Ук. соч., с. 36.
64. Там же, с. 6.
65. НЕСТЕРЕНКО А.А. Ук. соч., с. 257.
66. Санитарные условия коечно-каморочных квартир в рабочих районах Москвы. Доклад комиссии по обследованию коечно-каморочных и ночлежных квартир в Москве, читанный на заседании Санитарной группы 31 мая 1899 года. М. 1899, с. 17.
67. Труды Высочайше учрежденной комиссии по улучшению быта рабочих Военного ведомства. СПб. 1905, приложение 1, с. 8—11.
68. ШИШКАРЁВА Ю.Ф. Материалы о численности, составе и положении рабочих кадров Камско-Воткинского казенного завода в начале XX века. В кн.: Из истории заводов и фабрик Урала. Сб. статей. Материалы к истории рабочего класса Урала. Свердловск. 1963, с. 153.
69. ЧЕКИН А. Женский труд в современном производстве. — Вестник Европы. 1911, № 11, с. 313.
70. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1913 год. Пг. 1914, с. XLIV.
71. Там же, с. VII.
72. Фабричные инспектора о рабочем вопросе. — Вестник фабричного законодательства и профессиональной гигиены. СПб. 1905, № 4, с. 130.
73. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1910 год. СПб. 1911, с. XXXVII, LXX.
74. ЛЕНИН В.И. Стачечная борьба и заработная плата. В кн.: ЛЕНИН В.И. Полное собрание сочинений. М. 1973, с. 26—27.
75. НЕСТЕРЕНКО А.А. Ук. соч., с. 211—212; БУРАНОВ Ю.А. Положение и состав рабочих Надеждинского завода в годы Первой мировой войны (к Февральской революции 1917 г.). В кн.: Из истории заводов и фабрик Урала. Сб. статей. Материалы к истории рабочего класса Урала. Свердловск. 1963, с. 165; РАШЕВСКИЙ Н.Н. Ук. соч., с. 4.
76. БЕЛОВ М.Н. Пролетариат и буржуазия Центральной России на рубеже XIX—XX вв. В кн.: Рабочий класс Центра страны и Сибири (конец XIX — начало XX в.). Ново-сибирск. 1981, с. 53—55.
77. ЦГИА СПб., ф. 1304, оп. 1, д. 3910, л. 49—49об.
78. ПАЖИТНОВ К.А. Положение рабочего класса в России. Т. II. Л. 1924, с. 75—77.
79. КРУЗЕ Э.Э. Положение рабочего класса России в 1900—1914 гг., с. 169, 179, 182—183, 187.
80. ПАЖИТНОВ К.А. Ук. соч., т. II, с. 48.
81. КРУЗЕ Э.Э. Положение рабочего класса России в 1900—1914 гг., с. 188.
82. Там же, с. 189.
83. Статистические сведения по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности Российской империи за 1908 год. СПб. 1912, с. 2—3, 28—29, 158—62, 490—491.
84. ИВАНОВА Н.А. Ук. соч., с. 108.
85. КРУЗЕ Э.Э. Положение рабочего класса России в 1900—1914 гг., с. 189—190; ПОСВЯТЕНКО Ю.В. Ук. соч., с. 17—18.
86. КРУЗЕ Э.Э. Положение рабочего класса России в 1900—1914 гг., с. 191.
87. ИВАНОВА Н.А. Ук. соч., с. 110—111.
88. КРУЗЕ Э.Э. Положение рабочего класса в России в 1900—1914 гг., с. 190.
89. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год четвертый. СПб. 1910, с. 404—407; Статистические сведения по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности Российской империи за 1908 год. СПб. 1912.
90. Там же.
91. ПОСВЯТЕНКО Ю.В. Ук. соч., с. 18.

92. КИРЬЯНОВ Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX — начало XX в.), с. 102.
93. ПАЖИТНОВ К.А. Ук. соч., т. II, с. 77—78.
94. История рабочих Донбасса. Т. 1. Киев. 1981; Рабочие Донбасса в эпоху капитализма и в переходный период от капитализма к социализму, с. 43.
95. ПОТОЛОВ С.И. Рабочие Донбасса в XIX веке. М.-Л. 1963, с. 156.
96. ПАЯЛИН Н.П. Волжские ткачи. 1722—1917. Т. 1. М. 1936, с. 108.
97. СУЛИМА К.П. Свеклосахарное производство в санитарном отношении. Дисс. докт. медицины. СПб. 1892, с. 99.
98. КРУЗЕ Э.Э. Положение рабочего класса России в 1900—1914 гг., с. 196—197; ЦИТУЛЬСКИЙ В.Ф. Становление и развитие отношений социального партнерства в сфере труда в Российской империи. М. 2012, с. 156—157.
99. ЦИТУЛЬСКИЙ В.Ф. Ук. соч., с. 157.
100. ПОСТНИКОВ С.П., ФЕЛЬДМАН М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900—1941 гг. М. 2009, с. 55.
101. МИЛОВА О.Л. Промышленные переписи 1900 и 1908 гг. как источник для изучения положения рабочего класса России. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М. 1982, с. 21—22; ПОСВЯТЕНКО Ю.В. Ук. соч., с. 18.
102. ИВАНОВА Н.А. Ук. соч., с. 108.
103. ДЕМЕНТЬЕВ Е.М. Ук. соч., с. 127.
104. КИРЬЯНОВ Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX — начало XX в.), с. 112.
105. ЛИСОВСКИЙ Н.М. Рабочие в военном ведомстве (По поводу «Трудов» Высочайше учрежденной Комиссии по улучшению быта рабочих военного ведомства). СПб. 1906, с. 77, 97, 104.
106. Статистические сведения по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности Российской империи за 1908 год. СПб. 1912.
107. LEONTIF W. Die Lage der Baumwollarbeiter in St. Petersburg. München. 1906, S. 74—77.
108. Свод отчетов фабричных инспекторов за вторую половину 1900 года. СПб. 1902, с. 26—37; за 1901 год. СПб. 1903, с. 56—79, 94—105; за 1902 год. СПб. 1904, с. 92—103; за 1903 год. СПб. 1906, с. 100—111; за 1904 год. СПб. 1906, с. 104—115; за 1905 г. СПб. 1908, с. 56—57; за 1906 год. СПб. 1908, с. 54—67; за 1907 год. СПб. 1909, с. 62—71.
109. Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1907 году. СПб. 1910, с. L.
110. НЕСТЕРЕНКО А.А. Ук. соч., с. 169.
111. ПОГОЖЕВ А.В. Учет численности и состава рабочих в России. Материалы по статистике труда. СПб. 1906, с. 17.
112. СЛУХОВСКИЙ И. Муниципальные вопросы. Безработные в Москве. — Русская мысль. 1908, № 10, октябрь, отд. II, с. 199—200.
113. Там же, с. 200.
114. Там же, с. 195—196.
115. НАУМОВ Г. [ГИНЗБУРГ А.М.] Ук. соч., с. 3, 12, 14, 16.
116. НЕСТЕРЕНКО А.А. Ук. соч., с. 179—180.
117. ОЗЕРОВ И.Х. Ук. соч., с. 39; КАЛУГИНА Г.В. К вопросу о положении рабочих Урала в конце XIX — начале XX веков (заработная плата рабочих Верх-Исетского заводского округа в 1895—1904 гг.). В кн.: Из истории заводов и фабрик Урала. Материалы к истории рабочего класса Урала. Свердловск. 1963, с. 125; ГАВРИЛОВ Д.В. К истории Ревдинского завода (борьба рабочих Ревдинских заводов против своих эксплуататоров в годы экономического кризиса 1900—1903 гг.). В кн.: Там же, с. 133.
118. Материалы к выяснению вопроса об обеспечении горнорабочего населения Пермской губернии в продовольственном отношении. Статистическое отделение Пермской губернской земской управы. Пермь. 1900, с. 29—30.
119. ГАВРИЛОВ Д.В. Рабочие Урала в период домонополистического капитализма 1861—1900 (Численность, состав, положение). М. 1985, с. 177.
120. КАЛУГИНА Г.В. Ук. соч., с. 127—128.
121. ФЛЕРОВ Н. Земледельческие рабочие в России. М. 1906, с. 20—21.
122. НЕСТЕРЕНКО А.А. Ук. соч., с. 173—174.

Историко-географические образы на Северо-Востоке России (конец XVII — начало XXI в.)

П.С. Гребенюк

Аннотация. В публикации на основе архивных документов и опубликованных источников впервые выделяются и рассматриваются ключевые историко-географические образы Северо-Востока России. Обобщается большой фактический материал, автор анализирует образы Каменной тундры, Колымы, Магадана, «Территории». Особое внимание уделяется эволюции представлений о Северо-Востоке, начиная от враждебной и опасной окраины, до «золотого сердца» России и форпоста страны на дальних рубежах.

Ключевые слова: Северо-Восток России, историко-географический образ, Магаданская область, Дальстрой, Магадан, Колыма, фронтир, колонизация, архетип.

Abstract. On the basis of archival documents and published sources for the first time in the national historiography stand out and analyzes the key historical and geographical images of the North-East of Russia. Author generalize a large amount of factual material, highlights the images of Stone tundra, Kolyma, Magadan, "Territory". Particular attention is paid to the evolution of ideas about the North-East from the hostile and dangerous edge to the «golden heart» of Russia and the country's outpost on the distant frontiers.

Key words: North-East of Russia, historical-geographical image, Magadan region, Dal'story, Magadan, Kolyma, frontier, colonization, archetype.

В современной истории Северо-Востока России существуют ключевые историко-географические образы, возникшие в разное время, которые отражают историю освоения территории и социально-культурные особенности жизни людей. Эти образы являются характеристиками обширного региона, при этом значение многих из них понятно не только местным жителям и населению России, но и за рубежом. В настоящей публикации выделяются основные локальные историко-географические образы и анализируется их смысловое содержание.

Исследование предполагает вовлечение максимально широкого круга источников, свидетельств современников (путешественников,

---

Гребенюк Павел Сергеевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н.А. Шило ДВО РАН. Магадан. E-mail: grebenyuk.pavel@gmail.com.

Grebenyuk Pavel S. — candidate of historical sciences, senior researcher at the North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute named after N.A. Shilo. FEB RAS. Magadan. E-mail: grebenyuk.pavel@gmail.com.

политических ссыльных, заключенных, государственных служащих), а также архивных материалов, сведений, извлеченных из периодики, статистических данных, что позволяет выявить особенности эволюции историко-географических образов.

Методологически автор при исследовании процессов формирования специфических образов географической среды опирается на междисциплинарный подход и геоисторический метод ¹. В публикации проанализированы особенности формирования историко-географических образов в сравнении с явлениями, наблюдавшимися в других регионах (Сибирь, Дальний Восток, США). Применялся также метод конкретно-исторического анализа, предполагающий изучение этапов (волн) колонизации в исследуемом регионе в соответствии с основными вехами истории России в целом. Использовались также средства методики образно-географического картографирования ², которая заключается в сопоставлении и наложении различных образов пространств, действующих как одновременно, так и в разные временные отрезки — Северо-Востока, Каменной тундры, Охотско-Колымского края, Колымы, Магадана, Дальстроя.

В современной историографии активное изучение истории Дальстроя началось в конце 1980-х — начале 1990-х гг., когда появились первые публикации, основанные на архивных источниках и затрагивающие различные аспекты его деятельности, в том числе использование принудительного труда заключенных ³. Особенности организации экономической деятельности и системы управления колымского треста позволили А.Н. Пилясову выделить Дальстрой как особый институт освоения Севера — «суперорганизацию» ⁴. В сравнительном экономическом исследовании опыта Дальстроя и Аляски автор опирался как на российскую теорию хозяйственного освоения, так и на североамериканские концепции занятия фронтальных территорий. Интересно, что образ могущественной, всесильной организации нашел отражение и в «одушевленном» названии одной из работ К.Б. Николаева «Тяжелый металл, или как родился, жил и умер Дальстрой» ⁵.

Один из ведущих современных исследователей Дальстроя — А.И. Широков, автор комплексной работы по его истории — пришел к выводу, что освоение региона, институциональной формой которого стал Дальстрой, не привело регион к положению «устойчиво обжитой» территории, а применявшиеся государством формы и методы превратили Северо-Восток во внутреннюю колонию, сырьевой придаток ⁶. Выводы ученого вызвали в историографии научную дискуссию о характере промышленного освоения региона, его отношениях с центром и степени устойчивости социальной среды.

Специфика исторического пути Дальстроя и всего Северо-Востока позволила исследователям сделать выводы о возможности применения понятия «фронт» к истории этого региона России ⁷ и признать продуктивным рассмотрение данной территории как территории фронта, причем не только в прошлом, но и в настоящее время ⁸. Известно, что сам автор методологической концепции фронта Ф.Дж. Тёрнер определял его как внешний край волны американской экспансии на запад, место контакта дикости и цивилизации. Согласно докладом о результатах переписей населения, к фронтиру в Северной Америке относили пределы поселения с плотностью населения в два

и более человек на квадратную милю⁹. Между тем, если в настоящее время взять за основу этот критерий, то к фронтиру можно отнести половину современной России. В связи с этим, фронтир представляется не просто линией соприкосновения, а полосой, которая включает как земли местных коренных народов, так и внешние границы территорий, которые считались «населенными» в тот или иной временной отрезок.

При использовании данной терминологии по отношению к колониационным процессам в России, исследователям потребуется изучить и взять на вооружение методологический арсенал Тёрнера, который он применил к истории Северной Америки. На наш взгляд, подводным камнем здесь является тот факт, что в истории русской колонизации по всей видимости содержится больше отличий, чем аналогий с североамериканским фронтиром. Говоря об использовании данной концепции, следует выделить публикации Н.Ю. Замятиной, посвященные сибирскому фронтиру и его образам¹⁰. Особый интерес представляет сопоставительный анализ русского («крамольная окраина») и американского («земля обетованная») образов фронта¹¹.

В современной историографии Сибири и русского Севера имеются ключевые работы, написанные с использованием традиционных и модифицированных подходов, в том числе имперского измерения и категорий «большой длительности»¹². В них исследовательский интерес все более перемещается с собственно государства и власти в сторону взаимодействия Центра с разнообразными окраинами и локальными сообществами, на первый план выходят вопросы характера этого взаимодействия, изменения русского представления о своей «национальной» территории. Все эти проблемные темы отражают и особенности психологии русского продвижения на Восток, и отдельные аспекты формирования историко-графических образов, в том числе в контексте исследования столкновения культур.

В данном методологическом поле изучение историко-географических образов Северо-Востока России только начинается. Проблема привлекает внимание преимущественно филологов, и в основном работы исследователей касаются региональной лексики и этимологического анализа и не концентрируются на вопросе истоков самих историко-географических образов и факторов их формирования. Таковы работы Ю.А. Резвухиной¹³ и Н.Н. Соколянской¹⁴ о региональной лексике и О.Н. Евсюковой об этимологии и наиболее ранней фиксации топонима «Магадан»¹⁵.

Эволюция лексем «Колыма» и «материк» проанализированы Е.М. Гоголевой¹⁶. Автором сделано наблюдение, что в общенациональном словаре лексема «Колыма» используется как «наименование территории, представление о которой связано со знанием о репрессиях и суровом режиме лагерей, как мест заключения»¹⁷. Автором раскрыты отдельные аспекты формирования образов «Колымы», «Магадана», «материка», «острова», «Большой Земли».

Образы Северо-Востока России успешно переключиваются за рубеж и становятся материалом для формирования представлений о регионе не только самих ученых, но и их читателей за пределами России. Исследователи используют отдельные сформировавшиеся образы как в текстах научных исследований, так и в названиях научных

работ, однако не подвергают анализу вопрос эволюции и взаимодействия различных образов. Например, американский профессор истории Джон Стефан в своей работе о Дальнем Востоке с помощью игры слов с именем советского писателя Максима Горького характеризует период истории Колымы конца 1930-х гг. как «Maksim Gor'kaia epokha (maksimum bitter) epoch»¹⁸, что можно перевести на русский язык как «Максимально Горькая эпоха».

Другой американский исследователь — Мартин Боллингер — в своем исследовании обозначает Колыму периода XVIII—XIX вв. как русский «Дикий Восток»¹⁹, проводя аналогию с американским Диким Западом, а при описании размеров региона применяет выражение «четыре Франции»²⁰, что является образом, заимствованным из описаний русских путешественников XIX в., позже также часто используемым руководителями Дальстроя и Магаданской области.

Одна из публикаций Дэвида Нордландера озаглавлена «Рождение столицы ГУЛАГа» (Origins of a Gulag Capital)²¹ — это один из образов города Магадана. Необходимо отметить, что следование за сложившимся образом в научных исследованиях может привести исследователей к неверным выводам. Например, многие ученые, анализируя экономику ГУЛАГа, часто приводят в пример экономические показатели Дальстроя или данные Северо-Восточного ИТЛ, однако Дальстрой с момента создания (1931 г.) имел специальный статус и в систему НКВД вошел на правах главка только в 1938 г., а ГУЛАГу никогда не подчинялся. Этот фактор не в полной мере учитывается исследователями²².

Говоря о зарубежной историографии вопроса, следует особо выделить публикации Мириам Шпрау — сотрудника Исследовательского центра Восточной Европы при Бременском университете²³. В одной из работ, на основе анализа периодической печати Магаданской области 1953—1959 гг., автор отмечает роль ее образования в пересмотре существовавших образов «Дальстроя» и «Колымы» и указывает на постепенное формирование «мифа о рождении Магаданской области», а также на установку региональных управленцев — использовать образы региона в рекламе и формировании нового регионального самосознания в 1953—1959 годах²⁴.

Краткий историографический обзор позволяет констатировать, что до настоящего времени не было представлено сколько-нибудь цельной характеристики проблемы возникновения и эволюции историко-географических образов на Северо-Востоке России.

Самые первые подобные образы формировали землепроходцы, казаки, служилые люди. Большой материал отражен в записках путешественников и мореплавателей. Такие сведения являются богатейшим источником информации. Специфический взгляд путешественников, воспринимавших окружающее пространство в движении, встречавших объекты, постоянно сменявшие друг друга, побуждал к формированию динамического образа региона. К концу XVIII в. одним из таких образов стал образ Каменной или Колымской тундры.

Каменная тундра (Колымская тундра) — так, по свидетельству Ф.Ф. Матюшкина и Ф. Врангеля, к началу XIX в. называли пространство между рекой Колымой и меридианом Шелагского мыса²⁵. Следует отметить, что Камни — общераспространенное в Сибири

название не только отдельных гор, утесов, скал, но и целых хребтов (например Урал-Каменный пояс). Каменная тундра и образ, вытекающий из представлений жителей, с которыми сталкивались землепроходцы, продвигаясь, начиная с конца XVI в., далее на восток, является отражением природных особенностей обширных новых земель. Каменная (Колымская) тундра отличалась тем, что была необитаемой, каменистой, пересекалась ручьями. Для русских землепроходцев и путешественников остроконечные вершины огромных колымских гор представляли собой гигантскую преграду. Бесконечная вереница гор сливалась в Каменную гряду. Между тем это связано и с романтическим ореолом начального периода освоения Сибири, что в определенной степени наполняло мифическим содержанием историко-географический образ Каменной тундры.

Период деятельности Дальстроя и Северо-Восточного лагеря вызвал ряд представлений о Колыме и Магадане, которые и сегодня формируют соответствующее представление о регионе и его жителях далеко за пределами Магаданской области. Приведем наиболее яркие историко-географические образы, появление или новое развитие которых можно отнести к периоду 1930—1950-х годов.

Колыма. Эволюция образа Каменной или Колымской тундры, возникшего с началом русского проникновения на Северо-Восток, сыграла большую роль в закреплении названия «Колыма». Первоначально так называлась река (или Ковыма), затем — бассейн реки и Колымская тундра, расширяющаяся на восток. Колымским краем (также использовалось название Колымско-Индибирский край) в XIX и первой трети XX в. называли собственно территорию Колымского округа Якутской области. Естественными границами Колымского округа в этот период были: с востока и юга — Яблоновый хребет и его отроги, где берут начало реки Анюй, Омолон, Колыма и Индигирка, с запада — река Алазея и с севера — Северный Ледовитый океан и река Чаун, которая отделяла округ от Чукотской земли ²⁶.

Географически территория «Колымы» ограничивалась верховьями реки Колымы, без северного побережья Охотского моря. Образ Колымской тундры при этом включал и обширные земли вплоть до меридиана Шелагского мыса. Что касается побережья Охотского моря, то во второй половине XIX в. прибрежные территории Гижигинского и Охотского округов относились к созданной Приморской области. Однако в XIX — начале XX в. также использовалось наименование Охотско-Колымский край, включавшее северное побережье Охотского моря.

В 1920-е гг., с началом активного геологического исследования Северо-Востока, произошло закрепление в речи нового регионима ²⁷. «Колымскими» были названы геологоразведочные экспедиции. Постановление ЦК ВКП(б) «О Колыме» ²⁸ от 11 ноября 1931 г. предписывало создать Колымский трест для форсирования разработки Колымских приисков. С конца 1920-х гг. образ Колымы постепенно распространялся на прибрежные территории.

В одном из рассекреченных отчетов ЦРУ о Колыме за 1957 г. американские эксперты пытались ответить на вопрос: что такое Советская Колыма и где она находится. В тексте рапорта указывалось: «Несмотря на неоднократно приходящие сообщения нашего источ-

ника, что Колыма это полуостров, оказалось что на самом деле Колыма это часть материка. Ни географического ни административного наименования “Советская Колыма” нами не обнаружено»²⁹. Тем не менее была сделана попытка определить границы Советской Колымы. По мнению авторов, Колыма располагалась в северо-восточной части СССР между 60—66 градусами северной широты и 146—160 градусами восточной долготы. В рапорте также было указано что карта Советской Колымы не включает г. Магадан.

С созданием Дальстроя и началом промышленного освоения края на его территории активно использовался труд заключенных. Это привело к формированию представления о Колыме как о месте заключения, где находятся многочисленные лагеря для осужденных. Подобное наполнение было настолько мощным, что мгновенно заменило в сознании широких масс населения страны все предыдущие образы (Колымская тундра) и продолжает оставаться доминирующим на сегодняшний день.

Колыма — остров. Несмотря на то, что географически Колыма — не остров и располагается на континенте, в художественном мире лагерной прозы она превращается в остров, отделенный от Материка. Как отмечают исследователи, это особенно проявилось в произведениях В. Шаламова³⁰. В рассказе «Борис Южанин» он пишет, что «... центральные части России на Колыме зовут “материком”, хотя Колыма не остров, а область на Чукотском полуострове, — но сахалинский лексикон, отправка только пароходами, многодневный морской путь — все это создает иллюзию острова. Психологически иллюзии нет никакой. Колыма — это остров. С нее возвращаются на “материк”, на “Большую землю”»³¹.

Образ «остров» мгновенно рождает образы-спутники — «материк», «Большая Земля». В дополнение к вышесказанному стоит отметить, что «Колыма» употребляется с предлогами, характерными для острова (на и с), а не для материка (в и из).

Образ острова также часто использовался руководством Магаданской области в 1950—1980-х гг. в различных отчетах и справках о развитии региона, при этом в объяснениях делался упор на то, что область не имела связи с сухопутной сетью дорог страны³².

Дальстрой и Магадан. Согласно лингвистическим и историко-этнографическим данным, топоним «Магадан» происходит от эвенского слова «монгодан» (монгадан), что означает «жилище из плавника». Поселение кочевых тунгусов Могодан, согласно описаниям исследователей, существовало на берегу бухты Гертнера с начала XX века. Первое упоминание топонима (в варианте Могодан) как названия населенного пункта и обозначение его на карте в документальных источниках фиксируется в результатах Приполярной переписи 1926—1927 годов³³. Согласно подсчетам, проведенным по данным переписи, в Могодане в 1926—1927 гг. постоянно проживал 21 чел. (12 мужчин и 9 женщин).

После образования Восточно-Эвенской культбазы в 1929 г. возник поселок Нагаево, а в 2,5 км от Нагаево в районе реки строился поселок Магадан. В первые годы деятельности Дальстроя два поселка постепенно сливались в Нагаевско-Магаданский. Руководство Дальстроя рассматривало его как опорную базу, а административный центр

Дальстроя предполагалось построить в устье реки Таскан. Наименование «Магадан» к концу 1933 г. постепенно стало доминирующим, руководство Дальстроя в этот период ходатайствовало о присвоении поселку нового имени — «город Монгодан», а с августа 1935 г. приказы директора Дальстроя выпускались с пометкой «гор. Магадан» или «г. Магадан»³⁴.

Статус города Магадан получил только в 1939 г. вместе с образованием Колымского округа в составе Хабаровского края³⁵. Колымский округ просуществовал недолго и был ликвидирован после шифротелеграммы с личным указанием И.В. Сталина, в которой Дальстрой был обозначен как «комбинат специального типа»³⁶. Фраза вождя надолго стала визитной карточкой Дальстроя, частью образа могущественной организации и активно использовалась в отчетных документах и партийно-советском дискурсе. А вопрос о создании конституционных органов государственной власти на территории деятельности Дальстроя был отложен на четырнадцать лет и решен только после смерти Сталина с образованием в декабре 1953 г. новой области.

Область получила наименование «Магаданская» по имени города Магадан. Интересно, что первоначально в рабочих документах использовалось название «Колымско-Чукотская область» (встречалась и просто «Колымская область»). Решение изменить наименование было принято в конце августа 1953 г. в ходе заседания рабочей комиссии, в которую входили работники бюро Хабаровского крайкома и представители специальной бригады ЦК КПСС во главе с А.А. Шваревым. По предложению одного из работников аппарата Совета Министров СССР, название будущей области было изменено на «Магаданская», так как наименование «Колымско-Чукотская» ущемляло автономию Чукотского национального округа³⁷.

Важно отметить, что такое решение сложилось после встреч и консультаций представителей центральной власти с местными работниками. Новая область называлась «Магаданской» самим руководством Дальстроя (И.Л. Митраков) в ходе предварительных совещаний еще до упомянутых изменений³⁸. Весь предшествовавший опыт указывал на то, что область имела все шансы называться «Колымской», тем не менее одну из главных ролей здесь сыграла позиция представителей ЦК (специальная бригада Шварева), а в широком смысле — представителей центральной власти (включая Митракова), заключающаяся в установке государства на включение территории Дальстроя в конституционное поле.

Образ лагерной Колымы, как противовес новым задачам, был настолько сильным, что представителями центра было указано на предпочтения в наименовании региона — область стала «Магаданской». Это не означает что образ Магадана не получил свою часть «лагерного груза», этот процесс в полной мере относился и к «столице Колымы». Как признавался позднее куратор области в ЦК Шварев, сам Н.С. Хрущёв в 1953 г. сказал: «Нужно снять черное пятно с Магадана и Колымы, нужно восстановить в полную силу линию нашей партии, нормальную жизнь и гражданство населения»³⁹. В действительности других вариантов наименований у тех, кто принимал решение, практически не было. Сыграла свою роль и молодость топонима «Магадан», который не имел эмоциональной истории предше-

ствовавших столетий и всего за 25 лет прошел путь от наименования ламутского кочевья «Могодан» до названия огромной области.

Важным было понимание как центральным руководством, так и местными управленцами необходимости формирования нового регионального самосознания и региональной идентичности. Краеугольным камнем политики стал «миф о рождении» Магаданской области как точки отсчета, которая повернет жизнь людей в лучшую сторону. Ожидание и желание перемен после смерти Сталина на Северо-Востоке было чрезвычайно сильным.

Одновременно, со второй половины 1940-х гг. стало укрепляться представление о крае как о пограничной территории и форпосте страны. Председатель облисполкома П.Я. Афанасьев в 1954 г. отмечал: «У нас положение чрезвычайно тяжелое, а ведь нельзя забывать, что мы являемся пограничным краем, форпостом на Северо-Востоке против оголтелой империалистической Америки»⁴⁰. После создания Магаданской области этот момент также часто использовался региональными управленцами как для формирования образа региона, так и во взаимоотношениях с центральной властью.

Здесь следует отметить что анализ представлений о Колыме и Магадане в современной России показывает, что, во-первых, они продолжают носить «лагерный груз» периода Дальстроя, а во-вторых, являются местом противопоставления, противоположным полюсом для понятных людям «материка» социально-культурных явлений. Эти особенности осознаются и самими жителями региона. Сегодня жизни на Колыме, в Магадане сопутствуют многочисленные социально-психологические проблемы, включая синдром «отложенной жизни»⁴¹.

Солнечный Магадан. Это устойчивое выражение — продукт лагерного фольклора конца 1930-х гг., иронии по поводу рекламных текстов тех лет. В образе заложено противоречие разных полюсов, света и тьмы, тепла и холода. В то же время в другой плоскости образ очерчивал центральное положение города по отношению к разбросанным по колымской земле лагерям. Закреплению этого образа на локальном уровне способствовало соседство на географической карте названий поселка «Солнечный» и города «Магадана», которые вместе органично читались как «Солнечный Магадан».

В рамках историко-географических символов, возникших в 1930—1950-е гг., можно выделить образы, сложившиеся с развитием промышленности на территории края. Прежде всего это относится к золотодобывающей отрасли.

Золотая Колыма. Добыча золота была первым и главным делом Дальстроя. Уже тогда Колымский регион стали называть «Золотой Колымой». Причем это выражение охотно использовалось как руководящими работниками региона, так и журналистами, научными сотрудниками и писателями⁴². В.Г. Зеляк, проанализировав развитие горнодобывающего комплекса Северо-Востока России, отмечал, что с 1928 по 1991 г. государству было поставлено 3 170,93 т золота, при этом удельный вес региона в общесоюзном производстве золота за этот период составил 29%⁴³. Почти третья часть в общесоюзной добыче — очень высокая доля, в особенности, если учесть, что речь идет фактически о деятельности суперорганизации «Дальстрой» и ее преемников. Как видно, образ Золотой Колымы подкреплялся реальными результа-

тами. В настоящее время этот образ широко представлен в жизни региона и, более того, наряду с фразой-спутником «Колыма — золотое сердце России» активно продвигается руководством региона.

Колымская трасса (Колымский тракт). Возникновение Колымской трассы относится к самым первым годам освоения Колымы. Перед руководством стояли задачи по формированию системы управления хозяйством и организации работ по добыче золота. Чтобы начать разработку месторождений необходимо было провести комплекс работ по строительству дороги. Эти важнейшие задачи в первые годы решались параллельно. А.И. Широков отмечает, что до 1936 г. интенсивное дорожное строительство было основным направлением деятельности Дальстроя⁴⁴. В короткие сроки была проложена автомагистраль от бухты Нагаева протяженностью тысячи километров. Строительство продолжалось и в последующие годы. Колымская трасса сыграла главную роль в освоении региона. Это позволило «сконцентрировать на горных предприятиях огромные материальные и людские ресурсы для резкого увеличения золотодобычи»⁴⁵.

Образ также имеет в основании лагерную тему, трасса — это дорога, которую строили заключенные, по которой их везли и где они умирали. В каждом районе есть места («долины смерти») и свои легенды. Они неразрывно связаны с трассой, ее ответвлениями, как действующими так и заброшенными. Этот образ имеет богатое внутреннее содержание, что подчеркивается выражениями-спутниками: «линия жизни», «транспортная артерия» и т.д. Вот как описывалась Колымская трасса в одном из фотоальбомов 1972 г.: «На карте области трасса напоминает кровеносную систему. Сердце ее — столица Колымы — Магадан вырос на самой южной оконечности края. А сама трасса — артерия, которая питает всем необходимым область, равную по территории нескольким европейским государствам. Трасса рождается в морском порту, на шумных причалах, где толпятся автомашины и машут длинными руками порталные краны, в двух шагах за кромкой причала — вечно беспокойное Охотское море, полное криков чаек и нетерпеливых пароходных гудков. Но, едва успев взглянуть на море, трасса уже покидает порт, спешит вдоль побережья к городу, к людям и начинает свою бессменную, многолетнюю службу Золотой Колыме. Вот она влилась в городские кварталы, миновала ажурную стрелку телевышки, и это уже не Портовое шоссе — это главная улица Магадана: проспект имени Ленина. Стремительно сбегает проспект с сопки и вновь взлетает, уже на следующую... И почти невозможно сказать, где эта улица вновь теряет привычные городские черты и переходит в тысячекилометровую Колымскую трассу»⁴⁶.

Этот официальный текст в целом отражает специфику историко-географического образа: «кровеносная система» с центром в Магадане — столице Золотой Колымы. Образ важных линий, соединяющих золотые месторождения, вместе с тем, отражает сложность условий, особенность окружающего мира и потому гордость и даже исключительность, присущую всем, кто имеет отношение к этому миру. Это проявлялось и в известной магаданской шутке о длине Колымской трассы, точнее улицы Ленина, как «самой длинной улицы в мире».

В связи с этим интересным представляется и характерное сравнение размеров Магаданской области советского периода — равная

нескольким европейским государствам — как указывалось в одном из отчетов 1970-х гг.: «На этой территории могут одновременно свободно разместиться несколько больших западноевропейских государств, таких как Великобритания, Дания, Ирландия, Нидерланды, Федеративная Республика Германия и Франция»⁴⁷. Это явление нашло яркое отражение и в другом историко-географическом образе — «территории».

Территория. Развитие этого понятия, связанного с именем писателя О. Куваева и его романом «Территория», в политической жизни и работе государственных органов позволяет предположить, что данный архетип является историко-географическим образом северо-восточного пограничья, аккумулирующим особенности исторического развития региона. Сам термин по отношению к территории Дальстроя использовался и в дальстроевский период истории Северо-Востока России без какого-либо отличия в смысловом наполнении от других регионов страны.

Настроения определенной части управленцев Дальстроя, в особенности известных геологов, были связаны с поддержкой «Теории затухания золота» на Колыме, которую можно рассматривать как протест местной элиты против перемен, происходивших на Северо-Востоке. Парадокс заключался в том, что сама эта «теория» стала культурным феноменом, а новые партийные и советские кадры, борющиеся за власть, включили победу над ней в список своих важнейших достижений.

Феномен «Теории затухания золота» выражал не просто особенности противостояния элит, а специфику образа управления и традиций, вытекавших из экономики золотодобычи и заключавшихся в психологии «вбитого кола», когда личным решением управленца к пустому пространству, выбранному на карте, подтягивалась техника и машины, а затем вокруг возникал рабочий поселок. Власть и ментальность управленца Дальстроя рождала пренебрежение и к природе, и к повседневным нуждам людей, и это находило отражение не только в верхах, но и среди всех уровней руководящего состава на каждом прииске и участке. Непосредственно на местах в новых условиях руководству приходилось наряду с выполнением плана выстраивать отношения с райкомами и райисполкомами, а также считаться с нуждами и запросами людей — вольнонаемных сотрудников, специалистов и молодежи, прибывавших на работу на Крайний Северо-Восток.

Историко-географический образ «Территории» безусловно является характерным образом северо-восточного пограничья. Уже в конце XIV в. в атласах встречается наименование «Сибирь» (Sebur), распространяющееся и на земли Дальнего Востока; русские землепроходцы называли их «Ковыма» или, позже, — «Колыма». Еще в 1647 г. были заложены Охотский и Верхнеколымский остроги, постепенно шел процесс изучения территории. Но Северо-Восток не получил закрепленного историко-географического образа территории. Такая неустойчивость свидетельствовала о недостаточно интенсивном освоении соответствующего региона.

В контексте освоения Северо-Востока России и Русской Америки исследователи отмечают неустойчивость и изменчивость геогра-

фических образов⁴⁸. Это общая особенность периода активного колониального продвижения. На картах Российской или Британской империи новые земли рассматривались как «пустые места», «белые пятна», свободная площадка для продвижения людей и культуры. На рубеже XIX—XX вв. происходила идентификация Сибири и уменьшение ее географических границ, из состава исключались степные, дальневосточные и северо-восточные земли. Сибирь больше не воспринималась как единая территория от Урала до Тихого океана.

В контексте истории русского продвижения на восток историко-географические образы границ принимали особое значение. Д.Н. Замятин, проанализировавший в рамках взаимодействия культуры и пространства широкий спектр вопросов, связанных с возникновением, развитием, моделированием географических образов, отмечает что «историко-географические образы границ представляют в структурном отношении особое пространство-время, в котором как временные, так и пространственные параметры прочно слиты в соответствующих знаках, символах, образах»⁴⁹. Особое значение принимает динамика знаков и символов определенных границ в общественном сознании вследствие быстрого расширения территории. Представляется важным факт, который отмечают многие исследователи, — покорение огромных пространств Сибири, а также скорость этого процесса — замечательное явление в мировой истории.

Историко-географический образ «Территории» концентрирует в себе различные исторические эпохи, при этом он развивается, расширяет свое содержание, включает новые образы. Так, проблема северо-восточного пограничья содержательно расширяется как за счет проблемы освоения новых территорий, так и за счет проблемы столкновения, борьбы, взаимодействия различных культур и цивилизаций. Образ «Территории» отражает протяженность этого столкновения во времени, его современность. В истории Северо-Востока России активизация этого столкновения будет объединена с началом промышленного освоения края и деятельностью Дальстроя.

Официальные границы Дальстроя во время его деятельности невозможно было найти в публичных источниках — на доступных для населения картах или в периодической печати. Образ Территории словно очерчивает границы власти Дальстроя, которые, как известно, изменялись на протяжении его истории. Понятие «Территории» показывает бесконечность этих границ и власти Дальстроя.

«Территория» моделирует большое пространство Советского Союза в малом пространстве Дальстроя, создает на просторах Севера свое государство. Центр — Город, периферия — Поселки. Отсюда и центрические городские поселения и вся городская застройка. «Территория» включает в себя специфику края, мысли людей, и эти мысли сами собой являют сущность «Территории». При этом «Территория» как страна абсорбирует и уже известные нам образы. Здесь свои «стороны света» — Север, Юг, Запад, Восток, которые как образы были связаны с деятельностью горнопромышленных управлений Дальстроя, расположенных на Севере, Юге, Юго-Западе, и назывались соответственно⁵⁰.

Колыма — Остров, противовес — Материк, «Большая земля». Колыма — Планета. Такие образы, которыми удостоился этот регион, понятные и принимаемые совершенно полярными социальными сло-

ями, показывают сформированный взгляд на «Территорию» изнутри. Этот термин демонстрирует не просто географическую отдаленность Колымы, но и концептуализирует ее как место, кардинально отличающееся от остального мира.

Она оказывает сильное воздействие на структуру личности, на ее самосознание и мотивационную сферу. В противовес остальному миру «Территория» доводит до предела психологию индивидуального успеха, но одновременно более выраженным предстает бессилие человека в пространстве, перед лицом государства.

Анализируя наполнение историко-географических образов, Замятин отмечает, что в ходе миграций происходит перенос определенных пространственных представлений на новую территорию, на которой происходит столкновение и взаимодействие автохтонных и «пришлых» пространственных представлений⁵¹. На протяжении всей истории Дальстроя и Магаданской области их характерной особенностью являлось постоянное обновление населения. Только с 1954 по 1960 г., согласно подсчетам, в область прибыло 298,7 тыс. чел., убыло — 259,6 тысяч. В среднем ежегодно приезжало по 42,6 тыс. чел. и уезжало по 38 тысяч. Население региона каждый год «обновлялось» почти на 20%. Миграция явилась неотъемлемым и важным фактором наполнения социокультурного пространства региона и формирования историко-географического образа «Территории» начиная с 1930-х годов.

Факторами заполнения социального пространства «Территории» были государственная мобилизация больших масс населения, страх быть физически или морально уничтоженным, голод, а также психология материального успеха. В досоветское время перемещение русского населения на периферию страны выполняло в целом прогрессивную функцию ее развития, в советское время массовая и резкая миграция (в том числе и принудительная) в рамках модернизации страны породила на Северо-Востоке множество проблем — таких как взаимоотношения города и периферии, ускоренная урбанизация, самосознание отдельных национальных групп, кризис модели мира и жизненных сценариев. Все это мгновенно сказалось на развитии региона после распада Советского Союза.

Таким образом, в настоящей работе предпринята попытка анализа ключевых историко-географических образов Северо-Востока России. Основная идея состояла в том, что образы, возникшие в разное время, отражают историю освоения и социально-культурные особенности жизни населения. Отметим, что это — обширная тема, требующая отдельного исследования. Задача данной публикации — привлечь внимание исследователей к данной проблеме, так как наследие образа пространства должно активно использоваться при создании благоприятного имиджа территории.

Историко-географические образы — сложное образование, состоящее из различных автономных образов или образов-спутников, которые взаимодействуют с географическими пространствами. Например для Магадана такими автономными образами являются «Солнечный Магадан», «Столица Дальстроя (ГУЛАГа)», «Столица Колымского края», «Сердце Золотой Колымы» и др.

Колымские регионализмы сформировались и начали функционировать еще в XVIII в., что представляется важным для понимания

истории Северо-Востока и актуальным на современном этапе, учитывая, что использовать потенциал пространства невозможно без проживающих и осваивающих его людей. Стратегии развития региона будут успешными, только если их цели будут понятны людям, проживающим там.

Анализ отражает исторически сложившуюся нечеткость и неустойчивость историко-географических образов на Северо-Востоке России. Три ключевые точки истории региона в XX в. определили динамику историко-географических образов: 1931 г. — создание Дальстроя, 1953 г. — образование Магаданской области, 1991—1992 гг. — распад СССР и изменение границ Магаданской области.

Столетия Колымский и Охотский компоненты существовали обособленно. С созданием Дальстроя и началом промышленного освоения края образ Колымы стал смещаться к Охотскому побережью. Границы Дальстроя постоянно расширялись, захватывая земли административно-территориальных образований, а понятие Север-Восток во многом развивалось в пределах границ Дальстроя. Магаданская область могла и не быть «Магаданской», выбор руководства в 1953 г. был связан с необходимостью закрепления населения и формирования чувства региональной идентичности. Понятие «Колыма», «колымский» заменяли в наименованиях газет, организаций и учреждений. Процесс регионализации происходил вокруг образа Магадана. Эта линия оставалась доминирующей вплоть до начала 1990-х гг. и выхода Чукотки из состава Магаданской области (1992 г.).

С начала 1990-х гг. в официальном словаре и общественной жизни стало возрождаться использование наименования «Колыма» в контексте всей территории Магаданской области. В современной жизни образы «Территории» и «Колымы» активно применяются в различных вариациях на официальном уровне. В качестве ключевых они выступают и в новых проектах регионализации. Понятия «Колыма», «колымчане» употребляются для определения региональной идентичности жителей Магаданской области. «Колыма» употребляется органами государственной власти и средствами массовой информации как синоним Магаданской области.

С помощью образов прослеживается эволюция представлений о Северо-Востоке начиная от враждебной и опасной окраины, места заключения и до «золотого сердца» России и форпоста страны на дальних рубежах. Как показывает материал, образ «Территории» на Северо-Востоке России представляет собой мир Дальстроя («государство в государстве») в самом широком понимании (включающем в себя и опыт предшествующих столетий) — как уникальный, не имеющий аналогов в мировой истории локальный организм, обладающий набором неповторимых черт и характеристик, которые в итоге и определили специфику сложившейся здесь социокультурной системы отношений человека и общества.

Образ Территории — один из самых мощных и молодых по времени появления, при этом он имеет тенденцию к смысловому расширению. Как показало исследование, этот образ проявляет растянувшийся во времени процесс освоения пространств Северо-Востока, а также ставит вопрос столкновения культур и сосуществования цивилизаций, проблему сохранения этносов, одновременно являясь попыткой преодолеть «лагерное содержание» образов Колымы и Магадана.

1. БРОДЕЛЬ Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 1. М. 2002.
2. ЗАМЯТИН Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М. 2006.
3. КОЗЛОВ А.Г. Из истории колымских лагерей (конец 1937—1938 гг.). — Краеведческие записки. Магадан. 1993, № 19, с. 117—143; НАВАСАРДОВ А.С. Из истории строительства Колымской трассы (1928—1940 гг.). — Там же. 1991, вып. 17, с. 14—25.; НИКОЛАЕВ К.Б. Тяжелый металл, или как родился, жил и умирал Дальстрой. — На Севере Дальнем. 1989, № 2, с. 54—83.
4. ПИЛЯСОВ А.Н. Закономерности и особенности освоения Северо-Востока России (ретроспектива и прогноз). Магадан. 1996, с. 71.
5. НИКОЛАЕВ К.Б. Ук. соч., с. 54—83.
6. ШИРОКОВ А.И. Дальстрой в социально-экономическом развитии Северо-Востока СССР (1930—1950-е гг.). М. 2014, с. 652.
7. ЗЕЛЯК В.Г., ШИРОКОВ А.И. Методологические проблемы изучения истории Северо-Востока России XX в. В кн.: Северо-Восток России: прошлое, настоящее, будущее. Т. 1. Магадан. 2004, с. 32.
8. ГОГОЛЕВА Е.М. Фронтир: жизнь термина в XXI веке. — Колымский гуманитарный альманах. Вып. 4. 2009, с. 151.
9. ТЁРНЕР Ф.Д. Фронтир в американской истории. М. 2009, с. 14.
10. ЗАМЯТИНА Н.Ю. Сибирь и Дикий Запад: образ территории и его роль в общественной жизни. — Восток. 1998, № 6, с. 5—20; ЕЕ ЖЕ. Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах. — Общественные науки и современность. 1998, № 5, с. 75—88.
11. ЕЕ ЖЕ. Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах, с. 78.
12. См. например: *Between Heaven and Hell: The Myth of Siberia in Russian Culture*. New York. 1993; Сибирь в составе Российской империи. М. 2007; СЛЁЗКИН Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М. 2008.
13. РЕЗВУХИНА Ю.А. Аспекты изучения региональной лексики (на материале документов Государственного архива Магаданской области). — Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2012, № 1, с. 48—52.
14. СОКОЛЯНСКАЯ Н.Н. Проблемы изучения региональной лексики в текстах на литературном языке и в словарях XVIII—XIX вв. — Колымский гуманитарный альманах. Вып. 5. 2010, с. 204—213.
15. ЕВСЮКОВА О.Н. Магаданцам о Магадане (топонимические разыскания). — Колымский гуманитарный альманах. Вып. 3. 2008, с. 223—236.
16. ГОГОЛЕВА Е.М. Лексемы «материк» и «Колыма» в общенациональном словаре и региональной традиции. — Там же. Вып. 2. 2007, с. 199—208.
17. Там же, с. 208.
18. СТЕПАНОВ JOHN J. *The Russian Far East: A History*. Stanford University Press. 1994, p. 232.
19. BOLLINGER MARTIN J. *Stalin's Slave Ships: Kolyma, the Gulag Fleet, and the Role of the West*. Westport. 2003, p. 11.
20. *Ibid.*, p. 9.
21. NORDLAENDER D.J. *Origins of a Gulag Capital. Magadan and Stalinist Control in the Early 1930s*. — *Slavic Review* 57. 1998, p. 791—812.
22. Подробнее об этом см.: ЭРТЦ С. Лагерная система в 1930—1950-е гг.: эволюция структуры и принципов управления. ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М. 2008, с. 104.
23. ШПРАУ М. Магаданская пресса 1954—1959 гг. как фактор десталинизации Северо-Восточного региона СССР. — Колымский гуманитарный альманах. Вып. 2. 2007, с. 171—187; SPRAU M. *Entstalinisierung verortet. Die Lagerauflösung an der Kolyma*, in: *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 57 (2009), H. 4; SPRAU M. *Gold und Zwangsarbeit. Der Lagerkomplex Dal'stroj*, in: *Osteuropa* 58/2. 2008, S. 65—80.

24. ШПРАУ М. Ук. соч., с. 171—187.
25. ВРАНГЕЛЬ Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю. М. 1948, с. 404.
26. Сибирская газета. Томск. 1882, № 14, с. 338.
27. ГОГОЛЕВА Е.М. Лексемы «материк» и «Колыма» в общенациональном словаре и региональной традиции. — Колымский гуманитарный альманах. Вып. 2. 2007, с. 205.
28. ХЛЕВНЮК О.В. Экономика ОГПУ-НКВД-МВД СССР в 1930—1953 гг.: масштабы, структура, тенденции развития. ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М. 2008, с. 69.
29. CIA Information report. Kolyma region. 1957. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP80T00246A031900030001-4.pdf>, p. 1.
30. ЛЕЙДЕРМАН Н.Л. Постреализм: теоретический очерк. Екатеринбург. 2005, с. 139—174.
31. ШАЛАМОВ В.Т. Воскрешение лиственницы. В кн.: ШАЛАМОВ В.Т. Собрание сочинений. Т. 2. М. 2013, с. 252.
32. Государственный архив Магаданской области (ГА МО), ф. Р-128, оп.1, д. 4900, л. 111.
33. Итоги переписи северных окраин Дальне-Восточного края (1926—1927 г.): с приложением карты северных окраин ДВК. Благовещенск. 1929, с. 86.
34. КОЗЛОВ А.Г. К вопросу об административном центре Дальстроя (1932—1939). В кн.: II Диковские чтения. Магадан. 2002, с. 66—72.
35. Советская Колыма. 1939. 18 июля.
36. История сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Собрание документов в 7-ми томах. Т. 2. Карательная система: структура и кадры. М. 2004, с. 154—155.
37. БУБНИС Г.К. К истории образования Магаданской области. — Краеведческие записки. Магадан. 1982, № 12, с. 43.
38. ГА МО, ф. П-1, оп. 2, д. 2383, л. 116—117.
39. Там же, ф. П-21, оп. 5, д. 227, л. 243.
40. Там же, д. 3, л. 87.
41. СЕРКИН В.П. Невроз отложенной жизни (НОЖ) и северный невроз. — Ученые записки кафедры психологии СМУ. Вып. 1. Магадан. 2001, с. 113—118.
42. ГЕХТМАН И.Е. Золотая Колыма. Очерки. Хабаровск. 1937.
43. ЗЕЛЯК В.Г. Валютный цех страны: история развития горнопромышленного комплекса Северо-Востока России в 1928—1991 гг. Томск. 2015, с. 431.
44. ШИРОКОВ А.И. Дальстрой: предыстория и первое десятилетие. Магадан. 2000, с. 145.
45. НАВАСАРДОВ А.С. Транспортное освоение Северо-Востока России в 1932—1937 гг. Магадан. 2002, с. 165.
46. Колымская трасса. Фотоальбом. Магадан. 1972, с. 1.
47. ГА МО, ф. Р-128, оп. 1, д. 4900, л. 111.
48. ПОСТНИКОВ А.В. Русская Америка в географических описаниях и на картах. 1741—1867. СПб. 2000.
49. ЗАМЯТИН Д.Н. Ук. соч., с. 308.
50. Также обычно и назывались лагеря, количество которых соответствовало численности крупнейших производственных управлений Дальстроя, каждый из лагерей вел работы по обслуживанию соответствующего участка работы, например заключенные Севлага работали на приисках Северного горнопромышленного управления Дальстроя, Юглаг обслуживал Южное горнопромышленное управление и т.д.
51. ЗАМЯТИН Д.Н. Ук. соч., с. 113.

Брестский мир в кольце фронтов

П.А. Искендеров

Аннотация. Публикация посвящена истории заключения советско-германского мирного договора 1918 г. в Брест-Литовске. Автор уделяет особое внимание значению данного документа с точки зрения интересов России. Рассматриваются альтернативные варианты развития событий в случае провала мирных переговоров.

Ключевые слова: Россия, Германия, Брестский мир, первая мировая война, гражданская война, Австро-Венгрия, Болгария, Турция, Антанта.

Abstract. The publication is devoted to the Treaty of Brest-Litovsk. The author pays particular attention to the importance of the document for Russian interests. Alternative ways of history process during the period under examination are also analyzed.

Keywords: Russia, Germany, Treaty of Brest-Litovsk, World War I, the Civil War in Russia, Austria-Hungary, Bulgaria, Turkey, Entente.

Брестский мирный договор, заключенный 3 марта 1918 г. между Советской Россией и Германией, остается одним из самых дискуссионных вопросов истории России XX века. Диапазон современных суждений крайне широк, однако вполне укладывается в известную оценку В.И. Ленина, назвавшего этот мир «похабным», но при этом считавшего его заключение жизненно необходимым с точки зрения интересов Советского государства и настоявшего на немедленном подписании и ратификации документа, несмотря на беспрецедентное по накалу сопротивление в рядах партийного руководства. «Кто против немедленного, хотя и архитяжкого мира, тот губит Советскую власть», — заявил Ленин в своей статье в газете «Правда» 23 февраля 1918 г. — в день, когда была создана Красная армия¹.

Наличие в отечественной историографии и общественно-политической мысли диаметрально противоположных подходов к оценке и трактовке Брестского мира требует особого внимания к данной теме

Искендеров Пётр Ахмедович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, главный редактор журнала «Вопросы истории». E-mail: iskenderov.petr@yandex.ru.

Iskenderov Petr A. — M.A., senior researcher at the Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of “Voprosy Istorii” history journal. E-mail: iskenderov.petr@yandex.ru.

в рамках школьного курса истории. Представляется, что задача более полного, всестороннего и объективного освещения вышеуказанной проблемы может быть более успешно решена в рамках создания моделей возможного развития событий в случае провала советско-германских переговоров о мире или последующего срыва выполнения документа одной или обеими договаривающимися сторонами.

Примерный план раскрытия темы может выглядеть следующим образом:

1. Военно-политическая обстановка на фронтах первой мировой войны и в Европе в целом в конце 1917 — начале 1918 года.

2. Расстановка общественно-политических сил в России после Октябрьской революции, реальность угрозы утраты власти большевиками.

3. Основные фигуры в руководстве РСДРП(б) в рассматриваемый период, их позиции по ключевым вопросам внутренней и международной повестки.

4. Историческая реконструкция возможного развития событий в России в случае провала переговоров в Брест-Литовске.

5. Влияние Брестского мирного договора на межвоенную историю России, Европы и мира в целом

Переговоры о мире между Россией и странами германо-австрийского блока начались 3 декабря 1917 г. на фоне отказа от аналогичных переговоров держав Антанты. Советскую делегацию возглавлял нарком иностранных дел Л.Д. Троцкий, придерживавшийся в своих действиях лозунга «мы войну прекращаем, мира не заключаем, армию демобилизуем». Данное положение получило поддержку (девять голосов против семи) на заседании ЦК РСДРП(б) 24 января 1918 г., однако в значительной степени отличалось от ленинской формулы в пользу максимального затягивания переговоров, но при этом немедленного заключения мира с Германией после выдвигания Берлином ультиматума.

К этому времени германская делегация предъявила российской стороне следующие условия: под контролем Германии и Австро-Венгрии остаются Польша, Литва, часть Белоруссии и Украины, Эстонии и Латвии, Моонзундские острова и Рижский залив.

10 февраля Троцкий передал делегатам Центральных держав письменное заявление, подписанное всеми членами советской делегации, отвергавшее германские условия мира, одновременно сделав следующее заявление: «Мы выходим из войны. Мы извещаем об этом все народы и их правительства. Мы отдаем приказ о полной демобилизации наших армий... В то же время мы заявляем, что условия, предложенные нам правительствами Германии и Австро-Венгрии, в корне противоречат интересам всех народов»². «Тактика Троцкого, поскольку она шла на затягивание, была верна; неверной она стала, когда было объявлено состояние войны прекращенным и мир не был подписан», — такую оценку позднее дал действиям Троцкого в те дни Ленин.

Расклад голосов на заседаниях руководства большевистской партии не давал устойчивого преимущества ни сторонникам, ни противникам заключения сепаратного мира с Германией. На состоявшемся 18 февраля 1918 г. заседании ЦК РСДРП(б) Ленин высказался «за немедленное предложение Германии вступить в новые переговоры для подписания мира». За него проголосовали семь членов

Центрального Комитета (Ленин, Г.Е. Зиновьев, И.Т. Смилга, И.В. Сталин, Я.М. Свердлов, Г.Я. Сокольников и Троцкий), пятеро были против (Н.И. Бухарин, А.А. Иоффе, Н.Н. Крестинский, Г.И. Ломов, М.С. Урицкий), и один воздержался (Е.Д. Стасова).

При этом Троцкий в ходе внутрипартийной дискуссии проявил весьма гибкий подход с тем, чтобы в конечном итоге обеспечить победу сторонников Ленина. В условиях, когда при первоначальном голосовании противники мира на германских условиях имели большинство голосов (Бухарин, Ломов, Урицкий, Иоффе, Крестинский, а также сам Троцкий), при пяти голосах «за», по инициативе Льва Давидовича на голосование был поставлен компромиссный вариант: «Выждать с возобновлением переговоров о мире до тех пор, пока в достаточной мере не проявится германское наступление и пока не обнаружится его влияние на рабочее движение». За это предложение высказались шесть членов ЦК партии (Бухарин, Ломов, Троцкий, Урицкий, Иоффе, Крестинский). Наконец, на голосование был поставлен вопрос: «Если мы будем иметь как факт немецкое наступление, а революционного подъема в Германии и Австрии не наступит, заключаем ли мы мир?» На него положительно ответили шестеро (Троцкий, Ленин, Сталин, Свердлов, Сокольников и Смилга) и только Иоффе проголосовал «против»³.

Промедление с заключением соглашения позволило Германии организовать стремительное военное наступление и предъявить Советской России еще более жесткие условия мира. Германские и австро-венгерские войска продвинулись по всему фронту на глубину от 200 до 300 километров: 19 февраля были заняты Луцк и Ровно, 21 февраля — Минск и Новоград-Волынский, 24 февраля — Житомир. На пленарном заседании Петросовета 21 февраля был образован Комитет революционной обороны Петрограда, и город был объявлен на осадном положении.

Согласно новым требованиям Германии, помимо отказа России от Польши, Курляндии и Литвы, части Красной армии должны были быть немедленно эвакуированы с территории Ливонии и Эстонии. Данное требование было получено в Петрограде утром 23 февраля. В тот же день прошло решающее заседание ЦК РСДРП(б), на котором Ленин потребовал заключения мира на предъявленных германских условиях, пригрозив в противном случае подать в отставку с должности главы Совнаркома и выйти из ЦК РСДРП(б). Троцкий вновь заявил о несогласии с подобным решением, однако поддержал Ленина ради сохранения внутрипартийного единства. «Вести революционную войну при расколе в партии мы не можем... При создавшихся условиях наша партия не в силах руководить войной... нужно было бы максимальное единодушие; раз его нет, я на себя не возьму ответственность голосовать за войну», — заявил он⁴.

Участники заседания по инициативе Ленина последовательно голосовали за три пункта: принять ли немедленно германские предложения; готовить ли немедленно революционную войну; производить ли немедленно опрос среди советских избирателей Петрограда и Москвы? По первому вопросу «против» проголосовали Бухарин, Урицкий, Ломов, А.С. Бубнов; «за» — Ленин, Свердлов, Сталин, Зиновьев, Сокольников, Смилга и Стасова; воздержались Троцкий, Ф.Э.

Дзержинский, Иоффе и Крестинский. По второму вопросу все 15 человек высказались «за»; третий пункт поддержали 11 участников заседания ⁵.

Накануне заседания — 22 февраля — Троцкий подал в отставку с поста наркома по иностранным делам, передав свои полномочия Г.В. Чичерину.

Тем не менее, Московское областное бюро РСДРП(б) в резолюции от 24 февраля выразило недоверие ЦК партии, заявив, что «в интересах международной революции мы считаем целесообразным идти на возможность утраты Советской власти, становящейся теперь чисто формальной». За период с 28 февраля по 2 марта ВЦИК и СНК получили от местных советов и ряда других организаций ответы на свой запрос относительно их отношения к миру: «за мир» было подано 250 голосов, «за войну» — 224 ⁶.

В ответ на решения, принятые ЦК РСДРП(б), ряд высших функционеров большевистской партии (в том числе Ломов, Урицкий, Бубнов и Бухарин) выступили 26 февраля 1918 г. с заявлением, в котором оценили данные решения как идущее «вразрез с интересами пролетариата и не соответствующие настроению партии», и сообщили о своем намерении вести внутривнутрипартийную агитацию против заключения мира. «Мирная политика официального ЦК сошла с рельс пролетарской революции», — заявили они. Аналогичную позицию заняли в те дни Крестинский и Иоффе, а также Дзержинский. Но последние отказались от агитации из опасения раскола партии.

Если принять во внимание конкретные территориальные и сырьевые потери Советской России, невыгодность Брестского мира, с точки зрения российских интересов, не вызывает сомнений. Согласно оценке российского военного историка К. Гайворонского, по советско-германскому договору «страна потеряла 90% каменного угля, 73% железной руды, 54% промышленности, а очертания ее западных границ вернулись к эпохе Бориса Годунова» ⁷. Однако спустя примерно девять месяцев в условиях начавшейся революции в Германии Россия денонсировала положения Брестского мирного договора.

Говоря о данном документе, следует иметь в виду, что речь идет о комплексе документов. Собственно мирный договор был подписан 3 марта 1918 г. в городе Брест-Литовске представителями Советской России, с одной стороны, и представителями стран Четверного союза (Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция) — с другой. Он состоял из 14 статей, ряда приложений, двух заключительных протоколов и четырех дополнительных договоров России с каждой из стран Четверного согласия.

Согласно договору, от России отторгались территории общей площадью около 1 млн кв. км, включая Финляндию, Аландские острова, Украину, Польшу, Литву, часть Белоруссии и Лифляндии (совр. Латвия), а также округа Ардаган, Карс и Батум на российско-турецкой границе. Советское правительство должно было вывести войска из Лифляндии и Эстляндии (совр. Эстония), куда вводились германские войска. Брестский мирный договор обязывал Россию провести полную демобилизацию армии и флота (в том числе и частей Красной армии), заключить мирный договор с украинской Центральной радой и определить прохождение границы между Россией и Украиной.

Кроме того, документ восстанавливал невыгодные для российской стороны таможенные тарифы 1904 г., направленные в пользу Германии ⁸.

Состоявшийся 6—8 марта VII съезд РКП(б) одобрил заключение Брестского мира. Во второй день работы съезда перед его делегатами выступили Ленин и в качестве содокладчика Бухарин, изложивший собственное видение вопроса от лица «левых коммунистов». В заключительный день работы партийного форума на голосование была поставлена резолюция о том, что «съезд признает необходимым утвердить подписанный Советской властью тягчайший, унижайший мирный договор с Германией, ввиду неимения нами армии, ввиду крайне болезненного состояния деморализованных фронтовых частей, ввиду необходимости воспользоваться всякой, хотя бы даже малейшей, возможностью передышки перед наступлением империализма на Советскую социалистическую республику». За резолюцию проголосовали 30 делегатов съезда, против — 12 и четверо воздержались.

Брестский мирный договор был ратифицирован Чрезвычайным 4-м Всероссийским съездом Советов 15 марта 1918 года. Германский рейхстаг одобрил документ 22 марта, а 26 марта он был подписан императором Вильгельмом II.

Спустя полгода — 27 августа 1918 г. — в Берлине были заключены дополнительные соглашения к Брестскому мирному договору в развитие зафиксированного в самом документе обязательства России предоставить Германии торгово-экономические льготы и преимущества. В частности, советское правительство пообещало поставлять сырье для германской промышленности и согласилось выплатить контрибуцию в размере 6 млрд марок.

Последняя, правда, в срок до денонсации договора была выплачена лишь частично. Ноябрьская революция в Германии вынудила ее подписать 11 ноября 1918 г. Компьенское перемирие и отказаться от положений Брестского мирного договора и дополнительных документов к нему ⁹.

Со своей стороны, ВЦИК на своем заседании единогласно аннулировал договор 13 ноября 1918 года. В принятом постановлении говорилось, что «Брест-Литовский мир насилия и грабежа пал таким образом под соединенными ударами германских и русских пролетариев-революционеров» ¹⁰.

Главным аргументом критиков Брестского мирного договора, помимо обусловленных им конкретных территориальных, сырьевых и финансовых потерь, выступает тезис о принесении большевиками в жертву государственных интересов целям сохранения собственной власти, а также неспособность Ленина просчитать развитие событий на несколько месяцев вперед, когда военно-политическая катастрофа Германии сделала бы любые соглашения с ней излишними. В качестве примера приводится, в частности, начатое в августе решающее наступление войск Антанты под Амьеном.

Подобная точка зрения имеет под собой определенные основания, тем более, что вспыхнувшее в мае 1918 г. восстание военнослужащих чехословацкого корпуса, ставшее ключевым моментом начала гражданской войны в России, явилось прямым следствием попыток разоружить данный корпус. Его разоружение было прописано в Брестском мирном договоре под давлением Германии, а командование

Антанты, в свою очередь, провозгласило корпус частью собственных вооруженных сил. Вплоть до мая 1918 г. «чехословацкие легионы оставались стороной, не участвующей в русской Гражданской войне. После подписания Брестского мира третьего марта 1918 года на восточном фронте фактически победил Четвертый союз (Германская, Австро-Венгерская, Османская империи и Болгарское царство). В рамках мирного договора большевики настояли на выводе всех иностранных войск, то есть в том числе и чехословацких легионов», — напоминает в этой связи чешский исследователь М. Углирж и продолжает: «Вскоре после Октябрьской революции участвующие в договоре (Антанты. — П.И.) державы, прежде всего Франция и Великобритания, заявляли о желании активно участвовать в Гражданской войне. У чешских и словацких легионеров было три варианта. Они могли встать на сторону революции и сражаться бок о бок с красными революционерами, а после стабилизации режима и урегулирования ситуации возобновить бои на восточном фронте. Кстати, сами стороны, участвовавшие в Гражданской войне (“белые” и “красные”), предпринимали безуспешные попытки вербовать легионеров в свои ряды. Второй вариант — воевать против революции, а затем продолжать войну против Четверного союза. Рационально все обдумав и приняв во внимание многочисленность чехословацкого легиона в России (около 50 тысяч человек), а также обширность российской территории, будущий президент Масарик выбрал третий вариант. Именно он был наиболее разумным: не принимать участия в революции и побыстрее покинуть Россию» ¹¹.

Однако накаленная обстановка на Урале (конкретно, в Челябинске) в мае 1918 г. привела сначала к ограниченному вооруженному конфликту между чехословаками и бойцами Красной армии, а затем и к полномасштабным боям, которые трудно было предвидеть в феврале-марте 1918 г. в Брест-Литовске. Что же касается современной трактовки в Чехии роли чехословацкого корпуса, то она выглядит следующим образом: «К осени 1918 года чехословацкие легионеры взяли под контроль территорию вдоль Транссибирской магистрали, включая Среднее Поволжье, Южную Сибирь, Северный Казахстан и северо-восток Китая. В США, Великобритании и Франции Т. Масарика тут же стали называть “правителем Сибири”. Чехословацкий контроль над Транссибирской магистралью мешал перевозить пленных (прежде всего, немцев и австрийцев. — П.И.) на запад, которые должны были стать подкреплением для немецких войск, стоявших под Парижем. Однако подкрепление так и не подоспело, и немецкое наступление провалилось. Так чехословацкие легионы внесли свой значительный вклад в победу стран Антанты, и впоследствии это способствовало признанию Чехословакии. Кроме того, после войны Чехословакия стала убежищем для многих русских: они бежали туда от коммунистического режима и нашли там свой новый дом...» ¹²

Так или иначе, судьба чехословацкого корпуса действительно сыграла во многом решающую роль в согласии России на заключение мирного договора с Германией. Однако у соглашения не было реальной альтернативы. Командование германской армии в ультимативном порядке потребовало от советского правительства разоружить чехословацкий корпус, угрожая в противном случае совершить маршбросок через Поволжье для того, чтобы проделать это собственными

силами и таким образом окончательно ликвидировать угрозу со стороны Восточного фронта. Противостоять наступлению германской армии военными средствами Россия в то время не могла. Старая армия была демобилизована (в том числе и потому, что большевики рассматривали ее как перманентную угрозу для советской власти), а новая только создавалась. «Для революционной войны нужна армия, а у нас армии нет... Несомненно, мир, который мы вынуждены заключать сейчас, — мир похабный, но если начнется война, то наше правительство будет сметено и мир будет заключен другим правительством», — указывал в этой связи Ленин. В своем выступлении на объединенном заседании фракций большевиков и «левых» эсеров ВЦИК 23 февраля 1918 г. он прямо заявил, что «Советская власть должна смотреть правде в глаза, что Советская власть должна констатировать полную невозможность сопротивления германцам»¹³.

Аналогичным образом развивалась ситуация и во взаимоотношениях России с государствами Антанты. В отличие от Германии там сделали ставку на восстановление восточного фронта «через голову» России. В начале августа 1918 г. произошла высадка англо-американских войск в Архангельске, английских — в Баку и японских — во Владивостоке. Именно это обстоятельство побудило Россию разорвать 5 августа 1918 г. отношения с Англией, Францией и Японией и заключить с Германией дополнительное соглашение в развитие положений Брестского мирного договора.

Фактом является и то, что подписание Брестского мира не остановило продвижение германских войск на восток. Уже 8 мая немцы вошли в Ростов, а 10 мая Ленин заявил об угрозе, нависшей над Петроградом и Москвой. Наиболее жесткие позиции в отношении России в этот период занимали германский император Вильгельм II и генерал Эрих Людендорф (фактически командовавший в 1916—1918 гг. всеми германскими силами, а в 1923 г. вместе с А. Гитлером возглавивший «пивной путч» в Мюнхене), настаивавшие на необходимости оказания военной поддержки антибольшевистским силам. Если бы подобная поддержка была оказана в первой половине 1918 г., власть большевиков со значительной степенью вероятности рухнула бы еще до начала полномасштабной гражданской войны. Выводя Россию из войны с Германией ценой значительных территориальных, сырьевых и финансовых потерь, Ленин и его сторонники не только реализовывали революционные лозунги и обещания (в частности, положения «Декрета о мире» от 8 ноября 1917 г.), но и фактически спасали собственную власть. И как показали события конца 1918 г. — когда эти потери были возвращены на волне германской революции — в данном случае партийно-политические интересы большевистского руководства в значительной степени совпали с национально-государственными интересами страны. Или, по крайней мере, не вступили с ними в прямое противоречие. Не оправдались и расчеты оппонентов сепаратного мира с Германией из числа сторонников Бухарина и наркома иностранных дел Троцкого на мировую революцию и всеобщую революционную войну против мирового империализма. «Надо признать, что программа мира нашей революции усвоена до конца пока лишь меньшинством сознательного пролетариата Запада», — признавала 3 января 1918 г. газета «Правда»¹⁴. «Трудно-

сти необъятны. Пока нас спасают только противоречия и конфликты и борьба между империалистами. Умейте использовать эти конфликты: пока надо научиться дипломатии», — писал Ленин С.Г. Шаумяну в Баку 14 февраля 1918 года ¹⁵. А в опубликованной 21 февраля 1918 г. в газете «Правда» статье «О революционной фразе» лидер большевиков следующим образом сформулировал свое видение ситуации вокруг заключения Брестского мира: «Мы идем на невыгодный договор и сепаратный мир, зная, что *теперь* мы еще не готовы на революционную войну, что надо уметь выждать (как выждали мы, терпя кабалу Керенского, терпя кабалу нашей буржуазии, с июля по октябрь), выждать, пока мы будем крепче. Поэтому, *если можно* получить архиневыгодный сепаратный мир, его надо *обязательно принять* в интересах социалистической революции, которая *еще* слаба (ибо к нам, русским, *еще* не пришла на помощь зреющая революция в Германии). Только при *полной* невозможности сепаратного мира тотчас придется бороться — *не потому, что это будет правильной тактикой, а потому, что не будет выбора*. При такой невозможности не будет и возможности спора о той или иной тактике. Будет только неизбежность самого ожесточенного сопротивления. Но пока выбор есть, надо выбрать сепаратный мир и архиневыгодный договор, ибо это все же во сто раз лучше положения Бельгии» ¹⁶.

Официальная советская историография характеризовала позицию и действия Ленина в период переговоров в Брест-Литовске как тактику, которая «допускала принятие помощи от одной группы капиталистов, чтобы отбиться от другой» ¹⁷. При этом И.В. Сталин изначально подчеркивал решающую роль в заключении Брестского мира не Ленина, а Троцкого: «Выход из тяжелого положения дала нам средняя точка — позиция Троцкого...» Аналогичная ситуация внешнеполитического маневрирования имела место в рассматриваемый период в целом на Европейском континенте. Вряд ли будет преувеличением подчеркнуть, что «головоломная задача, как на новых условиях воссоздать равновесие в центре Европы и одновременно изолировать очаги революции на востоке, доминировала над всеми остальными проблемами, заставляя идти на сделки со вчерашними врагами и нежелательными союзниками» ¹⁸.

К слову, роль представителя Германии Э. Людендорфа также весьма противоречива в контексте советско-германских отношений. Российский военный историк Гайворонский относит его к числу активистов «военной партии» Германии. С другой стороны, бывший первый секретарь российского посольства в Лондоне Е.В. Саблин в письме от 12 апреля 1937 г. экс-послу Временного правительства в Париже (не успевшему, правда, вручить верительные грамоты до Октябрьской революции) В.А. Маклакову указывал: «Людендорф всегда считался сторонником дружественного соглашения с Россией, а за последнее время и другие члены германского генерального штаба примкнули к нему ввиду усиления боевой мощи российской армии. Правда, пишет одна газета, по инициативе Людендорфа был переправлен в Россию Ленин. Это, быть может, был поступок не рыцарский, но по соображениям военного времени он оказался целесообразным» ¹⁹.

Не менее важным представляется вопрос о стратегическом значении мирного договора с Германией в конкретных условиях весны-лета 1918 года. И у Советской России, и у германского руководства

фактически оказался общий противник в лице белочехов и «белых» правительств, взявших под контроль обширные территории к востоку от Волги. Провал мирных переговоров в Брест-Литовске означал не только развал советско-германского фронта, но и потерю большевиками, пожалуй, единственного реального союзника в борьбе с внутренними контрреволюционными силами. А в августе 1918 г. речь уже пошла о теоретической возможности привлечения германских войск к борьбе с интервенцией стран Антанты против самой России. Соответствующая помощь была прописана в пакете дополнительных советско-германских соглашений от 27 августа 1918 г. (заключение которых ускорила потеря большевиками ранее в том же месяце Казани). Более того, Германия пообещала большевистской России оказать военную помощь в борьбе с Добровольческой армией, отказаться от существовавшего ранее взаимодействия с донскими казаками Петра Краснова и даже сформировать совместное командование для операций против десанта Антанты в северных портах. По свидетельству Гайворонского, российская сторона поддерживала назначение на пост его председателя фельдмаршала фон Макензена ²⁰.

Все эти пункты были жизненно важны для Советской России именно тогда — летом 1918 г. — и большевики не считали возможным ждать дальнейшего развития событий на Западном фронте первой мировой войны и итогового поражения германской армии.

Примечания

1. Правда. 23.02.1918.
2. КСЕНОФОНТОВ И.Н. Мир, которого хотели и который ненавидели. М. 1991, с. 264—265.
3. Там же, с. 283—284.
4. Там же, с. 312—315.
5. Там же, с. 312—316.
6. Там же, с. 332—334, 357—358.
7. ГАЙВОРОНСКИЙ К. Чего стоил России похабный мир Брест-Литовска. — Ведомости. 02.03.2018.
8. Документы внешней политики СССР. Т. 1. М. 1957, с. 119—206.
9. КЛЮЧНИКОВ Ю.В., САБАНИН А.В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. II. От империалистической войны до снятия блокады с Советской России. М. 1926, с. 194—198.
10. Дипломатический словарь. Т. 1. М. 1984, с. 155.
11. URL: http://neviditelnyes.lidovsky.cz/historie-celjabinsky-incident-1918-d49-/p_zahranici.aspx?c=A180220_205156_p_zahranici_wag.
12. Там же.
13. ЛЕНИН В.И. Собр. соч. Т. 27. М. 1950, с. 23.
14. Правда. 03.01.1918.
15. ЛЕНИН В.И. Собр. соч. Т. 35. М. 1956, с. 268.
16. Там же, т. 27, с. 8.
17. История дипломатии. Т. 2. М. 1945, с. 348.
18. МАЛЬКОВ В.Л. Мир после Великой войны: предпосылки, социально-экономическая динамика и мировая политика. В кн.: Война и общество в XX веке. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. М. 2008, с. 543.
19. Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов 1934—1940. Кн. 1: 1934—1937. М. 1998, с. 468.
20. ГАЙВОРОНСКИЙ К. Брест, который лопнул. — Ведомости. 31.08.2018.

УДК 351.814(571.65)(091) 94(571.65).084.9

Деятельность магаданской отдельной авиагруппы (управления) гражданской авиации в 1966—1970 гг.

М.В. Третьяков

Аннотация. В публикации рассматривается работа Магаданской отдельной авиагруппы (позже — управления) гражданской авиации в 1966—1970 годах. Данный период характеризуется бурным развитием воздушного сообщения в Магаданской области, применением новой авиатехники, развитием аэродромного хозяйства, усовершенствованием специального оборудования. Авиаотряды, равно как и управление в целом, регулярно становились победителями различных социалистических соревнований, получали награды Министерства гражданской авиации. Архивные материалы позволяют установить, что в этот период авиаторами перевыполнялись плановые показатели, оказывалась большая помощь народному хозяйству, перевозились значительные объемы грузов. В то же время по ряду причин развитие наземных услуг и сервис пассажирских перевозок были не на высоком уровне, и решение данного вопроса находилось на контроле у руководства управления.

Ключевые слова: Магаданская область, авиация, авиагруппа, управление, грузо-перевозки, пассажиры, авиалинии, маршруты.

Abstract. The publication deals with the activities of Civil Aviation authorities in the territory of Magadan Region at the turn of 1960s—1970s. It is based on historical documents from the State Archives, the details of which remained unknown till now. The work is aimed at consideration of facts and processes, which characterized the general situation in the regional civil aviation at that time including the flying stock conditions, airfield maintenance and working routine, route networks, and amounts of passenger and goods transportation. The resulting conclusion is that, during that period, the civil aviation branch was successively developing in Magadan Region, as new aircrafts were in use and airfields became modernized, although the ground facilities were not well-developed, and preflight services had to be better. However, the authorities worked intensely to improve the situation.

Key words: Magadan Region, aviation, air group, authorities, cargo traffic, passengers, airlines, air route.

Работа авиации на Северо-Востоке Советского Союза началась в 1932 г., когда, согласно постановлению Совета труда и обороны СССР, в только

Третьяков Максим Викторович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н.А. Шило ДВО РАН. Магадан. E-mail: maximmg@mail.ru.

Tretjakov Maxim V. — candidate of historical sciences, scientific researcher at the North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute named after N.A. Shilo. Far East Branch of RAS. E-mail: maximmg@mail.ru.

что образованном государственном тресте Дальстрой началось применение самолетов. Но собственные самолеты для треста были закуплены и прибыли в бухту Нагаева только в декабре 1934 года ¹.

Работу воздушного транспорта региона целесообразно разделить на 2 этапа — «дальстроевский» (с 1932 по 1955 г.) и «гражданский» — с момента передачи Управления воздушного транспорта Дальстроя в 1955 г. в Дальневосточное территориальное управление гражданского воздушного флота (ГВФ) до распада СССР в 1991 г. и перехода к новым формам хозяйствования.

В советский период единственным автором, рассмотревшим вопрос истории региональной авиации, был сотрудник политотдела Магаданской отдельной авиагруппы (МОАГ) в 1960-х гг. Е.В. Алтунин, защитивший в 1990 г. докторскую диссертацию по данной теме. Не умаляя достоинств работы, отметим, что период 1960-х — 1970-х гг. изложен в ней очень сжато, что не позволяет читателю представить в полной мере все аспекты работы региональной авиации. Безусловно, не стоит забывать, что автор был поставлен в жесткие идеологические рамки, кроме того, не вся информация о деятельности авиации, пусть и гражданской, могла быть опубликована в открытой печати. В постсоветской региональной историографии на волне демократических преобразований и рассекречивания большого массива архивных источников основной упор историков был сделан на изучении самого феномена Дальстроя как крупной чрезвычайной организации, во многом не имевшей аналогов в более ранней истории России (СССР), и политической ситуации того времени ². Большое внимание уделялось также исследованию применения принудительного труда заключенных в период массовых политических репрессий и системы Управления Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерей (УСВИТЛ). Помимо этого ряд авторов комплексно изучили вопросы золотодобычи (где основным был труд заключенных), работу морского и речного флота, снабжение Дальстроя, а также состояние транспортной системы в 1930-х годах. Между тем авиация и сегодня является единственным пассажирским транспортом для связи между отдельными населенными пунктами как внутри Магаданской области, так и с другими городами страны, поэтому ее значимость и актуальность для жителей региона трудно переоценить. Недостаточное внимание исследователей к данной теме можно объяснить отсутствием в ней так называемых «кричащих» фактов, носящих политическую окраску и отвечающих на запросы общества.

Поскольку авиация, как отрасль, воплощает в себе передовые достижения науки и техники, ее поступательное развитие заключается в переходе на более современные типы самолетов и вертолетов по мере их выпуска, а также соответствующее аэродромное и иное оборудование. Предлагаемая работа посвящена деятельности авиации Магаданской области во второй половине 1960-х — 1970 годы.

Согласно указанию Министерства гражданской авиации СССР, на 1966 г. перед Магаданской авиагруппой были поставлены следующие задачи:

1. Безусловное безаварийное и высококачественное выполнение плана.
2. Всемерное повышение регулярности движения самолетов.

3. Развитие и улучшение благоустройства аэропортов (особенно на местных воздушных линиях) в целях повышения культуры обслуживания пассажиров.

4. Повышение коммерческой загрузки самолетов.

5. Максимальное использование самолетов Ил-18, Ан-10 с высокой коммерческой загрузкой за счет соответствующего снижения налета часов по малорентабельным самолетам.

6. Максимальная экономия расходования горюче-смазочных материалов.

Основные показатели плана на год (утвержденные Министерством гражданской авиации) для МОАГ ГА, были следующие: по тарифному пассажирообороту — 820 млн пасс./км; по участковому тоннокилометражу — 70,0 млн ткм; доходы (выручка) — 38 310 тыс. руб., в том числе по транспортной авиации — 29 200, из них по пассажирским перевозкам — 18 190 тыс. руб.; прибыль — 950 тыс. рублей ³.

Первым организационным изменением 1966 г. стало преобразование авиаотрядов, входивших в Магаданское Управление гражданской авиации (МУГА), в уставные подразделения с наделением уставным фондом на основании «Положения о социалистическом предприятии». Его размер составлял: для 1-го Магаданского объединенного авиаотряда (1 МОАО) — 17,8 млн руб.; 2-го Магаданского объединенного авиаотряда (2 МОАО) — 4,8; Сеймчанского объединенного авиаотряда (СОАО) — 6,7; Анадырского объединенного авиаотряда (АОАО) — 11,4, Чаунского объединенного авиаотряда (ЧОАО) — 7,3; Билибинской объединенной авиаэскадрильи (БОАЭ) — 1,39 млн рублей ⁴. На 1966 г. было запланировано поступление новых самолетов Ан-12, и применение такой техники свидетельствовало о все возрастающем объеме грузоперевозок для нужд области и увеличении темпов строительства различных промышленных объектов. В 1966 г. общая протяженность воздушных линий составляла 29 445 км, в том числе местных — 26 470, союзных — 2975 ⁵.

В 1960-х гг. в МОАГ шел активный процесс применения новых самолетов — Ан-12, Ил-14, Ан-24 — практически во всех аэропортах области. Приказами начальника управления разрешались полеты в Кепервеем, Омсукчан, Омолон. Приказом командира МОАГ Н.И. Крылова от 14 января 1966 г. была создана комиссия для выполнения технического рейса на Ил-18 в Певек и Кепервеем ⁶. По аэродрому Певек все подготовительные мероприятия были выполнены полностью, за что участвовавших в них сотрудников наградили почетными грамотами и благодарностями ⁷. Для поддержания аэродромного хозяйства в годном к эксплуатации состоянии и установления более четкого контроля за содержанием посадочных площадок и оформлением необходимых документов была создана комиссия под председательством Т.М. Картушинского. В ее задачи входила также проверка на предмет годности к полетам аэродромов 3-го класса и ниже для продления соответствующих свидетельств, что относилось к компетенции Магаданской отдельной авиагруппы ⁸. Одновременно с этим командование авиагруппы определило к выполнению ряд мероприятий, направленных на повышение уровня безопасности полетов, установление ориентиров видимости и новой техники соответствующего назначения.

В рассматриваемый период летный состав авиагруппы периодически совершал рейсы за пределы Магаданской области. В связи с этим для повышения уровня безопасности полетов и улучшения подготовки экипажей были установлены пределы регулярных полетов: для Ил-14 — Хабаровск, Якутск, Тикси; для Ан-12 — Средняя Азия (выполнение так называемых «фруктовых» рейсов); для Ан-2 и вертолетов Ми-4 — Охотск, Сеймчан, Черский. Соответствующие изменения были внесены в полетные карты. Выполнение работ за пределами области регламентировалось соответствующим приказом, согласно которому ответственность за дисциплину и безопасность полетов возлагалась на подразделения, к которым прикомандировывались магаданские экипажи. Кроме того уделялось повышенное внимание вопросам улучшения движения самолетов и диспетчерской работы. Приказом командира управления было утверждено и введено в действие «Типовое положение об отделе движения МОАГ ГА» и аналогичный документ о диспетчерской службе. В соответствии с ними, главными функциями отдела определялись управление движением по трассам местных воздушных линий и в районах производства работ на трассах авиагруппы, а также руководство деятельностью службы движения подчиненных аэропортов и аэродромов по выполнению ими установленного порядка организации, планирования, управления полетами и их метеорологического обеспечения. В свою очередь на диспетчерскую службу возлагался контроль за движением воздушных судов в закрепленной за ней зоне воздушного пространства, а самолетов (вертолетов) своей авиагруппы — на всей глубине их полетов; рассмотрение и утверждение составленных аэропортами планов полетов; координация и контроль за действиями службы движения аэропортов по их выполнению ⁹.

Главным мероприятием года, оказавшим влияние на всю последующую работу авиации Магаданской области, стало преобразование МОАГ ГА в Магаданское управление гражданской авиации на основании приказа министра гражданской авиации № 90 от 15 февраля 1966 года. Начальником МУГА был назначен Н.И. Крылов ¹⁰. Итоги регулярности полетов за 1-й квартал 1966 г. характеризовались следующими данными. В соответствии с утвержденным расписанием движения самолетов было запланировано 3740 самолетовылетов. Фактически выполнено 2786 рейсов, регулярных — 2116. По центральному расписанию запланирован 561 рейс, фактически выполнено 519, регулярных — 324. По расписанию местных воздушных линий запланировано 3179 рейсов, выполнено 2267, из них регулярных — 1792 ¹¹. В последующем отслеживание выполнения авиарейсов стало ежемесячным с составлением соответствующих отчетов. В 1966 г. по линиям союзного значения большая часть рейсов выполнялась в Хабаровск и Анадырь, а по местным воздушным линиям — в Певек. С 15 мая ввели в действие новый регламент работы аэропортов на весенне-летний период, а именно: Магадан-13-й км — с 00.00 до 13.00, Магадан-56-й км — круглосуточно, Берелех — с 21.30 до 12.30, Сеймчан — с 21.00 до 16.00, Билибино — с 00.00 до 16.00, Певек — с 00.00 до 16.00, Гижига — с 00.00 до 16.00, Марково — с 23.00 до 15.00, Анадырь — с 22.00 до 14.00 ¹².

Помимо пассажирских перевозок, специалисты МУГА выполняли большой объем работ по договорам и заявкам на авиационные

услуги от сторонних организаций. Так, в 1969 г. для полетов на прииск «Отрожный» был оборудован временный аэродром «Утесики», совершен технический рейс на Ан-12, после чего их эксплуатация была разрешена. По завершении работ все оборудование надлежало размонтировать и передать на хранение прииску. Авиаподразделение также выполняло аэромагнитную съемку в восточных районах Чукотки. В январе 1970 г. для лучшего выполнения всех авиационных работ в данном районе была создана Восточно-Чукотская объединенная авиаэскадрилья, которую укомплектовали самолетами Ан-2 и вертолетами Ми-4 (по 7 каждого типа). В созданную ОАЭ с 1 января 1970 г. был передан личный состав из АОАО, по аэропортам Залив Креста, Лаврентия, Провидения, и ряд иных служб. Базой эскадрильи стал аэропорт Залив Креста, командиром был назначен К.В. Смирнов, заместителем — А.Д. Дегтярёв¹³. Помимо этого, в целях наилучшего обслуживания населения Сусуманского района аэропорт местных воздушных линий Берелёх был передан из Магаданского в Сеймчанский объединенный авиаотряд.

Одним из важнейших мероприятий, к участию в которых неизменно привлекалась авиация региона, были выборы всех уровней, главным образом в Верховные Советы СССР и РСФСР, состоявшиеся в 1970 и 1971 годах. От МУГА и его специалистов требовалось образцово обслужить очередную избирательную кампанию, для чего в аэропортах по всей области специально выделялись дежурные самолеты Ан-2 и вертолеты Ми-4 с экипажами.

Сложный климат не раз вносил коррективы в работу авиаторов. Так, в январе 1969 г. по метеоусловиям был закрыт ряд аэропортов Восточной Чукотки, из-за чего в Магадане и Анадыре скопилось большое количество пассажиров, что требовало оперативного вмешательства руководства МУГА. Была создана комиссия, в чьи задачи вошли организация размещения людей и создание им максимально возможных условий для ожидания вылета в пункт назначения. В этот период имелись проблемы с санитарным состоянием аэровокзалов и прилегавших к ним территорий, с чем руководство МУГА совместно с медико-санитарной службой вело борьбу, стремясь выправить ситуацию. Общая картина регулярности полетов за 1969 г. характеризовалась следующими данными: из запланированных 36 777 вылетов было выполнено 30 316, из них регулярных — 26 488. Регулярность полетов в целом по управлению составила 72,0%. Основной причиной ее снижения в сравнении с 1968 г. на 11,3%, в том числе по местным авиалиниям — на 9,5%, были плохие метеоусловия, особенно в I и IV кварталах, из-за которых было задержано 1754 и отменено 5175 рейсовых вылетов. Тем временем в структуре управления прошел ряд внутренних реорганизаций. При начальнике управления был создан Совет (председатель — Картушинский), в чьи функции входило решение вопросов о восстановлении на летную работу и снятии с нее. В конце 1969 г. произошло распределение обязанностей между начальником МУГА и его заместителями. Согласно новому положению, в подчинении руководителя остались Совет управления, планово-экономический отдел (ПЭО), финансовый отдел, отдел организации труда и заработной платы (ОТиЗ), бухгалтерия, инспекция по безопасности полетов, отдел связи и радионавигации,

служба движения, отдел кадров и 1-й отдел. Остальные службы были переподчинены заместителям. Также приказом начальника управления организовали квалификационную комиссию для присвоения классов летно-подъемному составу.

Решением Министерства гражданской авиации СССР и ЦК профсоюза авиаработников, по итогам IV квартала 1969 г. МУГА было признано победителем соцсоревнования с вручением премии — 14 тыс. рублей. Также успешной в течение года была работа авиации специального применения, и многие сотрудники были награждены почетными грамотами и отмечены благодарностями начальника МУГА.

На 1970 г. планировалось получение самолетов Як-40, вертолетов Ми-6 и Ми-8. Приказом начальника МУГА освоение и дальнейшая эксплуатация Як-40 поручались АОАО, для полетов были определены аэропорты Магадан-56-й км, Магадан-13-й км, Сеймчан, Певек, Кепервеем, Шмидт, Гижига, Марково, Анадырь, Провидения, Лаврентия. Отдельным направлением работы уже не первый год являлась помощь в охране лесов и тундры от пожаров, возлагавшаяся на авиацию спецприменения. Летом 1970 г. в этих работах принимали участие 2 МОАО, СОАО и ЧОАО. Увеличение объемов работ и их важность сделали необходимым введение в штатном расписании новой должности — старшего инженера (инженера) по спецприменению ОАО (ОАЭ), подчинявшегося командиру авиаподразделения. Также руководство МУГА приняло ряд мер по борьбе с участвовавшими случаями поломок самолетов на земле (в 1969 г. — 33 случая, из них в МОАО — 15), в том числе из-за неграмотной эксплуатации спецавтотранспорта и перронной механизации — 9. За 2 месяца 1970 г. было допущено 3 повреждения (2 в МОАО и 1 в ЧОАО).

Таким образом, работа МУГА на рубеже 1960-х — 1970-х гг. имела поступательное развитие. Руководство управления принимало необходимые меры для получения новой авиатехники, обновления аэродромного оборудования, строительства аэровокзалов. Проблемы, с которыми сталкивалась региональная авиация, в основном заключались в отставании развития наземной базы и культуры обслуживания пассажиров, предоставления им пред- и послеполетных услуг, а также так называемом человеческом факторе — порой неисполнения в полном объеме тем или иным специалистом своих обязанностей. В то же время уровень подготовки летного и технического состава был высоким, Управление в полной мере обеспечивало регион услугами воздушного транспорта, темпы пассажирских и грузоперевозок росли. Получение и применение новой авиатехники давало возможность МУГА развиваться в неотрывной связи с иными предприятиями гражданской авиации СССР, а достигнутые успехи руководство министерства отмечало присуждением МУГА призовых мест в социалистических соревнованиях.

Примечания

1. Вопросы деятельности авиации Северо-Востока СССР в период с 1932 г. рассмотрены в работах: АЛТУНИН Е.В. Крылья над Магаданом. М. 1968; ЕГО ЖЕ. Крылья Севера. Магадан. 1976.

2. См., напр.: ШИРОКОВ А.И. Дальстрой: предыстория и первое десятилетие. Магадан. 2000; ЕГО ЖЕ. Государственная политика на Северо-Востоке России в 1920—1950-х гг.: Опыт и уроки истории. Томск. 2009; БАЦАЕВ И.Д., КОЗЛОВ А.Г. Дальстрой и Севвостлаг в цифрах и документах. Магадан. 2002; БАЦАЕВ И.Д. Особенности промышленного освоения Северо-Востока России в период массовых политических репрессий (1932—1953). Дальстрой. Магадан. 2002; ЗЕЛЯК В.Г. Пять металлов Дальстроя. Магадан. 2004; ЕГО ЖЕ. Валютный цех страны. Томск. 2015; НАВАСАРДОВ А.С. Освоение Северо-Востока СССР в 30-е гг. XX в. (историко-демографический аспект). Магадан. 2001; ЕГО ЖЕ. Транспортное освоение Северо-Востока России в 1932—1937 гг. Магадан. 2002.
3. Государственный архив Магаданской области (ГА МО), ф. Р-27 (Магаданское управление авиации СССР, 1936—1987), оп. 1, д. 145, л. 3—4.
4. Там же, д. 136, л. 16.
5. Там же, д. 145, л. 36.
6. Там же, д. 138, т. 1, л. 35.
7. Там же, л. 112—114.
8. Там же, л. 39.
9. Там же, л. 121, 126.
10. Там же, л. 152.
11. Там же, л. 271.
12. Здесь и далее указано московское время (разница с магаданским составляла +8 часов).
13. ГА МО, ф. Р-27, оп. 1, д. 189, т. 1, л. 4.

Общие закономерности проникновения старообрядчества в нерусскую среду на территории Урало-Поволжья

Е.С. Данилко

Аннотация. В публикации на основе архивных и опубликованных источников рассматривается феномен «нерусского старообрядчества» в Урало-Поволжье и определяются причины и факторы, способствовавшие его возникновению. Доказывается, что распространение старообрядчества являлось важным показателем религиозных настроений среди поволжских народов, с одной стороны, переживавших мировоззренческий кризис язычества, но не желавших приобщиться к христианскому или мусульманскому большинству, с другой, стремящихся адаптироваться к историческому и социальному контексту.

Ключевые слова: старообрядчество, поволжские народы, Урало-Поволжье.

Abstract. In article on the basis of the archival and published sources the phenomenon of “non-russian Old Belief” in the Uralo-Volga region is considered and the reasons and factors promoting his emergence are defined. It is proved that distribution of Old Belief was an important indicator of religious moods among the Volga region people, on the one hand, which were enduring world outlook crisis of “paganism”, but not wishing to join the Christian or Muslim majority, with another, seeking to adapt to a historical and social context.

Key words: Old Belief, Volga region people, Uralo-Volga region.

На протяжении столетий особенности конфессиональной политики Российской империи определялись присвоенным государством правом действовать как верховный арбитр в делах религиозной идентичности подданных и поддержании существующей иерархии конфессий во главе с православием. В этой иерархии особую нишу занимало старообрядчество, будучи, с одной стороны, архаической формой православия, а, с другой, составлявшее оппозицию официальной церкви. До принятия в 1905 г. известного закона о свободе вероисповеданий «отпадение» из православия было полностью запрещено, также как переход из любой христианской религии в нехристианские. Но к концу XIX в., как пишет современный американский историк и религиовед Пол Верт, «российский конфессиональный ландшафт делался более подвижным и сложным». Ситуации, когда номинально православ-

---

Данилко Елена Сергеевна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. E-mail: Danja9@yandex.ru.

Danilko Elena S. — doctor of historical sciences, chief researcher at the Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklukho-Maclay RAS. E-mail: Danja9@yandex.ru.

ные добивались права возвращаться в лоно конфессий, из которых они или их предки были ранее обращены, становились довольно распространёнными, и все больше последователей иных религий и вероучений обнаруживалось в рядах православных¹. Обозначенную подвижность религиозного ландшафта подтверждает и существование такого явления как нерусское старообрядчество. Оно имело место в регионах с полиэтническим составом населения, отдаленных от центра. Там гонимые старообрядцы могли скрываться от преследований властей.

В северных губерниях, где действовали известные Выго-Лексинские монастыри, старую веру принимали коми-зыряне и карелы². Кроме того, старообрядчество нашло «инородных» последователей на обширной территории Урало-Поволжья, этноконфессиональная карта которого всегда отличалась разнообразием. Больше всего старообрядцев здесь было среди мордвы и коми-пермяков, незначительное количество — среди чувашей, единичные случаи перехода в «раскол» наблюдались у удмуртов и марийцев. Каким образом происходили такие переходы, и какие причины двигали «иноверцев» записаться в «раскольники» — это те вопросы, на которые хотелось бы ответить в настоящей публикации. Использование конкретного регионального материала Урало-Поволжья, анализ частных примеров позволят избежать слишком абстрактных заключений, в то же время оставляя возможности для выявления некоторых общих закономерностей. Будут привлекаться архивные и опубликованные материалы.

Следует сразу оговориться относительно завыченных терминов. Известно, что «раскольниками» называли тех, кто в конце XVII в. не принял реформы патриарха Никона и тем самым противопоставил себя официальной церкви. Соответственно для самих старообрядцев, которые видели в реформе как раз отступление от истинной веры, это наименование воспринималось негативно. Термин «иноверцы», согласно исследованиям Андреаса Каппелера, имел более длительную историю, но с середины XVIII в. являлся коллективным понятием для обозначения нерусских народов Поволжья и Приуралья — даже тех, кто уже был обращен в православие, например, кряшен. В конце того же столетия стал использоваться, изначально применительно к народам Сибири, затем ко всем нерусским народам России, основанный на критериях образа жизни и происхождения термин «инородцы» (иной, чужой род)³. Все эти понятия использовались как в официальных документах, так и в социальном дискурсе. Связанные с ними негативные коннотации не позволяют включать их в современные исследования без кавычек кроме ситуаций прямых цитирований из документов или публикаций.

Общим местом в исследованиях старообрядчества является несовершенство статистического учета и получения более или менее точных количественных показателей по этой группе российского населения. Нежелание самих старообрядцев записываться в различные ведомости, некомпетентность чиновников и представителей духовенства, а порой сознательное искажение ими реальной информации, превратили официальную статистику о расколе в относительный исторический источник. Задача же количественной характеристики «нерусских» групп старообрядцев кажется тем более трудноразрешимой, требуя сопоставления множества фрагментарных источников, каждый из которых обладает разной степенью субъективности. Иногда

указание на этническую принадлежность удается обнаружить в следственных делах по расколу. Например, в ходе следствия 1858 г. в Казанской губернии один из опрошенных сообщил о себе: «Михаил Иванов, 44 года, из мордвы крещеный крестьянин д. Старой Эштебенькиной. С малолетства по примеру своих родителей уже умерших, я придерживаюсь раскольнической секты (поморской). Скрывая наружно, исполнял обряды Православной церкви»⁴.

Впервые перекрестные таблицы по вероисповеданию и родному языку были составлены в ходе проведения Первой Всероссийской переписи населения в 1897 г., что позволяет, по крайней мере территориально, локализовать такие группы и представить их примерное количество. Итак, материалы Первой переписи выявили наличие почти 15 тыс. старообрядцев из мордвы, если быть точными — 14 831 человек. Мордва — один из самых дисперсно расселенных народов, поэтому старообрядческие группы оказались разбросаны по довольно обширной территории и имелись практически во всех уральских и поволжских губерниях. Территориальные границы губерний, конечно же, не являлись границами конфессиональными и этническими. Старообрядческие общины, связанные общей идеологией (старообрядческим согласием) имели крепкие налаженные контакты независимо от расстояний, тем более такие контакты поддерживались в населенных пунктах, расположенных поблизости друг от друга.

Так, села Вольского (221 чел.), Хвалынского (1276 чел.), Кузнецкого (154 чел.) и Петровского (523 чел.) уездов Саратовской губернии (всего 2 174 чел.)⁵ составляли единую «этническую и конфессиональную территорию» с селами «зараженной расколом» Самарской губернии — Бугурусланского (1780 чел.), Бугульминского (136 чел.), Бузулукского (1306 чел.), Николаевского (632 чел.), Самарского (68 чел.) и Ставропольского (129 чел.) уездов (всего 6558 чел.)⁶, а также Сенгилейского (609 чел.) и Сызранского (689 чел.) уездов Симбирской губернии. В центральных уездах последней — Алатырском (507 чел.), Буинском (30 чел.), Корсунском (682 чел.)⁷ — складывались мордовско-чувашии общины. А мордовские старообрядческие поселения в Белебеевском (155 чел.) и Стерлитамакском (1149 чел.) уездах Уфимской губернии (всего 1304 чел.)⁸ были тесно связаны с Нижегородской губернией, поскольку их жители переехали на башкирские земли из Лукояновского уезда. По материалам Переписи, в этом уезде значилось еще 623 старообрядца из мордвы⁹. Переселенцы из Самарской губернии образовали еще один мордовско-старообрядческий куст поселений в Орском (577 чел.) и Оренбургском (1078 чел.) уездах Оренбургской губернии (всего 1655 чел.)¹⁰.

Численность чувашей-старообрядцев, согласно Переписи 1897 г., была совсем незначительной. Всего 122 чел., считавших родным чувашский язык, проживали в Буинском (35 чел.) и Корсунском (87 чел.) уездах Симбирской¹¹ и 294 чел. — в Хвалынском уезде Саратовской губерний¹². Исследователь Н.В. Никольский обнаружил их также в Цивильском уезде Казанской губернии¹³. Эти данные подтверждают и дополняют архивные материалы, фиксирующие в общей сложности более 500 чувашей-старообрядцев в Цивильском, Козмодемьянском и Чистопольском уездах¹⁴. Таким образом, говорить о старообрядчестве среди чувашей как о массовом явлении не приходится.

Гораздо более популярным оно оказалось среди двух групп коми-пермяков. Первая из них расселилась в Глазовском (622 чел.) и

Орловском (125 чел.) уездах Вятской губернии ¹⁵, а вторая — в Чердынском уезде Пермской губернии (1971 чел.) ¹⁶. Эти группы имели локальные названия, связанные с их географическим местоположением. Так, название «зюздинские», «зюздинцы», применявшееся для пермяков, живущих в Вятской губернии, произошло от реки Сюзьва притока Камы. Река Язьва дала название пермякам Чердынского уезда. В этих же губерниях, по материалам Переписи, выявлялись по несколько человек старообрядцев из черемис (марийцев), вотяков (удмуртов) и даже татар ¹⁷. Любопытна история каракалпачки, жившей в Шарташском «раскольничьем» скиту в 1840-х годах. Видимо, она при каких-то, теперь уже неясных, обстоятельствах была удочерена екатеринбургским мещанином Денисом Семёновым-Соколовым, после смерти которого, перешла жить к другой его дочери в скит. В ходе следствия она сообщила о себе следующее: «Марья Андреева Соколова. 43 лет. Неграмотна. Раскольница, девка, родопроисхождения из каракалпаков» ¹⁸.

Как уже было сказано выше, не следует забывать о множестве самых различных факторов, не способствовавших формированию четкой картины религиозного состава тех или иных местностей — от неповоротливости бюрократической системы учета народонаселения до нежелания представителей «неправильных» религиозных общин попадать в какие бы то ни было списки. Эти факторы обуславливали, в частности, любопытные процессы «обнаружения инославия». Так, в массиве следственных дел, заводимых против старообрядцев, с которыми автору данной публикации приходилось иметь дело, значительную часть составляют дела о «вновь обнаруженных», «выявленных», «открытых» приверженцах раскола. Например, значившиеся православными несколько семей русско-чувашской деревни Большая Юньга (Покровское) Казанской губернии «отпали в раскол» в 1850 г., однако в ходе начавшегося следствия выяснилось, что они состояли в старой вере с рождения, «по примеру своих родителей» ¹⁹. Подобные дела были заведены в этой же губернии в 1850-е гг. против крестьян в чувашско-мордовском поселении Старая Эштебенькина ²⁰ и мордовско-русском Капердино ²¹. Вообще значительная часть следственных дел против «раскольников», с которыми приходилось сталкиваться в различных архивах, содержат материалы о подобных случаях «уклонения в раскол». Все эти материалы свидетельствуют о том, что переход в «раскол» был явлением, если не многочисленным, то довольно распространенным, и это уже может служить показателем определенных настроений в «иностранческой» среде Урало-Поволжья.

Принятие старообрядческого вероучения происходило вследствие процессов интенсивных межэтнических взаимодействий, основа для которых закладывалась активными миграционными движениями. Целый ряд правительственных мероприятий в течение XVIII в., направленных на стабилизацию государственных границ, освоение обширных пустующих территорий и природных месторождений на Урале и в Сибири, способствовал активизации переселенческого движения внутри страны. Так, строительство крепостных линий, ограничивающих приток населения из Азии и Волго-Яицкого междуречья, одновременно стимулировало миграцию не только русского населения в еще слабо заселенные районы Урало-Поволжья ²². В разнонаправленные колонизационные потоки вливались и старообрядцы. Определенный контингент переселенцев проходил через систему скитских центров и связанных с ними лесных поселений на долгом пути из различных губерний России

в Поволжье и на Урал. Создание объединений на конфессиональной основе позволяло решать возникавшие перед новыми переселенцами организационные проблемы, такие как выбор мест для поселений и миграционных маршрутов, охранение прав собственности, земельных разделов и т.д. Как отмечал екатеринбургский историк В.И. Байдин, на примере коми-пермяцкого старообрядческого поселения на Верхней Язьве, религиозная самоорганизация в рамках старообрядческих соглашений в ряде случаев оказывалась гораздо более приспособленной для задач внутренней колонизации, чем официальное православие. Старообрядческие общины выступали впоследствии еще и стабилизирующим элементом функционирования сложившегося социально-хозяйственного комплекса и развития рыночных отношений. Характерно, отмечает Байдин, что староверие распространилось именно в тех деревнях, жители которых переселялись на новые земли ²³.

Вместе с тем, как показывают исследования, наиболее активное проникновение старообрядческого учения в среду финно-угорских и, частично, тюркских народов Урало-Поволжья происходило, когда переселенческие процессы уже завершались, и начиналось постепенное налаживание, а затем активизация различных хозяйственно-бытовых контактов. И здесь следует сказать о трех важных моментах: во-первых, о возможностях взаимодействий «раскольников» с «иностранцами», во-вторых, о складывавшейся необходимости и неизбежности этих взаимодействий, и, наконец, о стремлении к этим взаимодействиям с той и с другой стороны.

Возможности определялись территориальным фактором. Как правило, русские старообрядцы расселялись чересполосно, как с русскими, придерживавшимися официального православия, что чаще всего приводило к распространению «раскола» вглубь, так и с другими поволжскими народами (в этнически смешанных или близко расположенных населенных пунктах). Например, в северо-западных уездах Оренбургской губернии (Бугурусланском и Бузулукском) с появлением всего двух старообрядческих поселений в конце XVIII в. «раскол» довольно быстро прижился сначала в соседних русских селах, а затем и в находившихся в близком окружении мордовских ²⁴.

В ряде мест возможности для миссионерской деятельности старообрядцев, например, в районах расселения язьвинских и зюздинских пермяков, создавались естественно-географическими условиями — отдаленностью старообрядческих поселений от административных центров, отсутствием дорог и, как следствие, невозможностью установления над ними постоянного контроля со стороны властей ²⁵. А на горных заводах и на территории Уральского казачьего войска старообрядческие миссионеры, проживавшие в скитах, находились под негласным покровительством местного начальства, которое, либо руководствуясь соображениями выгоды, либо подкупленное щедрыми «раскольниками», наконец, в силу собственных религиозных убеждений, стало проводить более или менее лояльную политику в отношении старообрядцев ²⁶. Таким образом, умелое использование различных обстоятельств, высокие адаптационные способности старообрядцев позволяли им, с одной стороны, уклоняться от государственного надзора, а, с другой, быстро восстанавливать разрушенные в ходе антираскольничьих мероприятий структуры.

Необходимость или неизбежность контактов обуславливалась, прежде всего, фактором хозяйственно-экономическим. На уральских горнозаводских предприятиях, владельцами которых являлись старообрядцы, заинтересованные в дешевой рабочей силе, основной

контингент рабочих и мастеровых складывался из старообрядцев. Окрестное население также активно вовлекалось в промышленное производство, занимаясь выжигом и перевозкой угля, горной породы и т.д. Кроме того, горные заводы были местами сбыта продукции крестьянских хозяйств. Например, пермяки-зюздинцы выращивали на продажу либо скупали обмолоченный хлеб и продавали его на заводах Вятской и Пермской губерний²⁷. В значительной мере старообрядческим было и купечество. Поэтому через торговые контакты, через ярмарочные центры и торговые суда, «старая вера» проникала и укреплялась даже в самых удаленных регионах — в глухих лесных поселках и в крупных торговых городах, расположенных по берегам судоходных рек. Еще одну возможность поволжским «инородцам» для знакомства с «раскольниками» и их религиозными взглядами предоставляли различные отхожие промыслы, а также работа по найму в зажиточных старообрядческих хозяйствах. Так, в частности, «заразились расколом» чуваши Алатырского Присурья, о чем писал Н.В. Никольский, объясняя этим ареал распространения старой веры в Казанской губернии. Кроме того, он отмечал, что вообще сама возможность принятия «раскола» обуславливалась тем обстоятельством, что чуваше-отходники хорошо знали русский язык²⁸. И здесь возможность и необходимость превращались еще и в стремление к взаимодействию между старообрядцами и представителями поволжских народов. Этот фактор можно обозначить как социокультурный.

Знание «инородцами» русского языка способствовало их знакомству с основами христианской доктрины и делало более понятной проповедь старообрядческих миссионеров. Именно поэтому более всего приверженцев старообрядчества оказалось среди рано обрусевшей и христианизированной мордвы. Вообще языковой аспект проблемы представляется довольно интересным. Так, в одной из чувашских старообрядческих общин сложилась уникальная ситуация, когда религиозные службы уже в XX в. стали проводиться на чувашском языке, так как верующих, знакомых со старославянскими текстами, не осталось. А в коми-язьвинской группе на севере Пермского края старообрядчество способствовало консервации родного языка, и исследователи отмечали, что граница его сохранения совпадает с границами распространения старой веры. Этим вопросам уже уделялось внимание в других работах, поэтому нет необходимости здесь подробно на них останавливаться.

Упомянутые выше благоприятные условия для миссии, весьма относительные по сравнению с возможностями официальной церкви, не могли сделать старообрядческую проповедь такой популярной. Помимо старообрядческой открытости к контактам, вопреки декларируемой замкнутости, необходимо было еще и встречное движение со стороны «инородцев». Эта внутренняя готовность обращаемых в «раскол» к восприятию основных христианских идей для одних групп, например, чувашей, придерживавшихся традиционных верований, вытекала из мировоззренческого кризиса язычества, переставшего удовлетворять их духовным потребностям и социальному контексту. Об обострении этого кризиса исследователи пишут применительно к XIX веку²⁹. Включение в состав старообрядческих общин, с одной стороны, приводило к некоторой изоляции небольших семейных групп неопитов внутри деревенского социума, с другой — выводило их в более широкое социальное поле. Старообрядцы, обладавшие обширными связями в своем сообществе, помимо духовного окормления предоставляли им и другие виды взаи-

мопомощи и материальной поддержки. Например, в Садовке Стерлитамакского уезда Уфимской губернии, где жили русские и мордва, как следует из материалов следствия, имелась «общественная казна для поддержания членов своих в соблюдении их правил», чем старообрядцы «успешно привлекали к себе многих православных»³⁰.

Сближало «раскольников» и «инородцев» их общее маргинальное положение в социальной иерархии, а также конфликт, вызванный насильственными мероприятиями по христианизации. Старообрядческие миссионеры, не представлявшие интересов государства, при этом отличавшиеся мобильностью и готовностью разъяснять «темные места» святого Писания, рискуя личной безопасностью, не могли не вызывать симпатий у «инородцев», в то время, как ритуальная и бытовая практика официального православия ассоциировалась для бывших «язычников» или формально крещеных с государственным давлением. «Русские давно нашли старую веру, и мы хотим быть в старой», — отвечали миссионеру чуваша-мусульмане, для которых старообрядчество, очевидно, служило символом обретения собственной религиозной идентичности³¹.

В мордовских группах, христианизация которых произошла значительно раньше остальных, сформировалось стремление к более глубокому религиозному самовыражению и пониманию основ христианской догматики, чем могла дать официальная церковь. Неслучайны, в связи с этим, нередкие для официальных миссионерских отчетов замечания, что «от церкви отпадают самые усердные и имеющие более сознательное понятие о вере»³². Гонения, которым подвергались «раскольники», а также высокие религиозные и бытовые требования, если не исключали, то должны были серьезно ограничивать приток неофитов, принимающих только внешнюю сторону «старой веры» и православия в целом. О сознательном выборе свидетельствуют материалы архивов. Так, в том же Стерлитамакском уезде, «раскольники» д. Помряскиной оставались «непреклонными в расколе», несмотря на «пастырские убеждения к обращению в православие в продолжении трех месяцев»³³. Таких примеров множество.

В официальном дискурсе второй половины XIX — начала XX в. популярность старообрядчества среди нерусских народов представлялась несколько противоречиво. Именно в это время большое внимание в российском обществе уделялось развитию народного образования и просвещения, и было распространено мнение, объяснявшее влияние старообрядчества на крестьянское население неграмотностью последнего³⁴. Как правило «склонным к расколу инородцам» в публикациях о старообрядчестве приписывались невежество и поверхностное понимание основ христианской веры. Авторы не смущало, что, несмотря на формальное отношение к православным таинствам, бывшие язычники демонстрировали настойчивое стремление к их исполнению, и именно это обстоятельство толкало их к «расколоучителям». Так, миссионер из Вятской губернии Николай Блинов писал о пермяках Глазовского уезда: «Ближе всего допустить, что недовольные редким посещением своих пастырей, при частовременных нуждах своих духовных, они не знали, как им выйти из своего затруднительного положения. И вот, когда к ним, в их леса и дебри, явились расколоучители с обещанием всяких льгот и удобств, они, то есть православные христиане, нетвердые в христианстве, неготовые к ответу вопрошающему, а больше всего вынужденные своим положением, приняли расколоучителей, как спасителей своих, и ухватились за раскол»³⁵.

По материалам современных исследований, именно упомянутое «настойчивое стремление» к соблюдению религиозных норм, укрепленное семейно-родственными связями, является основным фактором самосохранения старообрядческих общин. Хотя идеологическое давление советского периода и серьезные трансформации общественной жизни во многом способствовали ослаблению религиозного сознания старообрядцев из мордвы, коми-пермяков и чувашей, что в ряде случаев приводило либо к полному отходу от веры, либо возвращало их в лоно официальной церкви.

Таким образом, восприятие поволжскими народами различных направлений старообрядчества существенно разнообразило этноконфессиональную мозаику населения Урало-Поволжья, усложняя межконфессиональное и межэтническое, а также внутриэтническое взаимодействие в регионе. Распространение старообрядчества являлось важным показателем религиозных настроений среди поволжских народов, с одной стороны, переживавших мировоззренческий кризис «язычества», но не желавших приобщиться к христианскому или мусульманскому большинству, с другой, стремившихся адаптироваться к историческому и социальному контексту. Религиозное чувство всегда выступало одной из базовых составляющих, а также фактором формирования этнического самосознания. Однако восприятие старообрядчества не приводило к немедленному обрусению «инородцев», так как христианская доктрина допускала существование отличной от русских этничности, и религиозное самосознание сосуществовало с общеэтническим и языковым.

Примечания

1. ВЕРТ П. Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской Империи. М. 2012, с. 45.
2. ВЛАСОВА В.В. Старообрядческие группы коми: конфессиональные особенности социальной и обрядовой жизни. Сыктывкар. 2010; ЧУВЬЮРОВ А.А. Локальные группы коми Верхней и Средней Печоры: проблемы языковой, историко-культурной и конфессиональной самоидентификации. Автореф. дисс. канд. ист. наук. СПб. 2003; ФИШМАН О.М. Жизнь по вере: тихвинские карелы-старообрядцы. М. 2003.
3. КАППЕЛЕР А. Как классифицировали русские источники XVI — середины XIX вв. этнорелигиозные группы Волго-Уральского региона. В кн.: Исповеди в зеркале: Межконфессиональные отношения в центре Евразии (на примере Волго-Уральского региона XVIII—XXI вв.). Нижний Новгород. 2012, с. 32—33.
4. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 1431, оп. 1, д. 1314, л. 14.
5. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XXXVIII. Саратовская губерния. 1904, с. 82—97.
6. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XXXVI. Самарская губерния. 1904, с. 60—77.
7. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XXXIX. Симбирская губерния. 1904, с. 64—75.
8. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XLV. Уфимская губерния. Тетрадь 2. 1904, с. 42—57.
9. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XXV. Нижегородская губерния. Тетрадь 1. 1904, с. 70—82.
10. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XXVIII. Оренбургская губерния. 1904, с. 58—71.
11. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г., т. XXXIX, с. 70, 72.

12. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XXXVIII. Саратовская губерния. 1904, с. 94.
13. НИКОЛЬСКИЙ Н.В. Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI—XVIII веках. Исторический очерк. — Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии. Т. XXVIII. Казань. 1912, с. 214—215.
14. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ), ф. 4, оп. 131, д. 5, л. 300, 309, 313, 316.
15. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. X. Вятская губерния. 1904, с. 98, 110.
16. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XXXI. Пермская губерния. 1904, с. 121.
17. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г., т. X, с. 90.
18. РГАДА, ф. 1431, оп. 1, д. 2685, л. 8—8об.
19. Там же, д. 1239.
20. Там же, д. 1166.
21. Там же, д. 1279.
22. КУЗЕЕВ Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. М. 1992, с. 140—141.
23. БАЙДИН В.И. Начальный период истории Верх-язьвинских скитов (к вопросу о распространении староверия среди финно-угров). В кн.: Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России. Пермь. 1999, с. 198—199.
24. Этноконфессиональные меньшинства народов Урало-Поволжья: монография. Самара. 2010, с. 173.
25. ЧАГИН Г.Н. Коми-язьвинские пермяки в этническом и социальном измерении. В кн.: Коми-язьвинцы и историко-культурное наследие Прикамья. Пермь. 2002, с. 13.
26. ПОКРОВСКИЙ Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск. 1974, с. 84; ЮДИН П.В. В Сыртовских дебрях (Очерк из прошлого уральского старообрядчества). — Русская старина. 1896, № 1, с. 113.
27. Раскол в северной полосе Глазовского уезда. Из отчета Глазовского миссионера протоиерея М. Формановского за 1879 год. — Вятские Епархиальные Ведомости. 1880, № 10.
28. НИКОЛЬСКИЙ Н.В. Ук. соч., с. 212.
29. ЯГАФОВА Е.А. Исламизация чувашей в Урало-Поволжье в XVIII—XX вв. В кн.: Русский язык в тюркско-славянских этнокультурных взаимодействиях. М. 2005, с. 257.
30. РГАДА, ф. 1431, оп. 1, д. 3993, л. 13.
31. МАЛОВ Е.А. Миссионерство среди мухаммедан и крещеных татар. Сб. статей. Казань. 1892, с. 167.
32. Цит. по: РЯЖЕВ А.С. Иргизские старообрядческие общины во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Дисс. канд. ист. наук. М. 1995, с. 167.
33. РГАДА, ф. 1431, оп. 2, д. 4174, л. 2.
34. ЕРШОВА О.П. Развитие законодательной системы в области раскола в 50—60-е годы XIX в. Материалы конференции: Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 2. 1995, с. 30.
35. БЛИНОВ Н. Инородцы северо-восточной части Глазовского уезда. — Вятские губернские ведомости. 1865, № 59.

Переселенческое движение крестьянства аграрного центра России в конце XIX — начале XX в. (по материалам Орловской губернии)

Н.А. Жиров

Аннотация. Актуальность исследования аграрной миграции крестьянства Центральной России в позднеимперский период связана с недостаточной изученностью этого процесса в рамках отдельных регионов и отсутствием работ по Орловской губернии. В публикации на основании широкого архивного материала подробно изучена аграрная миграция крестьянства Орловской губернии в позднеимперский период столыпинских преобразований. В ней рассматриваются факторы, влиявшие на процесс переселения, и дается характеристика мест вселения.

Ключевые слова: аграрная миграция, крестьянство, Российская империя, Орловская губерния, сельское хозяйство.

Abstract. Actuality of the research of agrarian migration of the central Russia peasants in the late-imperial period is connected with insufficient study of this process within the frames of separate regions and with the absence of works on Oryol province. The publication studies in detail the agrarian migration of Oryol province peasants in the late-imperial period of Stolypin reforms on the basis of vast archives materials. The work deals with the factors affecting the process of migration and gives characteristics of installation places.

Key words: agrarian migration, peasantry, Russian empire, Oryol province, agriculture.

Миграции являются естественной частью демографического поведения населения. В их основе лежит стремление человека к освоению новых территорий, как правило, с лучшими условиями проживания. Одной из наиболее массовых является аграрная миграция, свойственная традиционным или только переходящим в индустриальную стадию развития обществам. Модернизация России на рубеже XIX—XX вв. не могла обойти стороной сельское хозяйство и занятое в нем крестьянство¹. Российская империя, обладая гигантскими сухопутными пространствами, на протяжении столетий не испытывала серьезных проблем с расселением растущего населения. Колонизация Центрально-Черноземного, а затем Южного регионов и степных просторов Новороссии была планомерным процессом, регулируемым со сторо-

---

Жиров Николай Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. E-mail: zhirov-nikolai@mail.ru.

Zhirov Nikolai A. — PhD (History), associate professor at the Yelets State University named after I.A. Bunin. E-mail: zhirov-nikolai@mail.ru.

ны государства. Эти внутренние области империи отличались приемлемыми природно-климатическими условиями для развития земледелия, но их земельный фонд к началу XX в. в значительной степени был исчерпан, а потребность в переселении только увеличивалась. Сибирские и Дальневосточные земли заселялись очень медленно как по причине их удаленности от Европейской части России, так и неблагоприятных природно-климатических условий для земледелия, кроме довольно узкой полосы, тянущейся от Южного Урала до Приморья.

Учитывая эти факты, актуальность исследования связана с поиском ответов на вопросы о причинах стремления крестьян освоить эти суровые земли и самом характере заселения новых территорий в конце XIX — начале XX века. Целью исследования является изучение особенностей процесса аграрной миграции орловского крестьянства в позднеимперской России. Особая актуальность данной темы состоит в том, что отдельного исследования аграрной миграции в обозначенный период времени из Орловской губернии на данный момент не существует.

Долгое время в отечественной историографии изучение переселенческого движения, в том числе в рамках столыпинских преобразований, в большей степени осуществлялось на общероссийском уровне, реже — на примере отдельных регионов². В современной российской исторической науке наметился рост числа исследований отдельных явлений в аграрной миграции, стала развиваться регионализация этой научной тематики³. На данный момент очевидно преобладание исследований регионов Сибири как мест вселения мигрантов из Европейской части России⁴. Ощутим интерес к этой тематике и в изысканиях иностранных коллег⁵.

Основная методика работы заключалась в комплексном изучении обширного архивного материала, хранящегося в Государственном архиве Орловской области по теме аграрного переселения из бывшей Орловской губернии. В качестве основного источника были использованы материалы делопроизводства и отчеты губернской и уездных землеустроительных комиссий, их переписка с губернской и уездными земскими органами власти, а также документы канцелярии губернатора и т.д.⁶

В фондах содержатся материалы переписки уездных землеустроительных комиссий с губернской о распределении душевых долей для крестьян-переселенцев в сибирских областях, переписка орловского губернского управления земледелием и землеустройством с заведующим переселенческим делом в Енисейской, Забайкальской, Амурской и Приморской областях. Имеется статистика по годам о переселившихся из губернии в Сибирь крестьянах. Основным видом документов фондов уездных землеустроительных комиссий являются прошения крестьян в канцелярию орловского губернатора о бесплатном проезде по железной дороге до предназначенных переселенцам земельных участков, делопроизводство волостных правлений, земских начальников и т.д.

Главной причиной аграрного переселения из Центрально-Черноземного региона, в том числе и Орловской губернии, являлось так называемое крестьянское малоземелье, а если быть точнее — малопродуктивное сельское хозяйство, вследствие устаревшей модели

пользования землей (общинная чересполосица) и способов ее обработки (трехполье, ручной труд) ⁷. На рубеже XIX—XX вв. уровень распахки территории Орловской губернии приблизился к критическому уровню и достиг 84%.

За период с 1877 по 1905 г. у владельческих крестьян рассматриваемой губернии земельный надел сократился в среднем с 8,3 до 5,9 дес., а у государственных — с 11,6 до 8,3 десятины. При этом ухудшалось плодородие земли, усиливались эрозионные процессы.

Демографический бум начала XX в. усложнял и так непростое социально-экономическое положение сельского населения. Например, для Орловской губернии, как одной из наиболее густонаселенных аграрных областей (49,5 чел. на кв. версту), с ее 2 млн жителей естественный прирост населения ежегодно составлял от 35 до 45 тыс. человек. Таким образом, высокие темпы роста населения в сочетании с устаревшими способами хозяйствования вели к экологическому, социальному и экономическому кризису в аграрном центре страны ⁸.

Традиционным для российской внутриэкономической стратегии выходом из сложившейся ситуации была внутренняя колонизация слабозаселенных территорий. Но к 1890-м гг. практически весь свободный земельный фонд, кроме азиатских пространств Сибири и Дальнего Востока, фактически был исчерпан. Переселение в эту часть страны было долгое время осложнено отсутствием железнодорожных путей, дороговизной самого переезда, сложностью обустройства в условиях сурового климата, отсутствием рынков сбыта продукции и т.д.

Зажиточная и средняя прослойки земледельцев явно не торопились с освоением новых территорий, а наиболее бедная часть сельского социума не могла себе этого позволить по финансовым соображениям. Но ряд неурожайных и голодных лет, особенно 1891—1892 гг., вынудил крестьян изменить свою точку зрения, и со второй половины 1890-х гг. начался поступательный рост переселенцев с территории Орловской губернии на свободные земли Южного Зауралья и Западной Сибири.

Реализация аграрной миграции, набравшей популярность на рубеже XIX—XX вв., стала предметом дискуссий местного чиновничества, так как закон предписывал переселение за свои средства. Например, в 1898 г. в Ливенском уездном земском собрании гласным от крестьян Н.П. Ефановым было внесено предложение о возбуждении перед правительством ходатайства о предоставлении права переселения малоземельным крестьянам в Сибирь. В его докладе говорилось, что в течение нескольких последних лет по Хмелевской волости, в которой он состоял старшиною, переселились более 10 семейств в Сибирские губернии, еще больше людей отправилось туда осматривать земли для переселения. Это были крестьяне среднего достатка, трудящиеся, хорошие хозяева. «При усиленном переселении таких крестьян, может случиться, что в обществе останутся только бедняки и зажиточные сельские богачи. И те и другие являются злом... богатый крестьянин всеми способами опутывает бедного, истощая у него последние соки, а бедняк, обремененный семьей и закабаленный богачом, не в состоянии вести свое хозяйство, в конце концов, становится тунеядцем и пьяницей» ⁹. Ливенское уездное собрание оставило вопрос открытым, так как он требовал проработ-

ки. Аналогичный подход к решению проблемы наблюдался и в остальных уездах.

К началу XX в. кризис в крестьянском земледелии стал хроническим. Примером может служить общий обзор сельского хозяйства в том же Ливенском уезде за 1901 год. «Ни каких улучшений в крестьянском хозяйстве не происходит, а отдельные успехи у частных владельцев довольно редки. Население уезда по сравнению с предыдущими годами становится беднее и его платежеспособное состояние и экономическое развитие подорвано... Не успев окрепнуть после голодовок 1890-х гг. крестьяне вновь разорены»¹⁰. Подобная картина была характерна для всей территории губернии.

Аграрное движение в годы первой русской революции захлестнуло центральные регионы России, в том числе Орловскую губернию. Крестьянство требовало земли, снижения арендной платы за частновладельческие угодья и т.д. Уже весной 1906 г. в рамках столыпинских преобразований была запущена государственная программа переселения сельских жителей в слабозаселенные регионы Сибири и Дальнего Востока. С самого начала ее реализации число желающих переселиться за пределы губернии оказалось большим, чем предполагалось изначально.

В начале 1907 г. Орловская губернская землеустроительная комиссия совместно с уездными комиссиями занялась вопросом установления общей однообразной нормы количества земли у крестьян Орловской губернии с целью выяснения реальной ситуации по вопросу наиболее нуждавшихся в переселении жителей села.

В качестве примера можно использовать расчеты по Дмитровскому уезду Орловской губернии. На 1 двор приходилось около 1,5 мужских душ рабочего возраста. По мнению комиссии, в черноземной полосе при продолжительности рабочего времени в 6 месяцев, на одного средней силы рабочего приходилось 10 десятин земли лугов и пашни для возделывания, а на двор — 15. Эта норма была признана средней для правильного ведения самостоятельного хозяйства. «Для благосостояния семьи и ведения правильного самостоятельного хозяйства следует определить норму в 15 десятин, то для существующих в уезде 23 777 дворов потребуется 356 655 дес., а их в уезде всего 268 323. Из этого следует, что для удовлетворения крестьян землею не хватит площади всего уезда. Земли нет для 9451 двора, которые стоит переселить из уезда»¹¹.

В переселении нуждалась значительная часть сельских труженников. Конкретное число аграрных переселенцев в уездах зависело от количества жителей, половозрастного состава семьи, степени занятости в сельском хозяйстве, возможности заработков на стороне и т.д. Важную роль играла позиция местных органов власти, начиная от волостного правления до уездных землеустроительных комиссий.

Основными районами вселения орловских земледельцев являлись Тобольская, Томская, Енисейская, Иркутская и Акмолинская губернии. Значительная часть крестьянского населения пыталась обосноваться в уже обжитых местах, имевших дороги и более-менее развитую инфраструктуру. Но этим требованиям, несмотря на то, что площадь Сибири огромна, соответствовала лишь узкая полоса примерно в 300—400 верст по обе стороны Транссибирской железной

дороги. Уже к 1908 г. нежелательными местами приписки к старожильческим крестьянским обществам считались: Ишимский, Ялуторовский, Курганский, Тюкалинский уезды Тобольской губернии; Бийский, Томский и северная часть Барнаульского уезда Томской губернии, Акмолинская губерния полностью не была рекомендована для заселения из-за увеличения плотности населения и угрозы малоземелья местных жителей. Кроме того 80% направленных туда в предыдущие несколько лет столкнулись с проблемами приписки к старожильческим обществам ¹².

Орловским крестьянам для заселения старожильческих районов были рекомендованы Минусинский, Агинский (южная часть) и Канский (южная часть) уезды Енисейской губернии, а также Нижне-Удинский и северная часть Балаганского уезда Иркутской. Вселение на необжитые целинные степные и таежные земли во всех губерниях Сибири было открыто для всех переселенцев, в том числе и самовольных.

Проблема приписки к старожильческим обществам стояла довольно остро, причем как для самовольных, так и для легальных переселенцев. Согласно статье № 13 Правил переселения от 1906 г., присоединение переселенцев к старожильческим обществам разрешалось крестьянским начальником по крестьянским приговорам в соответствии с земельным обеспечением местных жителей. Нормой считались 15 дес. земли на мужскую душу, поэтому нередко приемные приговоры на переселенцев, уже устроившихся в селе, отклонялись. Это явление противоречило закону и существенно нарушало права переселенцев, потративших свои средства на обустройство.

В переписке с губернским правлением земский отдел МВД подчеркивал, что «норма в 15 десятин — это максимальный предел и везде существовали свои местные нормы: в Верхотурском уезде 4—8 дес., Алтае — 10—12 дес., 10—15 в других степных и лесостепных районах Сибири. 15 десятин отводится только для таежных северных районов. Поэтому действия местных крестьянских начальников противоречат мнению правительства» ¹³. Переселенцы, приписавшись к старожильческим обществам, устраивались своими силами, платили «вступительные деньги», превышавшие порой 50 руб. с души. С постепенным уменьшением колонизационного фонда, увеличением населения, введением частной собственности на землю переселение в уже обжитые районы должно было осложняться.

Уникальные сведения о характере аграрного переселения представлены в отчете уполномоченного Орловского губернского земства Н.Н. Позднякова, лично посетившего Западную Сибирь с целью ознакомления с землями колонизационного фонда, предназначенного для переселенцев из губерний Европейской части России. По его мнению, самыми лучшими землями для колонизации являлись отрезки от старожильческих селений, славившихся плодородием и мягким климатом. Все эти земли были очень желанны и, как правило, захватывались самовольно.

Аграрная миграция уже с 1907 г. столкнулась с проблемой неконтролируемого движения самовольных крестьян-переселенцев, не попавших в квоту по государственной программе переселения. Для этой категории мигрантов также отводились земли. Например, к октябрю 1907 г. для них было выделено 19 996 долей, и к июню 1908 г.

переселилось 39 565 мужчин и 35 540 женщин. Поздняков указывал, что, несмотря на осеннее время, число «самовольцев» только увеличилось, и подсчитать их количество было невозможно. Только в Алтайском округе Томской губернии проживало около 30 000 душ мужского пола, ждавших заселения. «Таким образом, рассчитывать на большой колонизационный фонд не приходится из-за захвата земли самовольцами и медленной работы землеустроительных комиссий»¹⁴.

Крестьяне отдельных селений массово подавали прошения о выдаче им ходаческих свидетельств для ознакомления с земельным фондом сибирских губерний. Количество потенциальных переселенцев было велико, например, в Елецком уезде к 1909 г. в части населенных пунктов их число достигало половины всех жителей. И хотя удовлетворить просьбы крестьянства было сложно из-за ограниченности земель колонизационного фонда, число аграрных мигрантов уверенно росло (если в 1906 г. за Урал в целом из губернии переселилось 373 семьи или 2188 чел., то в 1907 г. — 2496 семей или 16 143 чел., в 1908 — более 4000 семей с общим количеством мигрантов 27 194)¹⁵. В отдельных уездах исследуемого региона ситуация была примерно одинаковой.

Из сведений за 1908 г. о потребности в переселении отдельных губерний Европейской России видно, что спрос на переселенческие участки был неравномерным. От желавших переселиться в Томскую и Тобольскую губернии, а также в 4 степные — Тургайскую, Уральскую, Акмолинскую и Семипалатинскую — было подано 840 000 заявлений при имевшемся запасе в 135 000. Орловским крестьянам было предоставлено для переселения 5700 долей, что составляло только 13,7% от всех заявлений о переселении в Западную Сибирь. В это же время в Енисейской, Иркутской губерниях, Забайкальской, Приморской и Амурской областях было заготовлено достаточное количество долей для всех желающих переселиться в эти районы (177 000 душ мужского пола). При этом для орловских переселенцев с 1908 г. сохранялась квота в 9620 долей в Енисейской и Приморской областях¹⁶. В целом для Орловской губернии требовалось 48 474 душевых долей для переселения в Сибирь, поэтому процесс грозил затянуться как минимум на 10 лет (без учета естественного прироста населения).

Одной из целей столыпинской переселенческой программы было снижение плотности сельского населения в аграрных регионах страны. Этот процесс в Орловской губернии характеризуют данные о динамике количества переселявшегося за Урал крестьянства¹⁷. Согласно полученным данным, количество аграрных мигрантов в процентном отношении к общей численности губернии составляло довольно незначительную часть. В 1900 г. — 0,2%, в 1901 г. — 0,1, в 1902—1903 гг. — 0,06%. В 1905 г. число переселенцев снизилось до уровня математической погрешности — 0,008%. С 1906 г. их количество стало уверенно расти: до 0,7% в 1907 и 0,9% в 1908 годах.

Таким образом, процесс переселения в Орловской губернии до 1906 г. имел небольшой эффект сокращения плотности сельского населения региона и составлял десятые доли процента от общего количества жителей. С 1907 г. наметилось поступательное увеличение процента переселенцев, но они не перекрывали даже естественный прирост населения. Например, с 1900 по 1906 г. переселенцы составили в

среднем около 5% от уровня естественного прироста населения, а в пик переселения — 1908 г. — эта цифра составила около 58%. Соответственно, чтобы снизить рост населения губернии, было необходимо резко увеличить число переселенцев, но у государства таких возможностей не было.

Согласно статистическим сведениям Челябинского переселенческого пункта, наиболее вовлеченными в процесс переселения оказались Черниговская (в 1906 г. мигрировало 9022 чел., в 1907—1908 гг. по 45 000 соответственно) и в меньшей степени Орловская и Тамбовская губернии (в 1906 г. выехало 2200 и 2518 чел., в 1907 — чуть более 16 000 из каждой, в 1908 — более 23 000 в среднем). Крестьянство неземледельческих губерний, например Калужской и Смоленской, было в меньшей степени заинтересовано в переселении, так как для них не только земледелие играло роль в созидании материального благополучия. Например, из Калужской губернии за 3 года, с 1906 по 1908 гг., в Сибирь мигрировало всего 13 662 крестьянина.

Обратные переселенцы, не учтенные в приведенной статистике, составляли до $\frac{1}{3}$ переселявшихся крестьян, что совпадает с данными соседних губерний, например, Тамбовской¹⁸. Причины оттока переселенцев на родину были разные: суровые климатические условия, невозможность официально приписаться к обществам местных жителей, финансовое разорение вследствие ряда неурожайных лет и т.д.

Очевидно, что переселить избыточное население из Центральной России в Сибирь и на Дальний Восток в рамках реализуемой программы было практически невозможно. Требовались новые способы решения проблемы, а на это не хватало ни экономических ресурсов, ни политической воли.

Переселение в суровые природно-климатические условия Сибири являлось очень сложным процессом, требовавшим мобилизации всех материальных ресурсов крестьянина, физических и психологических возможностей человека. Не у всех получалось справиться с реалиями новой жизни, и поэтому значительная часть переселенцев была вынуждена вернуться обратно. Аграрная миграция в исследуемый период, несомненно, сыграла значительную роль в решении социально-экономических проблем русской, в том числе орловской, деревни, но это был лишь кратковременный эффект в снижении демографической нагрузки на природные ресурсы (в первую очередь пахотные угодья). Это обстоятельство неминуемо вело к дальнейшему обострению земельного вопроса в губерниях аграрного пояса Центральной России. Столыпинская реформа смогла частично смягчить, но не решить полностью аграрный кризис в русской деревне.

Примечания

1. АЛЕКСЕЕВ В.В. Государство как актор модернизации России на рубеже XIX и XX вв. — Уральский исторический вестник. 2015, № 4 (49), с. 6—15.
2. ГОЛОВИН А.Ю., СОЛОМАТИН Е.Н. Исторические особенности столыпинской аграрной реформы в центральной России. — Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2013, № 4, с. 86—95; КУРЦЕВ А.Н. Особенности переселений российского крестьянства за 1861—1917 гг. на примере Центрально-черноземного региона. — Вестник Томского государственного университета. 2008, № 8, с. 303; ТЮКАВ-

- КИН В.Г. Великоорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М. 2001; ЧУРКИН М.К. Миграционное поведение российского крестьянства во властном и общественно-политическом дискурсе второй половины XIX — начала XX вв. — Вестник Томского государственного университета. История. 2015, № 3 (35), с. 21—29.
3. ИНОЗЕМЦЕВ И.В. Миграции крестьян Воронежской губернии в 1861—1914 гг. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Воронеж. 2005; КАРПАЧЁВ М.Д. Воронежская деревня в начале XX в.: социальный облик в условиях перестройки аграрных отношений. — Вопросы истории. 2016, № 7, с. 3—27; ЕГО ЖЕ. Столыпинская реформа в Воронежской губернии: итоги и уроки аграрного реформирования. В кн.: Общественная жизнь в Центральной России в XVI—XX веках. Воронеж. 1995, с. 157—177; CHURKIN M.K., TOKMURZAYEV B.S., SIRBAYEVA A.A. Relations between settlers and indigenous population of the steppe territory in colonisation process during the second half of XIXth — early XXth centuries. — Былые годы. Российский исторический журнал. 2016, № 1 (39), с. 155—165.
  4. БЕЛЯНИН Д.Н. Столыпинская переселенческая политика в Томской губернии (1906—1914 гг.) Кемерово. 2003; ПОЖАРСКАЯ К.А. Столыпинские переселенцы на Алтае: хозяйственное обустройство и социокультурная адаптация: Автореф. дисс. канд. ист. наук. Барнаул. 2009; LIKHACHEV E.N., PUSTOVETOV G.I., LIKHACHEVA A.E. Evolution of the Planning Organization of Peasant Farmers in Western Siberia the middle of XIX — early XX century. — Былые годы. Российский исторический журнал. 2017, № 4 (46), с. 1386—1394. DOI: 10.13187/bg.2017.4.1386.
  5. ДОРОЖКИН А.Г. Столыпинская аграрная реформа в оценках современной германской историографии. — Отечественная история. 2006, № 2, с. 116—135.
  6. В Государственном архиве Орловской области (ГА ОО) наиболее информативный пласт документов по теме крестьянского переселения содержится в фонде губернской земской управы (ф. 525) и губернской землеустроительной комиссии (ф. 34). Отдельные разрозненные документы имеются в фонде Орловского губернатора (ф. 580).
  7. ДАВЫДОВ М.А. Очерки аграрной истории России в конце XIX — начале XX вв. (По материалам транспортной статистики и статистики землеустройства). М. 2003; NIKOLASCHIN V.P. Models and forms of agrarian production in Russia in the late of 19th and in the first half of 20th century. — Ecology, Environment and Conservation. 2015, t. 21, p. AS23-AS28.
  8. ZHUKOV D., KANISHCHEV V., LYAMIN S. Fractal modeling of Historical demographic processes. — Historical Social Research. 2013, t. 38, № 2, p. 271—287.
  9. Государственный архив Орловской области (ГА ОО), ф. 525, оп. 1, д. 143, л. 18—18об.
  10. Там же, ф. 580, оп. 2, д. 2847, л. 8—8об.
  11. Там же, ф. 34, оп. 1, д. 9.
  12. Там же, д. 131, л. 8—9.
  13. Там же, д. 50, л. 123об.
  14. Там же, ф. 525, оп. 1, д. 226, л. 11.
  15. Там же, ф. 34, оп. 1, д. 131.
  16. Там же, л. 33.
  17. Там же, ф. 525, оп. 1, д. 226, л. 11; д. 675.
  18. БЕЗГИН В.Б., ТОКАРЕВ Н.В. Обратное переселение тамбовских крестьян в период столыпинских преобразований. XXXV Сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы «Аграрное освоение и демографические процессы в России X—XXI вв.». 20—23 сентября 2016 г. Уфа. с. 130—132.

Нефтяной фактор в истории Азербайджана

А. Мехтиев

Аннотация. Публикация посвящена роли нефтяного фактора в истории Азербайджана в конце XIX—XX веке. Отмечается значение отмены откупной системы, обусловившей интенсивный приток отечественного и иностранного капитала в нефтяную отрасль, и внедрение новой техники. В результате произошел промышленный переворот и первый нефтяной бум в Баку. После этого нефтяной фактор доминировал в социально-экономической жизни Азербайджана в течение XX столетия. Экономический кризис в конце XX в. сильно ударил и по нефтяной промышленности, но благодаря «Контракту века», заключенному в 1994 г. с иностранными компаниями, наступил второй нефтяной бум в Азербайджане, который способствовал возрождению экономики и укреплению международных позиций страны.

Ключевые слова: бакинские нефтяные промыслы, отмена откупной системы, второй нефтяной бум, нефтяной фактор в истории, «Контракт века», иностранные компании в Азербайджане.

Abstract. The publication is devoted to studying the role of the oil factor in the history of Azerbaijan at the end of XIX—XX century. It notes the importance of the buyout system's cancellation, which caused intensive inflow of domestic and foreign capital into the oil industry and the introduction of new technology. Consequently, there occurred an industrial revolution and the first oil boom in Baku. Thereafter, the oil factor dominated the social and economic life of Azerbaijan during the XX century. The economic crisis in the late XX century hit hard the oil industry. Owing to the "Contract of the Century", concluded with foreign companies in 1994, the second oil boom happened in Azerbaijan, which contributed to the economic revitalization and the strengthening of the international standing of the country.

Key words: Baku oil fields, buyout system cancellation, the second oil boom, a role of the oil factor in history, "Contract of the Century", foreign companies in Azerbaijan.

Нефтяная отрасль в Азербайджане имеет древнюю историю, но топливно-энергетические ресурсы стали играть важную роль в социально-экономической и политической жизни страны лишь начиная с последней четверти XIX в., когда под воздействием реформ в Рос-

---

Мехтиев Арастун — кандидат исторических наук, доцент Бакинского государственного университета. E-mail: mehdiyev-arastun@yahoo.com.

Mehdiyev Arastun — PhD (History), associate professor at the Baku State University. E-mail: mehdiyev-arastun@yahoo.com.

сийской империи происходили глубокие преобразования в различных сферах экономики. Отмена консервативной откупной системы в 1872 г., устранившая монополию на добычу нефти, создала благоприятные условия для интенсивного притока отечественного и иностранного капитала в эту отрасль. Развитие предпринимательства, ускорив процесс внедрения новой техники, увенчалось промышленным переворотом, произошедшим на нефтяных промыслах в последней четверти XIX века ¹. Эти коренные изменения обусловили начало первого нефтяного бума на Апшероне.

Технические усовершенствования стимулировали процесс нефтедобычи и развитие нефтяной инфраструктуры. Ряд нововведений, в том числе повсеместная замена перевозки нефти на повозках бочками ее транспортировкой по трубопроводу, соединяющему промыслы, заводы и морскую пристань, ввод в строй вагонов-цистерн и танкеров непосредственно связаны с именами братьев Нобелей, совершивших настоящую революцию в нефтяной промышленности.

Создав эффективную систему нефтяной торговли и вытеснив, благодаря производственным мощностям бакинских заводов, американский керосин с российского рынка в 1883 г., Нобели вместе с Ротшильдом в последующие годы непрерывно увеличивали экспорт данного нефтепродукта из Баку с целью занять ведущее место на рынках Европы и Азии ². Строительство железной дороги Баку — Батуми в 1883 г., а также ввод в эксплуатацию керосинопровода между Баку и Батуми в 1907 г. создавали благоприятные условия для вывоза нефтепродуктов из бакинских заводов на мировые рынки сбыта.

Быстрый рост спроса на нефтепродукты вкупе с дешевой рабочей силой и богатыми нефтяными ресурсами обусловили увеличение притока иностранных инвестиций, в частности английского капитала, в бакинские промыслы в конце XIX века ³.

Модернизация промышленной техники, с одной стороны, и беспощадная эксплуатация продуктивных месторождений — с другой, привели к резкому росту нефтедобычи. Неслучайно, что по уровню добычи бакинский нефтяной район догнал США в 1894 г., а вскоре после этого обеспечил себе позиции мирового лидера в этой сфере вплоть до 1901 года ⁴. На 1894 г. пришелся рекордный объем нефтедобычи в Баку — 12,2 млн т, который в последующий период сменился резким падением ввиду социально-экономических и политических причин разрушительного характера — мирового экономического кризиса 1900—1903 гг. и первой русской революции 1905—1907 годов.

В начале XX в., несмотря на затяжную форму экономического кризиса в России и его тяжелое влияние на нефтяную промышленность, мировая значимость нефти как энергоносителя неуклонно возрастала и стала играть важную стратегическую роль в мировой экономике.

Как отмечали исследователи, «формула “нефть — сила” уже нашла свое подтверждение на полях сражений первой мировой войны. После войны началась новая эра в отношениях нефтяных компаний и государств. Если нефть, с одной стороны, означала силу, то с другой, она являлась символом суверенитета, а это неизбежно приводило к противоречиям между целями нефтяных компаний и нацио-

нальными интересами государств, к конфликту, которому предстояло стать неизменной чертой международной политики»⁵.

Невозможно отрицать, что нефтяной фактор был не только одной из причин развязывания первой и второй мировых войн, но и сыграл важную роль и в послевоенном восстановлении и развитии экономики. Долгое время азербайджанская нефтяная промышленность являлась одной из ведущих отраслей в экономике Российской империи и Советского Союза. Об этом наглядно свидетельствует тот факт, что несмотря на сложные условия, сложившиеся в первый год Великой Отечественной войны, в Баку было добыто рекордное количество нефти — 23,5 млн т, что составляло 71,2% общесоюзной добычи. В целом же из добытых в годы войны (1941—1945) в Советском Союзе 110 млн тонн нефти на долю Баку приходилось 75,2 млн т (68%)⁶.

Следует отметить, что, благодаря нефтяным ресурсам, Баку в конце XIX — начале XX в. превратился в крупный промышленный центр. Наряду с нефтяными предприятиями в городе были построены машиностроительные, металлургические, судоремонтные и другие заводы. В период первого нефтяного бума были созданы архитектурные ансамбли, которые определили облик города вплоть до падения советской власти.

Однако социально-экономический и политический кризис, охвативший СССР, нанес серьезный урон и нефтяной промышленности. Поддержание стабильного уровня добычи нефти в этих сложных условиях не представлялось возможным. Поэтому Азербайджан с согласия Москвы в 1989—1990 гг. приступил к переговорам с ведущими нефтяными компаниями мира о совместной разработке новых нефтяных месторождений в акватории азербайджанского сектора Каспийского моря. Обсуждения условий договора были весьма трудными и, растянувшись на долгие годы, продолжались и после распада СССР. Наконец, 16 сентября 1994 г. президент Азербайджанской Республики Гейдар Алиев на брифинге, проведенном в связи с подготовкой к заключению нефтяного договора, заявил о завершении переговоров с иностранными компаниями и намерении подписать нефтяной контракт 20 сентября в Баку⁷.

В процессе подготовки данного контракта Азербайджан приложил усилия для защиты не только своих экономических, но и политических интересов и укрепления собственных международных позиций. Участие в контракте компаний США, Западной Европы, а также соседних государств — России и Турции — следует расценивать как сбалансирование Азербайджаном напряженной геополитической обстановки, сложившейся в Каспийском бассейне.

Стоит отметить, что стран, проявлявших интерес к сотрудничеству с Азербайджаном в области нефтедобычи и стремившихся подписать данное соглашение, оказалось еще больше. Если указом президента Азербайджанской Республики от 14 сентября 1994 г. об итогах переговоров с консорциумом иностранных нефтяных компаний было утверждено участие в контракте девяти компаний, представлявших пять зарубежных стран, то до церемонии подписания документа к нему присоединилась и компания «Дельта-Нимир», представлявшая Саудовскую Аравию. Эта компания, купив 15% доли «Юнокал», заняла место в консорциуме с 1,68-процентным долевым участием⁸.

Наконец, 20 сентября 1994 г. в Баку между Государственной нефтяной компанией Азербайджанской Республики и десятью международными компаниями («Амоко», «BP», «Пеннзойл», «Юнокал», «Статойл», «МакДермотт», «Ремко», «Тюркийе Петроллер» (ТПАО), «ЛУКойл», «Дельта-Нимир»), представлявшими шесть зарубежных стран (США, Великобританию, Норвегию, Турцию, Россию, Саудовскую Аравию), было подписано соглашение о совместной разработке месторождений «Азери», «Чираг», глубоководной части месторождения «Гюнешли» и долевом разделе добычи нефти ⁹.

В соответствии с соглашением, заключенным на 30 лет, долевое участие распределилось следующим образом: SOCAR — 20%, «BP» — 17,1267, «Амоко» — 17,01, «ЛУКойл» — 10, «Пеннзойл» — 9,8175, «Юнокал» — 9,52, «Статойл» — 8,5633, «МакДермотт» — 2,45, «Ремко» — 2,08, «ТПАО» — 1,75, «Дельта-Нимир» — 1,68% ¹⁰.

Согласно экономическим прогнозам, сделанным в рамках проекта, запасы нефти на месторождениях оценивались в 511 млн тонн. 253 млн т добытой нефти причитались Азербайджану, 64 млн т — иностранным партнерам. Оставшиеся 194 млн т должны были пойти на возмещение капитальных и эксплуатационных расходов. То есть 80% прибыли должно было достаться Азербайджану, а 20% — иностранным компаниям ¹¹.

Более того, 55 млрд кубометров попутного газа, полученного в процессе добычи нефти, безвозмездно передавалось азербайджанской стороне. Наряду с этим, к исключительным правам страны были отнесены также эксплуатация на контрактной площади свободных газовых месторождений, запасы которых оценивались в 90 млрд кубометров. Для использования этих запасов газа Азербайджан мог подписать с компаниями отдельный контракт.

Сумма бонусов, подлежащих выплате иностранными компаниями Азербайджану, была установлена в размере 300 млн долларов ¹².

На разработку месторождений предусматривалось вложить капитал в объеме 7,5 млрд долларов. 80% инвестиций приходилось на долю иностранных компаний, а остальная часть — на SOCAR, владевшую 20-процентной долей в контракте.

По подсчетам экспертов, в течение 30 лет с учетом инфляции общий доход от реализации проекта оценивался в 157 млрд долларов. После вычета капитальных, эксплуатационных и транспортных расходов из оставшейся суммы 81,7 млрд долларов причитался Азербайджану, а 19,5 млрд — иностранным компаниям ¹³.

Заключение контракта привлекло внимания на международной арене. Ряд влиятельных нефтяных компаний мира стремились приобрести доли в проекте и выступили с различными предложениями о присоединении к консорциуму. В начале апреля 1995 г. правительство Азербайджана объявило о передаче 5% своей 20-процентной доли турецкой компании ТПАО, а 5% — американской компании «Экссон». В принятии данного решения свою роль сыграли не только экономические, но и политические факторы. Еще во время встречи с руководителями компаний ТПАО и «Экссон» президент Г. Алиев особо подчеркнул, что высокие официальные круги Турции и США, обратившись к руководству Азербайджана, гарантировали успешную деятельность данных компаний ¹⁴.

Соглашение по итогам переговоров с ТПАО было подписано в Баку 12 апреля 1995 года. В соответствии с этим документом, SOCAR передал турецкой компании 5% своей доли в контракте. В результате доля последней достигла 6,75%¹⁵.

Важное значение данного соглашения для Азербайджана заключалось в том, что ТПАО обязалась финансировать половину (5%) общего долевого участия, которое SOCAR сохранил за собой¹⁶.

Итоговый документ о передаче еще 5% доли Азербайджана в первом нефтяном консорциуме американской компании «Экссон» был подписан 19 апреля в Баку¹⁷. По его условиям, компания «Экссон» также обязалась финансировать 5% долевого участия SOCAR в контракте¹⁸. В последующие годы проект продолжал оставаться в сфере интересов иностранных нефтяных компаний. В 1996 г. японская компания «Иточу» приобрела долю «МакДермот» и присоединилась к консорциуму, что еще более расширило географию государств-участников¹⁹. В 2000 г. компания «Ремко» продала свою 2,1-процентную долю в проекте трем американским компаниям за 150 млн долларов.

В результате купли-продажи пакетов акций впоследствии в долевом разделе также происходили изменения. Некоторые из них даже вызывали резонанс в экспертных кругах. Например, российский «ЛУКойл» в 2002 г. продал свою 10-процентную долю японской фирме «Инпекс» и вышел из контракта. Хотя это решение связывали с политическими мотивами, но наиболее вероятными причинами были коммерческие интересы компании, которая заработала 1,2 млрд долларов на этой сделке, в то же время продолжив свое участие в другом проекте в Азербайджане.

Договор, ставший краеугольным камнем нефтяной стратегии, к реализации которой приступил Азербайджан, представлял важное значение с точки зрения начала серьезных перемен в экономической, социальной, политической жизни страны и укрепления ее международных позиций. Благодаря участию крупнейших нефтяных компаний ряда ведущих государств мира, большому объему капиталовложений и серьезному геополитическому весу проект в скором времени в политических и экономических кругах получил название «Контракт века».

Заключение соглашения открыло новые перспективы для возрождения и устойчивого развития нефтегазовой промышленности, занимающей ведущее место в экономической жизни Азербайджана. Одновременно договор придал мощный стимул вложению инвестиций в другие, смежные, отрасли, а также в инфраструктуру. Согласно мировой практике, один доллар, вложенный в нефтяную промышленность, обуславливает вложение в другие отрасли экономики дополнительно около трех долларов.

Реорганизованная с участием иностранного капитала нефтегазовая промышленность, придав импульс интеграции Азербайджана в мировую экономическую систему, превратилась в важный фактор в процессе ускорения перехода к рыночным экономическим отношениям. Реализация договора считалась важной с точки зрения обеспечения доставки в страну современной техники и технологий, их широкого применения в различных отраслях.

Сотрудничество с иностранными компаниями, открывшее путь притоку крупных инвестиций в экономику страны, должно было оказать ощутимое влияние также на изменение социального облика Азербайджана. Создание многочисленных рабочих мест не только в нефтегазовой, но и в других отраслях промышленности и инфраструктурной сфере было неизбежно. Это способствовало сокращению порожденной экономическим кризисом массовой безработицы, постепенному решению проблемы занятости населения и повышению его благосостояния, что могло сыграть важную роль в преодолении социальной напряженности в обществе.

Первый крупный международный контракт дал мощный толчок притоку иностранного капитала в нефтяную промышленность Азербайджана. В последующий период с зарубежными компаниями было заключено свыше 30 соглашений по разработке нефтегазовых месторождений на суше и на море.

Первичная нефть в рамках «Контракта века» была добыта в ноябре 1997 года. А уже в декабре 1999 г. Азербайджан получил первую нефть с морских месторождений, разрабатываемых совместно с иностранными партнерами. Это было началом поступлений прямых нефтяных доходов. Прогнозировалось, что в будущем их объем значительно возрастет. Поэтому важное значение имело изучение зарубежного опыта накопления, рационального использования и управления нефтяными валютными резервами.

Совместная работа с крупнейшими мировыми компаниями способствовала динамичному росту объема добычи нефти в стране в конце XX века. Если в 1995 г. было добыто всего 9,2 млн т нефти, то в 2000 г. уровень добычи достиг 14 млн тонн. Таким образом, наступил второй нефтяной бум²⁰.

В октябре 1997 г. начал функционировать нефтяной трубопровод Баку — Новороссийск, а в апреле 1999 г. — Баку — Супса (Грузия). Основной экспортный трубопровод Баку — Тбилиси — Джейхан (Турция), строительство которого предусматривалось «Контрактом века», был введен в действие в 2006 году. Неслучайно, что для решения проблем, с которыми Азербайджанская Республика столкнулась в различных сферах в начальный период восстановления независимости, большие надежды возлагались на дивиденды, полученные от реализации нефтяных контрактов. Следует отметить, что в результате осуществления нефтяной стратегии Азербайджан получил большую прибыль, которая аккумулируется в Государственном нефтяном фонде (ГНФ АР), учрежденном в 1999 году. Если в 1994 г. страна почти не располагала валютными резервами, то начиная с 1999 г. за счет поступления нефтяных доходов стало возможно создавать и рационально управлять ими. Это способствовало выполнению насущных социально-экономических программ и созданию необходимой инфраструктуры.

Таким образом, нефтяная отрасль, которая занимала ведущую роль в экономической жизни Азербайджана с конца XIX в., благодаря отмене откупной системы, в течение XX столетия сохраняла свои позиции, внося существенные коррективы в социально-экономические и политические процессы в республике. Подписание «Контракта века» в 1994 г., последовательная реализация нефтяной политики, при-

обретенный за эти годы опыт сотрудничества с ведущими государствами и транснациональными компаниями, подготовка высококвалифицированных кадров, накопление валютно-финансовых резервов и умелое управление ими способствуют созданию благоприятных условий для успешного решения основных задач развития страны.

Примечания

1. МУРАДАЛИЕВА Э.Б. Кровь земная — нефть Азербайджана и история. Баку. 2005, с. 18.
2. TOLF R.W. The Russian Rockefellers. The Saga of the Nobel Family and the Russian Oil Industry. Stanford. 1976, p. 47.
3. САДЫХЗАДЕ Р.М. Проникновение английского капитала в нефтяную промышленность Азербайджана (1896—1914). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Баку. 1967.
4. МУРАДАЛИЕВА Э.Б. Ук. соч., с. 18.
5. ЕРГИН Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М. 1999, с. 247.
6. МУРАДАЛИЕВА Э.Б. Ук. соч., с. 167, 177.
7. Контракт века. Баку. 1996, с. 14.
8. Там же, с. 11; АЛИЕВ И. Каспийская нефть Азербайджана. М. 2003, с. 159.
9. Контракт века, с. 30—43.
10. АЛИЕВ И. Ук. соч., с. 176.
11. Там же, с. 175.
12. Азербайджан. 22.X.1994 (на азерб. яз.).
13. Там же.
14. Там же. 4.IV.1995.
15. Там же. 13.IV.1995.
16. АЛИЕВ Г. Азербайджанская нефть в мировой политике. Кн. IV. Баку. 1997, с. 54—55.
17. Азербайджан. 20.IV.1995.
18. Контракт века, с. 88—89.
19. АЛИЕВ Г. Ук. соч., с. 311.
20. АГАКИШИЕВ И.А. Бакинская нефть и начало каспийского нефтяного бума (1991—2005). СПб. 2018.

Конфессиональная политика правительства Николая I в отношении старообрядцев и духовных христиан (по материалам Вятской губернии)

А.А. Машковцев, В.В. Машковцева

Аннотация. В публикации рассмотрена политика центральных и региональных властей в отношении старообрядцев и сектантов во второй четверти XIX века. Проанализированы действия правоохранительных органов, направленные против старообрядческих и сектантских молитвенных домов, а также духовенства. Отмечено, что в конфессиональном курсе Николая I заметно усилился репрессивный компонент, что было связано с желанием императора максимально ослабить религиозное инакомыслие в России.

Ключевые слова: конфессиональная политика, старообрядцы, духовные христиане, Вятская губерния.

Abstract. The publication considers the policy of central and regional authorities regarding the Old Believers and sectarians in the second quarter of the 19th century. The actions of law enforcement bodies directed against the Old Believers and sectarian prayer houses, as well as the clergy, are analyzed. It is noted that in the confessional course of Nicholas I the repressive component significantly increased, which was connected with the Emperor's desire to weaken religious dissent in Russia as much as possible.

Key words: confessional politics, Old Believers, spiritual Christians, Vyatka province.

Приход к власти в декабре 1825 г. императора Николая I привел к ухудшению положения многих религиозных меньшинств Российской империи. В первую очередь это касалось старообрядцев и духовных христиан (хлыстов, скопцов, молокан и пр.), которые всегда воспринимались правящей династией и официальной церковью как вероотступники. Однако при Николае I к традиционным обвинениям в измене православию добавились новые, еще более серьезные. Руко-

---

Машковцев Андрей Анатольевич — доктор исторических наук, профессор Вятского государственного университета. E-mail: wikma116@rambler.ru; *Машковцева Виктория Вячеславовна* — кандидат исторических наук, доцент Вятского государственного университета. E-mail: wikma116@rambler.ru.

Mashkovtcev Andrey A. — doctor of historical sciences, professor at the Vyatka State University. E-mail: wikma116@rambler.ru; *Mashkovtceva Viktoriya V.* — candidate of historical sciences, associate professor at the Vyatka State University. E-mail: wikma116@rambler.ru.

водство страны полагало, что староверы и духовные христиане формировали у своих адептов негативный образ власти, подводя под это религиозное обоснование. Тем самым они, якобы, способствовали росту протестных настроений в обществе. В силу этого старообрядцы и духовные христиане стали восприниматься не только как оппоненты официального православия, но и как движение, опасное для самого самодержавия, а потому подлежащее искоренению.

Ужесточение конфессионального курса в отношении старообрядцев и духовных христиан началось с заметных изменений в нормативно-правовой базе. Так, серьезной корректировке подверглось законодательство, регламентирующее статус и порядок функционирования старообрядческих культовых центров. Было принято несколько указов, направленных на ограничение деятельности молелен «ревнителю древнего благочестия». Прежде всего, старообрядческие храмы следовало называть исключительно «моленными или часовнями». Именование «церковь» применительно к ним не допускалось¹. Молельные дома и часовни, построенные до 17 сентября 1826 г., рекомендовалось оставлять «в том положении, в каком они в то время были; после же того... вновь строить что-либо похожее на церкви» не разрешалось. Ремонт или «возобновление старых подобных зданий» запрещались². Руководствуясь постановлением от 5 мая 1839 г., необходимо было закрывать те молельни, которые были построены или отремонтированы старообрядцами без соответствующего разрешения официальной власти. Далее их судьба решалась в Министерстве внутренних дел и Комитете министров, где, в зависимости от степени вины староверов, определялось, возможно ли оставить молельню «запечатанною», или необходимо ее уничтожить. В том случае, если закрытая по решению властей молельня самовольно открывалась старообрядцами, она подлежала уничтожению. При этом обращает на себя внимание следующая рекомендация: между закрытием и разрушением молельни должно пройти определенное время, чтобы «после некоторой привычки видеть ее в бездействии менее сильно было впечатление уничтожения». Само разрушение молельного дома должно было производиться «со всевозможной осмотрительностью и без предварительной огласки, могущей подать повод к народным сходбищам». Тем самым власти, настроенные на полное воссоединение старообрядцев с Русской православной церковью, стремились избежать усиления конфронтации между ними. При закрытии той или иной старообрядческой молельни закон предусматривал представление всех хранившихся в ней икон, книг и предметов церковной утвари на рассмотрение местной духовной консистории для передачи их в распоряжение ближайшего единоверческого храма³. Наконец, в соответствии с действовавшим во второй четверти XIX в. законодательством, недопустимым считалось наличие в старообрядческой молельне атрибутов православного храма: престолов, колоколов и крестов⁴.

Рассмотрим, как реализовывалась конфессиональная политика государства по отношению к старообрядческим культовым центрам в Вятской губернии. Так, в январе 1838 г. была закрыта молельня в деревне Курьинской Глазовского уезда. Поводом к этому послужил ремонт староверами своего молельного дома, произведенный ими без разрешения властей, что запрещалось законом. В ходе следствия, про-

веденного становым приставом Лихачёвым, выяснилось, что старообрядцы починили крышу молельни и сени. Рядом был обнаружен дом с печкой, построенный из «нового леса» примерно 7 лет назад, размеры которого составляли 10 аршин в длину и 7... аршина в ширину. Местные старообрядцы мотивировали осуществленный ими ремонт молельни тем, что в результате бури 1837 г. ветром с нее сорвало крышу и «в ненастное время появилась течь вовнутрь здания и на самые иконы». Для того чтобы уберечь от повреждений свои святыни, староверы починили кровлю, заменив при этом сломанные доски новыми. Поправки сеней они объяснили ветхостью бревен крыши, которые «угрожали им падением». Пытаясь оправдаться, старообрядцы подчеркнули, что все названные действия они осуществили «по незнанию законоположения, воспрещающего подобные поправки» ⁵. Вероятнее всего, эти слова нужно рассматривать лишь как отговорку со стороны староверов (именно так они и были восприняты судом).

В соответствии с действовавшим законодательством курьинскую молельню следовало оставить закрытой или уничтожить. Однако при вынесении решения суд учел, что подобная мера может настроить старообрядцев крайне негативно и вызвать агрессию с их стороны, если они почувствуют, что их «притеснением и как бы силою принуждают сблизиться с правоверием». В связи с этим судом было разрешено оставить молельный дом, возраст которого составлял около 30 лет, в существующем виде до полного его разрушения, «какое... по ветхости оно уже весьма близко». Однако, чтобы старообрядцы не подумали, что разрешено ремонтировать молельни, сени следовало уничтожить «как ими поправленные уже не по причине бури, но по собственному своему произволу» ⁶.

В 1839 г. старообрядцы-поповцы Валамазской волости Глазовского уезда И. Фефилов, А. Иванов и М. Фетинов обратились с просьбой в Министерство внутренних дел разрешить им совершать богослужения в своей молельне, учитывая, что поправки были осуществлены «маловажные» и «не по прихоти, а по необходимости» ⁷. Однако данное ходатайство староверов не было удовлетворено в связи с нарушением ими действовавшего законодательства, запрещавшего ремонт молелен. По решению императора от 24 апреля 1840 г., старообрядческую молельню в деревне Курьинской и избу рядом с ней следовало «оставить навсегда запечатанными», а староверам — объявить, что в случае самовольного открытия этих зданий их ждет наказание по всей строгости закона ⁸.

Ремонт Наймушинской молельни стал поводом для возбуждения следствия против старообрядцев починка Песчаный Ключ (впоследствии — деревни Наймушинской) Глазовского уезда. По документам Вятской духовной консистории, она была построена около 1814 года ⁹. Согласно сведениям, представленным глазовским уездным исправником в октябре 1870 г. после осмотра молельни, годом ее постройки следовало считать 1826 ¹⁰. Сами старообрядцы в ходатайстве, направленном в 1901 г. в Министерство внутренних дел, указали, что их молельня существует при починке Песчаный Ключ с 1822 года ¹¹. Вероятно, наиболее точная дата — 1814 г., поскольку известно, что в 1823 г. молельня уже заново перестраивалась. Получив сведения об этом, министр внутренних дел распорядился о ее закрытии ¹².

Через два года Министерство внутренних дел признало возможным отменить данное решение, и староверы получили возможность проводить в ней богослужения. Однако епархиальное начальство после этого неоднократно заявляло о необходимости закрытия Наймушинской молельни, ссылаясь на то, что старообрядцы, несмотря на запрет государственной власти, постоянно ремонтировали ее. Например, после пожара 1855 года¹³. Вятский епископ Елпидифор сообщил об этом губернатору и просил его распорядиться о запрещении старообрядцам исправлять свой молитвенный дом. Еще ранее, 4 июля 1846 г., Кабинет министров постановил: «Вменить местному полицейскому начальству в обязанность иметь строгое наблюдение, дабы с оной (с молельней. — *А.М., В.М.*) не было допускаемо никаких поправок или возобновлений»¹⁴. Учитывая это, вятский губернатор сделал соответствующее распоряжение, обратившись к земскому исправнику, после чего за местными старообрядцами был установлен строгий надзор.

Впоследствии, по инициативе епархиального начальства, Наймушинская старообрядческая молельня была опечатана и перестроена в кладбищенскую единоверческую церковь. Староверы, потеряв свою молельню и все предметы культа, находившиеся в ней, неоднократно предпринимали попытки вернуть их, но безуспешно. Им было отказано и в разрешении построить новую часовню в деревне Бармашевской, поскольку на расстоянии от 2 до 20 верст от нее находились четыре старообрядческих молельни¹⁵. Вплоть до 1906 г. старообрядцы неоднократно направляли ходатайства в Министерство внутренних дел о возвращении им Наймушинской молельни, которые так и не были удовлетворены¹⁶.

В случае закрытия той или иной молельни хранившаяся там религиозная литература и иконы подлежали изъятию. Однако старообрядцы считали своим долгом всеми силами сохранить книги, перешедшие к ним от отцов и дедов и воспринимавшиеся как источник непререкаемой истины. Так, например, в 1845 г. по указу императора была закрыта Боровская молельня, являвшаяся одним из центров староверия не только Нолинского уезда, где она располагалась, но и всей Вятской губернии. В перспективе ее предполагалось преобразовать в единоверческий храм. Иконы, книги и другие вещи, находившиеся в молельне, с целью предотвращения организации кражи, были переданы на хранение в церковную палатку Николаевского собора г. Нолинска. Однако старообрядцы выразили свой протест. 17 декабря 1846 г. Комитет министров вынес решение по делу о краже книг и икон из Боровского молельного дома. Вероятно, после закрытия молельни часть имущества старообрядцы успели вынести. 13 книг, изъятых у старообрядцев К. Чиркова, Т. Маслова и А. Тимофеевой, поступили на рассмотрение Вятской духовной консистории с целью выявления их соответствия учению Русской православной церкви. В результате было вынесено следующее заключение: четыре Псалтыри содержали «раскольнические толки о перстосложении для крестного знамения», два «Часовника», «Служебник», «Молитвенник», «Служба в великую субботу и в неделю Святой Пасхи» были признаны относящимися только к «церковному употреблению», а в руках староверов — способными «служить им поводом к удалению от церкви и к самопроизвольному отпращиванию служб церковных». В «Уста-

ве о христианском житии» и «Молитвеннике писаном» были обнаружены «самовольные правила о службах церковных». Наконец, «Житие Преподобного Василия Нового» получило крайне негативную оценку со стороны православного клира: «Наполнено такими сказаниями, которые невеждам и заблуждающим от православной веры, каковы все наши раскольники, могут подать повод к понятиям и суждениям о будущем веке чувственно грубым и странным»¹⁷.

Таким образом, все рассмотренные книги Вятская духовная консистория признала не соответствующими вероучению и интересам официальной церкви. На этом основании они были отправлены в Министерство внутренних дел, как того требовало действовавшее законодательство. Виновных в совершении кражи книг из Боровской молельни найти не удалось, но в деле фигурируют имена подозреваемых — Т. Сухих, Ф. Изергина и Е. Нелюбина. Возможно, они проникли в молельный дом через слуховое окно. За ними было установлено строгое наблюдение со стороны местных властей с целью обнаружения похищенных икон и книг. Г. Брызгалова, обвиняемого в «сокрытии найденных в лесу близ села Сретенского на елке в мешке книг, икон и креста и в недопущении волостного головы к обыску с произнесением ругательств», приговорили к тюремному заключению на срок 8 суток¹⁸.

Судьба молельни оказалась печальной. Протоиерей Н. Романов сообщил вятскому преосвященному Неофиту, что деревянный молельный дом старообрядцев сгорел «будто бы от силы молнии во время грозы» 30 апреля 1848 года¹⁹. Предположение об умышленном поджоге доказать в ходе следствия не удалось. Никто из крестьян, опрошенных под присягой, не дал соответствующих показаний. Несмотря на это, исключать организацию поджога молельни старообрядцами нельзя. Возможно, таким образом они выразили протест против преобразования своего храма в единоверческую церковь.

Закон строжайше запрещал пропаганду и распространение староверия, особенно — среди адептов официальной церкви. При этом контроль за тем, чтобы «ереси, расколы и другие предрассудками и невежеством порождаемые заблуждения не были распространяемы» на данной территории, вменялся в обязанность губернаторам²⁰. В частности, епископ Вятский и Слободской Нил обратился к вятскому губернатору К.Я. Тюфяеву с просьбой принять необходимые меры в отношении сарапульского мещанина Е. Зайцева, который, действуя совместно с И. Савватеевым, работником Камбарского завода Пермской губернии, вел беседы с удельными крестьянами Сарапульского уезда, изъявившими желание присоединиться к Русской православной церкви на правах единоверия, с целью отговорить их от совершения данного шага. Старообрядцев они убеждали в том, что «все будет по-прежнему, останется только один год потерпеть». А от тех старообрядцев, которые дали согласие на переход в единоверие, Зайцев и Савватеев требовали, чтобы «принятый ими священник уволен был в раскольнические монастыри»²¹.

Интересно, что определение временных границ, как метод психологического воздействия на аудиторию, старообрядцы использовали и в более поздний период, например, в 1860-е годы. Именно тогда, с началом реформ Александра II, у староверов появилась надежда на легализацию своего существования и дарование ряда духовных прав. В связи с этим они начали распространять в обществе соответствующие слухи,

отражавшие их чаяния. Например, священник Николай Меншиков в своем рапорте духовному начальству сообщил, что в марте 1863 г. в деревню Каракули Малмыжского уезда прибыл неизвестный, назвавший себя жителем деревни Волково. Он привез из Казани большое количество старопечатных книг, среди которых была некая «расписка от царя». Ссылаясь на нее, старообрядец уверял местных жителей, что «царь защищает староверов от волков никонианских, дает им свободу верования и жизни... что церкви православные через семь месяцев запечатываются, священники сошлются на Амур»²². По заявлению отдельных старообрядцев, переход в староверие разрешался только до 1862 года²³. Обозначение указанной временной границы, вероятно, было связано с желанием ускорить данный процесс и увеличить его масштабы.

Аналогичная ситуация наблюдается и в случае с Зайцевым, уверявшим старообрядцев в том, что правда, несомненно, на их стороне и справедливость восторжествует по истечении одного года. За «наставничество» у старообрядцев и распространение их религиозной доктрины Зайцев был арестован и, несомненно, понес бы наказание по действовавшему тогда законодательству, однако ему удалось этого избежать в связи с выраженным раскаянием и намерением присоединиться к единоверию. При этом он дал обещание, что не только «не будет никаких треб исполнять, но даже приложит старание еще и прочих в городе находящихся в расколе к присоединению к единоверию убеждать»²⁴. По решению Комитета министров от 9 января 1845 г., Зайцев был освобожден от дальнейшего судебного преследования и вместе с тем предупрежден о том, что, в случае возвращения в староверие, будет отвечать за содеянное по всей строгости закона.

Необходимо учесть, что еще 1 сентября 1836 г. Николаем I было утверждено положение Комитета министров, предусматривавшее, что «во всех возможных случаях, т.е. во время производства следствия или суда, по окончании оно до отсылки с места суждения, в продолжении следования в определенные законом места, или же на местах нового поселения, за обращение раскольников... к православию», им даруется прощение, но только «единожды». В том случае, если они вновь перейдут в староверие, их следовало наказывать в соответствии с уголовным законодательством²⁵. Мера наказания за подобное преступление, определенная «Уложением о наказаниях уголовных и исправительных», — «лишение всех прав состояния и ссылка на поселение безвозвратно на Кавказ или в отдаленнейшие места Сибири»²⁶. Так, например, старообрядцы Глазовского уезда Кузьма и Никита Лузянины и Федул Ичетовкин были привлечены к судебной ответственности за переход в старообрядчество и распространение данного вероучения среди православных Гординской волости. В соответствии с постановлением Комитета министров, их, «как вредных в обществе людей», следовало «удалить... из места их жительства». Далее наказание дифференцировалось, вероятно, в зависимости от степени вины обвиняемых. В частности, Кузьма Лузянин и Федул Ичетовкин были приговорены к высылке в Закавказские провинции, а Никита Лузянин — к отправлению солдатом на службу в Закавказский отдельный корпус. В случае, если последнее окажется невозможным, с Н. Лузяниным необходимо было поступить так же, как и с двумя его единоверцами²⁷.

Законодательство второй четверти XIX в. предусматривало также ограничение прав старообрядческого клира. Это касалось даже вопроса именованя старообрядческих служителей культа. Их запрещалось называть священниками, а предписывалось именовать «остающийся у раскольников поп, или исправляющий у раскольников духовные требы»²⁸. Было ограничено и передвижение старообрядческого духовенства. Его представителям запрещалось переезжать из одного уезда в другой, и тем более из губернии в губернию, с целью отправления духовных треб, а также совершения богослужений²⁹. Так, в 1836 г. Вятская палата уголовного суда рассматривала дело о старообрядце Егоре Курбатове и его последователе Иване Фёдорове, обвинявшихся в распространении староверия среди населения Омутнинского завода, совершении богослужений в доме первого и отпращивании духовных треб. При этом среди местных старообрядцев произошел идеологический раскол: приверженцы поповщины, имевшие свою молельню, отказались от наставничества Е. Курбатова — беспоповца, возможно, сторонника даниловского согласия. Член Глазовского духовного правления священник Илья Редников в ходе беседы попытался выяснить причины, по которым Курбатов отказался от общения с поповцами. В числе главных из них были названы «общение с православными и употребление с ними в жизни вина и пива», «ношение одежды шелковой и ситцевой разных цветов иноверческого покрова с круглыми воротниками, которые, подобно змеям, обвиваются вокруг шеи», а также невысокий моральный облик принимаемых беглых священников — «нетрезвой жизни, употребляющих табак»³⁰. Суду не удалось доказать вину Курбатова и Фёдорова в «совращении других в раскол», состав преступления в их действиях не был обнаружен. В связи с этим оба старообрядца были освобождены от дальнейшего судебного преследования.

Для осмысления сказанного необходимо обратиться к религиозным воззрениям старообрядцев, согласно которым со времен патриарха Никона в мире воцарился антихрист. Под антихристом первоначально подразумевались конкретные личности, в которых воплощался дьявол: патриарх Никон, царь Алексей Михайлович. К концу XVII в. появилось учение о «мысленном» или «духовном» антихристе, который уже пришел в мир и властвует, но невидимо. В данном случае антихрист — это не определенное лицо, а символ, совокупность всех отступлений от «старой» веры. Под власть антихриста попала и Православная церковь, что приверженцами беспоповского толка было воспринято как прекращение «священства в Никонианской церкви»³¹. По их мнению, с приходом антихриста Православная церковь утратила свою истинность, благодать, святые таинства. Вследствие этого, по словам известного богослова Г. Флоровского, она вступила в новый этап своего бытия на земле — «бессвященнословное» состояние. Беспоповцы не допускали возможности дальнейшего существования института священства. Выражая весьма радикальные взгляды, упомянутый выше Курбатов в беседе с миссионером заявил: «... всякий человек есть для себя священник»³². В отличие от беспоповцев, поповцы, хотя и верили в пришествие антихриста, но считали, что благодать не покинула церковь, так как не все священники признали новшества патриарха Никона и согласились с ними. Религиозный философ С. Зеньковский в своем труде отмечает, что по-

повцы были убеждены в вечности церкви, в том, что «силы адовы не одолеют врата ея»³³. Они верили в то, что есть епископы, сохранившие верность «древнему благочестию». Значит, они могут рукополагать в сан новых священников.

Что касается общения с адептами официального православия, то здесь, как и в предшествующем случае, более радикально были вновь настроены беспоповцы. Среди них бытовало даже правило отказа от употребления пищи из одной посуды с приверженцами Русской православной церкви, освящения продуктов, приобретенных на общем рынке, запрет на обучение детей в школах совместно со сторонниками официального православия. Наконец, убеждая приверженцев Русской православной церкви в истинности староверия, его адепты всегда подчеркивали, что поддерживают в своей среде высокий нравственный уровень, отказываются от употребления спиртного и табака. Между тем сами прихожане, порой, жаловались на своих православных пастырей, ведущих не вполне праведный образ жизни, причем подобные ситуации возникали не только в рассматриваемый хронологический период, но и позднее. Например, жители села Новый Торьял Уржумского уезда выражали недовольство поведением псаломщика Александра Макарова, который в церкви и на клиросе, и в алтаре «поминутно» нюхал табак³⁴. Прихожане села Чигиринского Нолинского уезда жаловались на священника Кошурникова. Протоиерей Михаил Зубарев сообщил епископу Вятскому и Слободскому Агафангелу о «предосудительном и нетрезвом» поведении Кошурникова, несвоевременном отправлении им духовных треб. По решению Вятской духовной консистории, Кошурников был освобожден от управления Чигиринским приходом. Более того, ему запретили исполнять обязанности священнослужителя³⁵. Разумеется, преувеличивать масштабы названных явлений и обвинять все православное духовенство в недостойном поведении несправедливо. Среди представителей данного сословия, несомненно, было очень много достойных людей, беззаветно преданных своему делу.

Власти уделяли большое внимание пресечению распространения староверия через воспитание старообрядцами своих детей как приверженцев «древнего благочестия». Согласно действовавшему законодательству, дети, рожденные в семьях старообрядцев, чей брак не был освящен в Русской православной церкви, не обладали правами наследования³⁶. Они могли претендовать на признание факта рождения законным только в случае их присоединения к официальной церкви, хотя бы на правах единоверия с одним из родителей. При этом близким родственникам, оставшимся последователями староверия, категорически запрещалось оказывать на них негативное, с точки зрения Русской православной церкви, религиозное воздействие³⁷. Помимо этого предусматривалась возможность воссоединения детей старообрядцев с официальной церковью после смерти одного или обоих родителей; в этом случае они также могли претендовать на обретение статуса законнорожденного³⁸.

Православное духовенство проводило большую работу со старообрядцами, добиваясь крещения их детей и соблюдения ими всех православных обрядов и таинств. В частности, священник села Боровицкого Орловского уезда В. Стефанов неоднократно беседовал с местными старообрядцами — бывшими приверженцами официального

православия. Их дети были крещены по обряду Русской православной церкви, но, несмотря на это, родители препятствовали исполнению ими христианского долга исповеди и причастия и воспитывали их в соответствии со своими религиозными представлениями, нарушая тем самым действовавшее законодательство. Свои действия старообрядцы мотивировали тем, что «дети их малолетние и ничего не понимают, и когда достигнут 25-летнего возраста, то тогда, ежели пожелают быть православными», смогут реализовать свою волю. По распоряжению вятского губернатора А.И. Середы, орловский земский исправник П. Караваев взял со старообрядцев подписки о представлении детей к исполнению таинств исповеди и причастия. В создавшейся ситуации они обратились с просьбой разрешить им совершать духовные требы по правилам единоверческой церкви. Однако Вятская духовная консистория не сочла возможным удовлетворить ходатайство староверов, поскольку это противоречило интересам Русской православной церкви: «... совершение священных обрядов... по чиноположению единоверческой церкви по желанию тех крестьян само в себе есть дело несовместное с истиною и правотою и могло бы произвести соблазн для православных прихожан»³⁹.

В ответ на это крестьяне Г. Агалаков и П. Дерюшев дали следующее объяснение в обращении к епископу Вятскому и Слободскому Неофиту. Оказалось, что они от рождения являлись старообрядцами поморского согласия и детей своих крестили по своему обряду. Однако в феврале 1846 г. священник Т. Старцев и исправник П. Караваев потребовали, чтобы они присоединились к официальной церкви вместе с детьми. В противном случае угрожали «заковать их в железа и отослать под караулом к суждению». В связи с оказанным силовым воздействием старообрядцы вынуждены были предоставить в храм села Боровицкого своих детей «для обращения к церкви, для исповедания и причастия»: Герасим Агалаков — трех сыновей в возрасте 5—9 лет, Перфил Деришев — 7-летнего сына Мартына и Акил Агалаков — 4-летнюю дочь Фёклу. Кроме того, со старообрядцев были взяты соответствующие подписки, которые в данный момент они считают не имеющими силы, и полагают, что «дети их, еще малолетние, не могут понимать ни закона, ни веры и крещены по обряду поморского согласия», а потому их возвращение в лоно Русской православной церкви невозможно⁴⁰. Предпринятая старообрядцами попытка и на сей раз не увенчалась успехом. Прошение, направленное в адрес вятского преосвященного, запретить духовенству сел Верховского и Боровицкого принуждать их к смене религиозных воззрений не было удовлетворено. Орловским исправником с крестьян была взята подписка, обязывавшая их воспитывать своих детей «по правилам святой церкви»⁴¹.

Порой местные власти, определяя меру наказания за совершение того или иного противоправного деяния, занимали более жесткую позицию, чем центральные, особенно в том случае, когда речь шла о вторичном нарушении закона. Так, например, Евдокию Лаптеву, ранее судимую «за раскол» и жизнь в незаконном браке (не венчанном священником Русской православной церкви), Орловский уездный суд приговорил к тюремному заключению сроком на 1 месяц, а затем — высылке в Закавказские провинции за отказ воспитывать своих детей как адептов официального православия. Сына Прокопия и дочь Ека-

терину следовало передать на усыновление родственникам Е. Лаптевой — православным по вероисповеданию⁴². При этом Вятская палата уголовного и гражданского суда утвердила данное решение. Однако Комитет министров 4 декабря 1845 г. постановил подвергнуть Лаптеву лишь тщательному духовному назиданию, «строжайше внушив ей, дабы не позволяла себе никаких противозаконных действий и не осмеливалась обнаруживать свою ересь к соблазну православных и единоверцев». С детьми ее следовало «поступить как с блудно прижитыми», чтобы они были воспитаны по правилам и требованиям официальной церкви⁴³. Несмотря на усилия приходского духовенства, Лаптева не изменила свои религиозные воззрения. Тем не менее, исходя из рапорта протоиерея З. Нагорничного от 1 июля 1847 г., следует, что ее дочь Екатерина воспитывалась в православии, а сын был крещен, но умер в январе 1847 года.

Закон запрещал сектантам и староверам-беспоповцам, которые отвергали молитву за царя, не признавали таинство брака и потому считались «особенно вредными», «принимать к себе в семейство, под каким бы то видом ни было, детей православного исповедания»⁴⁴. Не случайно законодательство ограничивало в правах именно беспоповцев. В связи с догматическими расхождениями между беспоповцами и поповцами первые были настроены наиболее негативно по отношению как к светской власти, так и Русской православной церкви и ее духовенству. При Николае I Святейшим Синодом была разработана «классификация раскольнических сект». В соответствии с ней беспоповцы, которые отвергают брак, молитву за царя и «всякую власть нынешнего времени почитают антихристовою», относились к «сектам вреднейшим». Беспоповцы, признававшие таинство брака и не отказывавшиеся молиться за царя, именовались «сектой вредной». Наконец, поповщина, в понимании духовных иерархов, «это не ересь, а раскол. Более церковного сохраняет и более представляет надежды к обращению»⁴⁵.

Православные священнослужители вели строгий учет присутствия своих прихожан на исповеди и причастии. Подобная информация, отраженная в церковных документах, помогала им выявить факты перехода из официального православия в староверие, что всеми силами старались не допустить представители клира. Так, например, в 1849 г. в Комитете министров рассматривалось дело Якова и Евдокии Фёдоровых. Выяснилось, что накануне вступления в брак с православным Яковом в 1839 г. Евдокия, ранее сохранявшая приверженность староверию, дала подписку, обязывавшую ее состоять в православии. Последнее подтвердили 33 крестьянина, дававшие показания под присягой. Посещение храма Евдокией и Яковом Фёдоровыми, исполнение ими христианского долга исповеди и причастия, хотя и не ежегодно, зафиксированы в соответствующих документах. Однако сама Евдокия в ходе следствия заявила, что «с давнего времени состоит в расколе и никогда никому не обещала обратиться в православие». Аналогичное заявление сделал и ее муж Яков, подчеркнувший при этом, что «был у исповеди и причастия... только по необходимости вступления в брак»⁴⁶. Проанализировав все обстоятельства данного дела, Комитет министров постановил направить супругов Фёдоровых «к духовному начальству для тщательного увещания и вразумления в правилах истинной веры». В том случае, если они не

согласятся воссоединиться с Русской православной церковью хотя бы на правах единоверия, Евдокию следовало подвергнуть тюремному заключению сроком на одну неделю «за нарушение данной ею подписки об обращении к Святой Церкви»⁴⁷. Обозначенное решение Комитета министров было приведено в исполнение в полном объеме, поскольку Е. Фёдорова отказалась присоединиться к официальной церкви.

Вероятно, данное наказание необходимо рассматривать как весьма мягкое, поскольку, в соответствии с указом 19 июля 1852 г., «каждого раскольника или раскольницу беспоповщинской секты, присоединившихся с детьми к святой Церкви и воспользовавшихся вследствие того даруемою им милостью чрез узаконение детей, в случае возвращения в раскол, подвергать удалению из места их жительства с лишением всех прав состояния»⁴⁸.

Таким образом, уголовное законодательство в период правления Николая I было серьезно ужесточено. В 1857 г. в состав XV тома Свода законов вошло «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», утвержденное императором еще 15 августа 1845 года. Данный нормативный акт дает представление о системе наказаний, которым подвергались приверженцы «древнего благочестия». Одно из самых жестких — лишение всех гражданских прав и ссылка на поселение. К нему приговаривались лица, виновные в распространении старообрядческого (и сектантского) вероучения. Перешедшие в староверие направлялись для увещевания и религиозного наставления к духовному начальству. В том случае, если распространение староверия «было сопровождается насилием», преступивший закон должен был понести более суровое наказание — каторжные работы на рудниках сроком от 12 до 15 лет. Если старообрядец, перешедший в лоно официальной церкви и на этом основании возвращенный из ссылки, вновь «уклонялся в раскол», он приговаривался к пожизненной ссылке в Закавказский край или в отдаленные места Сибири⁴⁹.

Законом было запрещено издание старопечатных книг не в московской синодальной или единоверческой типографии, их продажа, распространение и приобретение. Преступившему закон надлежало заплатить денежный штраф. Лица, трижды совершившие данное правонарушение, подвергались, помимо штрафа, заключению в тюрьму на срок от трех до шести месяцев⁵⁰. На более длительное время — от одного года до двух лет — подвергались тюремному заключению старообрядцы за организацию скитов, построение новых и ремонт старых богослужебных зданий, обращение жилых крестьянских изб в моленные дома⁵¹.

Наличие в уголовном законодательстве данных юридических норм свидетельствует о том, что старообрядчество в России было гонимой религией. Вся правовая система, направленная на искоренение староверия, носила «ограничительно-запретительный и карающий характер»⁵².

Однако несмотря на то, что в законодательной системе периода царствования Николая I преобладали жесткие меры, направленные на искоренение старообрядчества, властям не удалось реализовать поставленную цель. По данным П.И. Мельникова, количество старообрядцев не только не уменьшилось, но, напротив, значительно возросло: к 1855 г. их численность достигла около 12 млн чел., что составляло примерно $\frac{1}{8}$ часть населения России⁵³. Тенденция количественного роста приверженцев староверия во второй четверти XIX в.

наблюдалась и в Вятской губернии. Так, если в 1828 г. в крае насчитывалось 26 874 старообрядца, то в 1855 г. уже 38 996 ⁵⁴.

Как следует из приведенных фактов, правительство Николая I проводило жесткую конфессиональную политику не только в отношении старообрядцев, но и духовных христиан. На территории Вятской губернии в первой четверти XIX в. названное течение было представлено, главным образом, скопцами.

Первое появление скопцов в Вятской губернии относится к 10-м гг. XIX века. Распространителем скопчества в крае был отставной унтер-офицер Григорий Иванов, являвшийся выходцем из Калужской губернии ⁵⁵. Он происходил из крепостных крестьян помещицы Голохвастовой, имение которой находилось в Мещёрском уезде Калужской губернии. Еще до призыва на военную службу Г. Иванов познакомился со скопцами — крепостными крестьянами князя Голицына и в 1801 г. принял их веру. Вскоре сектанта отдали в рекруты, но даже в армии он продолжал сохранять связи со своими единоверцами. Здесь необходимо отметить, что в годы царствования Александра I, первоначально достаточно лояльно относившегося к скопцам, скопчество заметно распространилось и в вооруженных силах. В некоторых подразделениях скопцами являлись не только простые солдаты, но даже офицеры, покровительствовавшие своим единоверцам. Иванов быстро дослужился до унтер-офицера, однако в одном из сражений получил тяжелое ранение и был отправлен в отставку по инвалидности. Сектант не стал возвращаться на родину, а переехал в город Сарапул Вятской губернии.

Сарапул в первой четверти XIX в. представлял собой уездный город, через который по р. Каме проходил торговый путь, связывавший европейские губернии страны с Уралом. В городе проживало значительное количество образованных купцов и ремесленников, отличавшихся высокой религиозностью, но не всегда удовлетворенных деятельностью местного православного духовенства. Кроме того, в самом Сарапуле и в его окрестностях проживало значительное количество старообрядцев (преимущественно, беспоповцев), открыто критиковавших официальную церковь. Таким образом, именно в Сарапульском уезде имелись благоприятные условия для распространения скопчества.

В Сарапуле Григорий Иванов приобрел большой дом, который по своему убранству и богатству совсем не соответствовал жилищу отставного унтер-офицера ⁵⁶. Вскоре данный особняк превратился в центр распространения скопчества в крае. Впрочем, миссионерское воздействие Иванова, как и других скопческих проповедников, никогда не было массовым. Он стремился втянуть в секту лишь ограниченный круг горожан. Имеющиеся архивные источники, к сожалению, не проливают свет на мотивацию жителей Сарапула, вставших на путь оскопления, но можно предположить, что она мало отличалась от мотивов жителей других русских городов. Как и везде, доминирующим фактором было стремление улучшить свое имущественное положение. Дело в том, что скопцы отличались особой взаимовыручкой, поэтому неопиты могли рассчитывать на материальную поддержку со стороны богатых единоверцев. Кроме того, вступление в ряды секты приводило к расширению торговых контактов, иногда способствовало получению выгодных подрядов и пр. Таким образом, переход в

секту хоть и был сопряжен с совершением варварского ритуала оскпления, тем не менее воспринимался некоторыми в качестве своеобразного социального лифта, позволяющего человеку существенно улучшить свой общественный статус.

Из Сарапула скопчество проникло на промышленные предприятия Приуралья. Так, несколько скопцов появилось в Ижевске и Воткинске. Естественно, что никто из них открыто не заявлял о смене вероисповедания, опасаясь репрессий со стороны властей. Тем не менее, собрания сарапульских скопцов в доме Иванова не остались незамеченными местным православным клиром и уездными властями. Последние, впрочем, не торопились вмешиваться, поскольку не имели серьезных доказательств, избличавших участников собраний в принадлежности к скопчеству. Кроме того, Александр I достаточно долго проводил либеральную политику, поэтому властные структуры на местах также не решались на осуществление силовых акций в отношении людей, чья принадлежность к секте носила лишь предположительный характер.

Однако уже в начале 20-х гг. XIX в. положение скопцов в России стало ухудшаться. Александр I был недоволен их попытками оказывать влияние на власть, используя для этого представителей аристократии, примкнувших к сектантам (например, камергера А.М. Елянского)⁵⁷. Также серьезное беспокойство вызвали участвовавшие случаи оскпления в армии и перехода в секту родственников высокопоставленных российских чиновников (например, племянников петербургского генерал-губернатора А.М. Милорадовича). В результате, основатель и лидер скопчества Кондратий Селиванов в 1820 г. был арестован и заточен в Евфимиев монастырь в Суздале, где и умер в 1832 году⁵⁸.

Воцарение Николая I резко ухудшило и без того непростое положение скопцов. В отличие от Александра I, новый император был лишен всякого интереса к мистицизму и не пытался заигрывать с сектантами. Являясь приверженцем официального православия, он заявил о решимости защитить его от нападков противников, прежде всего староверов и духовных христиан. Негативное отношение государя к религиозному инакомыслию было связано и с тем, что оно воспринималось как потенциальный союзник революционного движения. В результате, на скопцов, как и на старообрядцев, обрушились жесткие репрессии, призванные полностью искоренить скопчество. Н.М. Никольский писал: «Правительство Николая I начало против скопчества целый поход, завершившийся в 1834 г. объявлением скопчества особо вредной сектой. В 1842 г. за оскпление была назначена каторга, и эта мера наказания сохранялась в уголовном кодексе до конца империи»⁵⁹.

Уже в первые годы правления Николая I были разгромлены скопческие общины не только в Петербурге и Москве, но и во многих провинциальных городах, в том числе и Сарапуле. В 1829 г. полиция арестовала Григория Иванова и закрыла молельню, находившуюся в его доме. Вскоре, по решению суда, глава сарапульских скопцов был сослан на каторгу в Восточную Сибирь, а выявленные рядовые члены общины отданы под надзор полиции и православного духовенства. Так, мещанина Григория Зылева отправили в Вятку и передали для увещаний настоятелю Успенского Трифонова монастыря⁶⁰.

Однако данные действия не привели к окончательной ликвидации скопчества в крае. К моменту ареста Иванова скопчество уже дос-

таточно прочно утвердилось на юго-востоке Вятской губернии, распространившись не только в уездном центре и заводских поселках, но и в ряде деревень Сарапульского уезда (Шевырялово, Заборье, Чува-шайка и пр.). В сельской местности также имелась благоприятная социальная среда для распространения сектантства. Благодаря наличию крупного почтового тракта и такой важной транспортной артерии, как Кама, часть местного крестьянства во второй четверти XIX в. активно вовлекалась в предпринимательскую деятельность⁶¹. Именно в этой сфере некоторые из них сталкивались со скопцами и принимали их идеологию, нацеленную на достижение жизненного успеха и обогащение. Результативности скопческой пропаганды в среде зажиточных крестьян способствовало и то, что многие из них принадлежали не к Русской православной церкви, а к различным старообрядческим согласиям и толкам, где всегда более терпимо относились к религиозному инакомыслию. На заметную склонность староверов к принятию не только скопчества, но и других течений духовного христианства (например, молоканства) обращали внимание и некоторые чиновники вятской губернской администрации⁶².

Значительной устойчивости скопческих общин на юго-востоке Вятской губернии способствовал еще один фактор — их географическая близость к крупным центрам распространения секты (Казань, Екатеринбург и пр.). Это позволяло сарапульским скопцам поддерживать тесные связи со своими единоверцами, получая от них необходимую помощь.

После ареста Иванова сарапульские скопцы усилили меры конспирации. Они не только не заявляли открыто о своих религиозных убеждениях, но и изображали из себя богобоязненных прихожан официальной церкви. Скопцы регулярно ходили в православные храмы на богослужения, исповеди и причастия, а состоятельные скопцы жертвовали крупные суммы на строительство церквей и другие богоугодные дела. Такая мимикрия приводила к тому, что полиция достаточно долго не могла выявить скопцов. Более того, когда правоохранительные органы случайно обнаруживали скопческие радения и задерживали их участников, местные православные священники с изумлением обнаруживали среди них наиболее ревностных своих прихожан.

В течение 20 лет после разгрома сарапульской общины полиция уезда не могла обнаружить никаких крупных групп скопцов, считая, что скопчество в крае окончательно ликвидировано. Однако в мае 1849 г. произошло событие, показавшее ошибочность подобных выводов. Жительница деревни Шевырялово Акулина Русинова, явившись на исповедь к протоиерею П. Анисимову, призналась в том, что присутствовала на тайном молении скопцов. По словам девушки, в секту ее попытались вовлечь соседки — сестры Русиновы, приходившиеся Акулине к тому же родственницами. Священник убедил крестьянку написать заявление в полицию, что послужило толчком к началу следственных мероприятий⁶³.

По заявлению А. Русиновой было арестовано 11 подозреваемых, являвшихся жителями деревни Шевырялово и соседнего села Заборье. Поскольку все задержанные категорически отрицали свою принадлежность к скопчеству, они были подвергнуты принудительному медицинскому освидетельствованию в Сарапульской городской больнице.

В результате него выяснилось, что 10 из 11 задержанных являлись оскопленными: у мужчин и женщин были повреждены половые органы ⁶⁴.

Некоторые из арестованных сектантов, рассчитывая на смягчение наказания, пошли на сотрудничество со следствием, выдав часть своих единоверцев. Это позволило правоохрнительным органам вновь разгромить скопческую общину в Сарапуле, а также в Ижевске и Воткинске. В ходе следствия было установлено, что после ареста в 1829 г. Иванова сарапульскую общину возглавил купец третьей гильдии Афанасий Варачев ⁶⁵. На Ижевском и Воткинском заводах ведущую роль играли местные мастеровые — Евдоким Назаров, Иван Лузев и Пётр Евдокимов ⁶⁶.

Вятский губернатор А.И. Серeda сразу же сообщил об арестах сарапульских скопцов руководству МВД, а министр внутренних дел Л.А. Перовский информировал об этом императора. Николай I взял данное дело под личный контроль, постоянно интересуясь ходом следствия. 21 марта 1850 г. губернатору Серede было направлено секретное распоряжение министра внутренних дел, предписывавшее до вынесения судебного приговора использовать методы публичного унижения скопцов: «... Предлагаю Вашему Превосходительству всех вновь открытых в Сарапульском уезде Вятской губернии скопцов... отправить в те местности, к которым они принадлежат, и там, как отъявленных безумцев, которые сами себя выбросили из числа мужчин, водить перед народом в женском крестьянском платье и дурацких шапках» ⁶⁷.

Акция публичного унижения сектантов состоялась 21 мая 1850 г. в селах Шевырялово и Заборье. Она была организована уездными властями и чиновником Вятского губернского правления Кабалеровым, специально командированным из Вятки ⁶⁸. При большом стечении местных жителей, мужчины-скопцы, переодетые в женскую одежду, были проведены по названным населенным пунктам, что стало настоящим шоком для собравшихся. «Общее впечатление, произведенное их видом на народ, несмотря на сделанное предупреждение и наше старание возбудить веселость и насмешку, выразилось первоначально в одном лишь крайнем изумлении. Крестьяне были поражены позору, которому были преданы оскопившие себя. Выставление их, официальным образом, на публичное осмеяние с проводом по всему селению в женских нарядах, чрезвычайно сильно подействовали на простой народ. Не осталось почти ни одного крестьянина, который бы при виде переодетых скопцов не выразил бы изумления. Женщины крестились и творили молитву», — писал в своем отчете Кабалеров ⁶⁹.

Через год после проведения данной акции Сарапульский уездный суд приговорил большинство арестованных скопцов к каторжным работам. После такого разгрома скопчество на юго-востоке Вятской губернии так и не смогло полностью восстановиться. Отдельные сектанты, избежавшие ареста, продолжали тайно исповедовать свою веру, но их прозелитизм среди православных верующих практически прекратился. Аналогичная картина наблюдалась и в других регионах Российской империи. «Первое время скопчество еще боролось против сыпавшихся на него ударов, но его ослабление шло неудержимым темпом, и с 60-х гг. XIX в. оно перестает быть массовым и

жизнеспособным явлением. Оно становится уделом отдельных групп фанатиков-изуверов, процессы над которыми еще изредка напоминают о его существовании», — отмечал известный советский историк и религиовед Никольский⁷⁰.

Таким образом, конфессиональная политика Николая I в отношении старообрядцев и духовных христиан была достаточно жесткой. Она включала в себя такие репрессивные меры, как закрытие и разрушение храмов, арест духовных лиц представителей названных религиозных групп, высылку их активистов в Закавказье (старообрядцы) или Восточную Сибирь (скопцы). Подобная жесткость объяснялась не только желанием властей защитить интересы Православной церкви, являвшейся одной из опор самодержавия, но также и тем, что религиозное инакомыслие воспринималось как потенциальный союзник политического вольнодумства. По мнению руководства страны, старообрядцы и духовные христиане формировали у своих адептов неприязненное отношение к официальному православию и поддерживающей его светской власти, подводя под это идеологическое обоснование. Однако эффективность подобного конфессионального курса была относительной. Если жесткие репрессии против скопцов, действительно, поставили секту на грань полного разгрома, то старообрядчество не только не исчезло, но и за вторую четверть XIX в. увеличило число своих последователей.

Примечания

1. Обзор мероприятий Министерства внутренних дел по расколу с 1802 по 1881 год. СПб. 1903, с. 142.
2. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собрание второе (1825—1881). Т. 1 (12 дек. 1825 г. — 1826 г.). СПб. 1827, с. 946; т. 18 (1843). Ч. 2: прибавление к тому XVII. СПб. 1844, с. 6.
3. Обзор мероприятий Министерства внутренних дел по расколу с 1802 по 1881 год. СПб. 1903, с. 139—140.
4. ПСЗ РИ. Собрание второе (1825—1881). Т. 11 (1836). Отделение первое. СПб. 1837, с. 446.
5. Государственный архив Кировской области (ГА КО), ф. 582, оп. 128г, д. 86, л. 1об.
6. Там же, л. 2об.
7. Там же, л. 5об.
8. Там же, л. 16—16об.
9. Там же, ф. 237, оп. 15ж, д. 215, л. 15.
10. Там же, ф. 237, оп. 15з, д. 764, л. 159.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1284, оп. 222, д. 73а, л. 1.
12. Там же, ф. 1276, оп. 4, д. 822, л. 30.
13. ГА КО, ф. 237, оп. 14, д. 1747, л. 1.
14. Там же, ф. 582, оп. 85, д. 181а, л. 2об.
15. РГИА, ф. 797, оп. 40, д. 35, л. 16—17.
16. Там же, ф. 1284, оп. 222, д. 73а, л. 24об.
17. ГА КО, ф. 237, оп. 4, д. 1919, л. 145—145об.
18. Там же, ф. 582, оп. 128а, д. 4, л. 193об.—194.
19. Там же, л. 172.
20. ПСЗ РИ. Собрание второе (1825—1881). Т. 12 (1837). СПб. 1838, с. 370.
21. ГА КО, ф. 582, оп. 129а, д. 2, л. 1об.
22. Там же, ф. 237, оп. 15ж, д. 423, л. 1об.—2.

23. Там же, оп. 15д, д. 977, л. 3.
24. Там же, ф. 582, оп. 129а, д. 2, л. 14—14об.
25. ПСЗ РИ. Собрание второе (1825—1881), т. 11 (1836), с. 1.
26. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб. 1845, с. 76.
27. ГА КО, ф. 582, оп. 128г, д. 2, л. 11—11об.
28. Собрание постановлений по части раскола. СПб. 1875, с. 260.
29. Там же, с. 90, 138, 245.
30. ГА КО, ф. 582, оп. 128г, д. 16, л. 25—25об.
31. ФЛОРОВСКИЙ Г. Пути русского богословия. Париж. 1988, с. 69.
32. ГА КО, ф. 582, оп. 128г, д. 16, л. 25об.
33. ЗЕНЬКОВСКИЙ С. Русское старообрядчество. М. 1995, с. 435.
34. ГА КО, ф. 237, оп. 203, д. 424, л. 9об.
35. Там же, оп. 15е, д. 430, л. 4об.—5об.
36. Обзор мероприятий Министерства внутренних дел по расколу с 1802 по 1881 год. СПб. 1903, с. 121.
37. Там же, с. 124—125
38. Там же, с. 124.
39. ГА КО, ф. 582, оп. 129а, д. 26, л. 7об.
40. Там же, л. 14.
41. Там же, л. 14об.
42. Там же, д. 22, л. 3—3об.
43. Там же, л. 5—5об.
44. ПСЗ РИ Собрание второе (1825—1881), т. 18 (1843), с. 596.
45. Обзор мероприятий Министерства внутренних дел по расколу..., с. 150—151.
46. ГА КО, ф. 582, оп. 129а, д. 28, л. 2об.
47. Там же, л. 36об.
48. Обзор мероприятий Министерства внутренних дел по расколу..., с. 118.
49. Российское законодательство X—XX вв. Т. 6. М. 1988, с. 217, 219.
50. Там же, с. 219.
51. Там же, с. 220.
52. ЕРШОВА О.П. Развитие законодательной системы в области раскола в 50—60-е гг. XIX в. В кн.: Старообрядчество: история, культура, современность. М. 1995, с. 28.
53. МЕЛЬНИКОВ П. И. Раскольники и сектанты в России. — Исторический вестник. 1885, кн. VII, с. 60.
54. ГА КО, ф. 574, оп. 1, д. 30, л. 7об.—9.
55. Там же, ф. 237, оп. 15з, д. 251, л. 42.
56. ТРОНИН В. Скопчество-хлыстовщина в г. Сарапуле в начале XIX в. — Вятские епархиальные ведомости. 1900, № 2, с. 54.
57. НИКОЛЬСКИЙ Н.М. История Русской церкви. М. 1988, с. 357.
58. МАЛАХОВА И.А. Духовные христиане. М. 1970, с. 43.
59. НИКОЛЬСКИЙ Н.М. Ук. соч., с. 365.
60. ГА КО, ф. 237, оп. 15з, д. 251, л. 42.
61. История Удмуртии: конец XV — начало XX века. Ижевск. 2004, с. 177.
62. ГА КО, ф. 582, оп. 131, д. 63а, л. 73об.
63. Там же, л. 3.
64. Там же, л. 23об.
65. Там же, оп. 85, д. 40, л. 4об.
66. Там же, оп. 84, д. 206, л. 3об.
67. Там же, оп. 131, д. 63в, л. 34об.
68. Там же, оп. 85, д. 40, л. 1.
69. Там же, оп. 131, д. 63а, л. 74—74об.
70. НИКОЛЬСКИЙ Н. М. Ук. соч., с. 365.

Этнические депортации населения СССР в современной зарубежной историографии

А.С. Иванов, Н.А. Михалёв

Аннотация. В публикации рассматриваются подходы современной зарубежной историографии к проблеме этнических депортаций населения СССР в конце 1930-х — 1940-х годах. Показано, что часть западных историков рассматривает их как один из случаев этнических чисток, которые в изобилии встречаются в новейшей истории многих европейских стран. Другие авторы предпринимают попытки оценить политику сталинского режима через международную правовую категорию «геноцид». Однако большинство зарубежных исследователей при интерпретации принудительных миграций народов СССР обращается к социологии З. Баумана и концепции «политики населения», предложенной П. Холквистом. Апробация этих концептуальных построений на советском материале породила дискуссию, разделив западных историков на две группы.

Ключевые слова: зарубежная историография, этнические депортации, спецпереселенцы, этнические чистки, геноцид, политика населения.

Abstract. The publication studies the approaches of modern foreign historiography towards the history of ethnic deportations in the USSR population in the late 1930s–1940s. It is shown that some Western historians consider them as one of the cases of ethnic cleansing that are abundant in the modern history of many European countries. Other scholars make attempts to assess the policy of the Stalinist regime through such international legal category as «genocide». However, most foreign researchers, when interpreting forced migrations of the peoples of the USSR, rely on Z. Bauman's sociology and the concept of «population politics» proposed by P. Holquist. Approbation of these conceptual constructions on Soviet material gave rise to a great discussion, dividing Western historians into two groups.

Key words: foreign historiography, ethnic deportations, special settlers, ethnic cleansing, genocide, population politics.

Принудительные перемещения населения являлись одной из главных характеристик государственной системы миграций СССР в течение всей первой половины XX века. По современным оценкам, в это время они затронули более 6 млн жителей страны. При этом около половины из этих 6 млн оказались жертвами насильственных миграций в период конца 1930-х — первой

Иванов Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент Сургутского института нефти и газа Тюменского индустриального университета. E-mail: 88d@bk.ru; *Михалёв Николай Анатольевич* — кандидат исторических наук, научный секретарь Института истории и археологии Уральского отделения РАН. Екатеринбург. E-mail: n.mikhalev@mail.ru.

Ivanov Alexander S. — candidate of historical sciences, associate professor at the Surgut Oil and Gas Institute of the Tyumen Industrial University. E-mail: 88d@bk.ru; *Mikhalev Nikolai A.* — candidate of historical sciences, scientific secretary of the Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS. Ekaterinburg. E-mail: n.mikhalev@mail.ru.

половины 1940-х гг., а период второй мировой и Великой Отечественной войн стал кульминацией в так называемых этнических депортациях, принявших в это время беспрецедентные масштабы¹. Представители целого ряда народов подверглись частичному или полному переселению, многие лишились своих национальных автономий и оказались в отдаленных тыловых регионах Советского Союза.

Для отечественных исследователей до конца 1980-х гг. история насильственных миграций по очевидным причинам оставалась одной из самых «закрытых» тем, в то время как зарубежные авторы имели возможность обратиться к этой проблеме намного раньше. Вышедшая в 1960 г. монография Роберта Конквеста «Советские депортации народов», а также появившаяся в 1978 г. книга Александра Некрича «Наказанные народы» выдвинули тему этнических депортаций в качестве самостоятельной научной задачи и представляли собой первую попытку ее разработки². Впрочем, в связи с недоступностью архивных источников названные работы основывались на узкой источниковой базе и отличались значительной степенью публицистичности.

Открытие доступа к архивным материалам в 1990-е гг., по словам Джона Кипа, «революционизировало» всю сферу советских исследований на Западе, и историческая литература о сталинской эпохе стала «быстро разрастаться»³. К настоящему моменту зарубежная историография сталинских этнических депортаций насчитывает большое число работ разного уровня и формата. При этом западные исследователи, как правило, не ограничиваются фактографическим аспектом истории депортаций, предлагая оригинальные (и не всегда однозначные) концепции и интерпретации, объясняющие их причины и характер.

Одной из наиболее часто используемых интерпретационных рамок, через которые сегодня рассматриваются советские депортации, является история этнических чисток в Европе XX века. Хотя, как отмечает Пол Мойзес, практика этнических чисток «так же стара, как человечество»⁴, этот термин получил широкое распространение в западном общественно-политическом, юридическом, а затем и научном дискурсе после событий на территории бывшей Югославии в первой половине 1990-х годов⁵. Спустя непродолжительное время он был востребован и при изучении истории сталинского СССР.

«Доведенными до совершенства» этническими чистками современного типа называет принудительные перемещения населения Советского Союза в 1937—1949 гг. Отто Пол. Его монография, вышедшая в 1999 г., носит компилятивный характер и, будучи основанной на документальных публикациях и сборниках российских историков (главным образом, Н.Ф. Бугая), одной из первых в современной зарубежной историографии представляет обобщенную картину хронологии и статистики сталинских депортаций указанного периода. Все депортированные народы Пол делит на две категории. В первую он включает «экстерриториальные национальности», обладавшие этнокультурными связями с иностранными государствами (корейцы, финны, немцы, греки, турки, хемшины и курды), чья депортация была осуществлена как «профилактическая мера» против возможных диверсионных действий. Ко второй автор относит «коренные национальности», имевшие «историю конфликта с Российской империей» (калмыки, карачаевцы, чеченцы, ингуши, балкарцы и крымские татары). Депортировав эти тринадцать национальных групп, «советское правительство удалило с границ и стратегических районов те национальности, которым оно не доверяло, устранило возможность шпионажа и саботажа с их стороны и подавило сопротивление своей власти в уязвимых районах Советского Союза», а также получило «запас рабочих рук для развития экономики Сибири, Казахстана, Центральной Азии и других малонаселенных территорий»⁶.

В качестве этнических чисток квалифицировал события советской истории 1930—1940-х гг. и Терри Мартин. Определяя их как «принудительное перемещение этнически определенного населения с данной территории», автор подчеркивает, что такие термины, как «обмен населением», «насильственные миграции» и «массовое изгнание» не совсем удачны, так как не соответствуют в полной мере всему многообразию случаев, описываемых понятием «этническая чистка». «Этническая чистка», кроме того, однозначно представляет точку зрения субъекта, ее осуществляющего. Именно от него исходит этническое определение той или иной группы, кото-

рое может и не совпадать с самоидентификацией оказавшегося в ней населения, и именно он рассматривает перемещение этого населения как «очищение»⁷.

Согласно концепции Мартина, переход к этническому террору, объектом которого становились целые народы («народы-враги»), ознаменовал конец для советской империи «положительной деятельности» в ее «идеально-типичной форме»⁸. Причины депортаций исследователь видит прежде всего в конфликте, возникшем между двумя базовыми положениями национальной политики большевиков — Пьемонтским принципом и советской ксенофобией. Пьемонтский принцип предполагал использование трансграничных этнических связей для распространения советского влияния за границей, в то время как советская ксенофобия — «непомерная боязнь иностранного капиталистического влияния и “иностранной заразы”» — содействовала росту недоверия к подобным взаимодействиям. «Как только советскому руководству стало понятно, что трансграничные этнические связи нельзя использовать для подрыва власти в соседних государствах и что эти связи могли привести к прямо противоположному результату, — заключает Мартин, — оно начало этнические чистки советского пограничья и в конечном счете этнический террор, распространившийся по всему Советскому Союзу»⁹.

Мартин также предпринял попытку создания типологии сталинских массовых депортаций. По его мнению, сталинская массовая депортация отличалась двумя типовыми характеристиками. Во-первых, она была «категориальной» в том смысле, что «в меньшей степени фокусировалась на том, что в действительности совершил человек, чем на том, принадлежал ли он к стигматизированной категории населения». Во-вторых, она была «профилактической» в том смысле, что «использовалась не столько для того, чтобы переселить или наказать человека за совершение преступления, сколько для того, чтобы переселить тех, кто предположительно совершит таковое, если представится надлежащая возможность». Другими словами, человек должен был ответить на вопрос «Кто ты?» («кулак», чеченец, польский колонист, свидетель Иеговы и т.д.), а не «Что ты сделал?»¹⁰ Практика массовых депортаций, таким образом, появилась с целью удовлетворения государственной потребности в перемещении значительных категорий населения, которые оказывались «подозрительными» с точки зрения режима, но которые тот не считали необходимым лишать свободы на индивидуальной основе. Отталкиваясь от этой общей функции депортаций, историк выделяет две основные и четыре второстепенные их разновидности, подчеркивая, что они представляют собой статус «идеальных типов» и что в реальности депортации имели более сложный характер.

Двумя основными типами депортаций, по Мартину, являлись «депортации советизации» и «депортации безопасности». «Депортации советизации» были предприняты как часть кампании по утверждению «фундаментальных особенностей советского общества» (руководящая власть компартии, быстрая индустриализация и коллективизация, ликвидация рыночных отношений и т.д.). Если исключить «раскачивание» 1919—1920-х гг., то «депортации советизации» имели место в 1930—1933 гг., а также в 1939—1941 и в 1944—1952 гг. на вновь присоединенных западных территориях. В обоих случаях основной мишенью депортаций оказывались так называемые «кулаки». «Депортации безопасности» были вызваны страхами по поводу потенциальной нелояльности (измены) целого ряда групп населения и привели, в частности, к «очищению» от «подозрительного» населения приграничных регионов страны. Начало депортациям этого типа было положено еще во время раскулачивания 1930-х гг., но своего пика они достигли в 1935—1938 гг. и в период второй мировой войны, продолжаясь после ее окончания на вновь присоединенных территориях.

Четыре второстепенных типа депортаций имели своей целью: предупреждение социального беспорядка, этническую консолидацию, русификацию и наказание соответственно. При этом, считает Мартин, последние две цели были актуальны для любой массовой депортации. «Депортации социального беспорядка» начались после «депортаций советизации», коснувшись тех групп населения, которые, по мнению государства, нарушали вновь установленный социальной порядок и приводили, в частности, к периодическому выселению «социально вредных элементов» из крупных городов страны. «Депортации этнической консолидации» были направлены на

усиление «этнической однородности». К депортациям этого типа относились международные «обмены населением» после войны. «Депортации русификации» подразумевали переселение этнических меньшинств из периферийных регионов РСФСР. Этот мотив сыграл свою роль и в ходе депортаций из Крыма и с Северного Кавказа в 1944 году¹¹.

В качестве этнических чисток насильственные миграции населения СССР в период второй мировой войны рассматривает также Норман Неймарк в своей работе 2001 года. При этом из всего перечня советских депортаций для своего анализа он избирает выселение чеченцев и ингушей с Северного Кавказа и крымских татар из Крыма в 1944 году. Согласно Неймарку, эти депортации представляли собой «советский вариант “окончательного решения” наболевшей проблемы национального антагонизма», вызванного нежеланием традиционалистского общества принимать навязываемые ему государственные формы, а также способностью депортируемых народов сопротивляться прямому давлению и модернизаторским усилиям Москвы. С точки зрения советского руководства, пишет исследователь, крымские татары, чеченцы и ингуши были слишком преданы своей истории и культуре, чтобы стать по-настоящему советскими национальностями: «если не сами эти народы, то их культуры должны были сгинуть в необъятных просторах Казахстана и Средней Азии, в новых и чуждых для них условиях»¹².

Пришедший из сферы международных отношений термин «этнические чистки» тесно смыкается с таким понятием, как «геноцид», составляя, по словам Мартина Шоу, его «минимальный эвфемизм»¹³. Не удивительно поэтому, что «геноцид» также довольно быстро вошел в лексикон многих историков, применивших его для анализа различных случаев массового насилия современной эпохи. При этом в отличие от этнической чистки, которая до сих пор не имеет юридически квалифицированного состава преступления, понятие «геноцид» получило международный правовой статус еще в середине XX века. Принятая Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1948 г. «Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него» определила геноцид как действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую, а также установила перечень этих действий¹⁴. Однако, несмотря на наличие официального определения, геноцид, образно замечает американский историк Марк Мазовер, остается довольно «скользким понятием»¹⁵.

Это побудило ряд авторов выступить с обоснованием альтернативных определений. Вслед за Бенджамином Либерманом их условно можно разделить на две группы: тех, кто, с одной стороны, отстаивает предельно «эластичное» и с другой — предельно «ограничительное» толкование этого понятия¹⁶.

Историки, пытающиеся оперировать категорией «геноцид» применительно к истории сталинской России, неизбежно прибегают к расширительному варианту определения. Типичным представителем подобного подхода является упоминавшийся выше Н. Неймарк. В монографии 2001 г., характеризуя депортации 1940-х гг. как этнические чистки, он подчеркивал, что «геноцид, т.е. поголовное истребление депортированных народов в намерения сталинского руководства явно не входил»¹⁷. Спустя девять лет в книге с говорящим названием «Сталинские геноциды» Неймарк уже ставит перед собой задачу доказать «геноцидальную природу» сталинского режима. В перечень случаев геноцида исследователь включает раскулачивание, «голодомор», «большой террор» и этнические депортации конца 1930—1940-х годов. Рассматривая историю создания Конвенции 1948 г., он показывает ее компромиссный характер и полагает, что официальное определение геноцида следует расширить за счет включения в него «запланированного уничтожения социальных и политических групп». Это расширение, по мнению историка, будет способствовать «более ясному пониманию» данного феномена в целом и даст исследователям возможность «говорить о геноциде как продукте советской системы»¹⁸. Вместе с тем, даже эта расширенная дефиниция не всегда позволяет автору однозначно «подводить» под нее рассматриваемые события. По справедливому замечанию одного из рецензентов, Неймарк «имеет обезоруживающую привычку сначала предположить, что определенный эпизод может считаться геноцидом, затем признать причины, почему он может им и не считаться, а затем заклю-

читать, что все-таки его следует считать таковым»¹⁹. Это, в частности, заметно при обращении Неймарка к этническим депортациям. Согласно выводам историка, репрессии против «враждебных» национальностей «в ряде случаев» приобретали «геноцидальные характеристики». К таким случаям он прежде всего относит депортации поляков в 1934 и 1939—1940 годах. Повторяя общие оценки депортаций чеченцев, ингушей и крымских татар, изложенные в своей предыдущей книге, Неймарк добавляет, что «по самой меньшей мере» их следует рассматривать как попытку «культурного геноцида»²⁰.

К числу тех авторов, кто сегодня выступает против использования категории «геноцид» в ретроспективных исторических исследованиях, принадлежат Кристиан Герлах и Николя Верт, считающие, что он «не дает полезной концептуальной структуры». По их мнению, отсутствие согласованного научного определения данного понятия вполне логично, учитывая, что «геноцид», по сути, «является инструментальным термином, созданным и используемым в политических целях». В качестве альтернативы они предлагают использовать понятие «массовое насилие», поскольку оно «является более общим и включает насильственное переселение, намеренно недостаточное снабжение, стерилизацию, принудительный труд и непомерные сроки лишения свободы»²¹.

Более распространенным рамочным подходом для анализа сталинских депортаций, к которому обращается все большее число западных исследователей, является концепция «политики населения», разработанная в работах американского историка Питера Холквиста. Масштабное применение насилия к различным социальным и этническим группам с 1917 г. и до самой смерти Сталина рассматривается им как политика, направленная на трансформацию и формирование определенного состава населения. Эта государственная политика осуществлялась по определенному шаблону, предполагавшему, что некие элементы среди населения можно идентифицировать как «ненадежные» и «вредоносные» и во имя благополучия общества их необходимо изымать из социального тела²². Нетрудно заметить, что в теоретическом плане этот подход фактически базируется на предложенной британским социологом Зигмунтом Бауманом модели современного интервенционистского государства, использующего основанные на новом социологическом, естественнонаучном и политическом знании практики управления. Описывая различия между домодерным и модерным государствами, Бауман метафорически сравнивает их как «лесника» и «садовника». Если лесник просто поддерживает имеющийся режим, садовод сам планирует социальный порядок и навязывает его социальной реальности. При этом современное государство не только планирует социальный порядок, но и санирует его подобно тому, как садовод уничтожает сорняки. «Преступление, за которое сорняки приговорены к уничтожению, — пишет Бауман, — это их тенденция избегать и не признавать контроль: сорняки появляются в саду без приглашения, они — самосев, пускают корни и растут в месте, предназначенном для других растений, и таким образом становятся помехой замыслу садовника и нарушают его представление о порядке»²³.

Истоки современного «эксцизионного насилия», то есть селективного удаления из общества отдельных категорий населения («сорняков»), как убедительно показывает Дэвид Хоффман, находятся еще в деятельности европейских колониальных администраций, а также политике Российской империи на Кавказе. Однако поворотным пунктом в этом отношении стала первая мировая война, значительно усилившая использование подобного рода инструментов государственного насилия²⁴. Почти все западные авторы указывают на преемственность между большевистской политикой и действиями российских властей в годы войны. Ее тотальный характер, как в частности пишет Мария Ферретти, изучая генезис сталинизма, вызвал к жизни практики вмешательства государства во все сферы жизни общества, которые впоследствии войдут в актуальный инструментарий большевиков²⁵. По словам П. Холквиста, «государственное насилие как техника» не было порождением большевистского режима, хотя большевизм как идеология и предопределял специфику его использования. В этом смысле большевики во многом опирались на опыт своего имперского предшественника, приобретенный в годы войны²⁶. С первых ее дней российская администрация приступила к реализации программы массовых принудительных депортаций населения прифронтовых областей, которое усилиями воен-

ных статистиков в предшествующие десятилетия характеризовалось как «ненадежное» и «подозрительное»²⁷. К депортациям «нежелательного элемента» прибегли также Германия и Австро-Венгрия²⁸. Согласно оценкам Эрика Лора, в России эти насильственные перемещения, названные им «великим выселением народов», затронули около 1 млн гражданских лиц²⁹ и занимают «важное место в истории Европы как один из наиболее ранних примеров широкомасштабного, санкционированного государством насильственного переселения в XX столетии»³⁰. Именно в ходе осуществления данных переселений, заключает историк, «старый режим» выработал целый ряд государственных мер (включая выявление, перемещение или уничтожение враждебных категорий населения), которые займут основное место уже в большевистском революционном наборе методов управления³¹.

В более общем смысле произошедшее за годы войны расширение государственного вмешательства в жизнь индивида и общества, диктовавшееся необходимостью сплошной мобилизации человеческих и экономических ресурсов, создало необходимые условия для появления и функционирования описанного Бауманом современного государства. Как отмечает Амир Вайнер, война осуществила мечты о всеобъемлющем плане по преобразованию и управлению обществом, плане, который бы «создал лучшее, более чистое и более прекрасное общество посредством удаления ненужных человеческих сорняков». При этом беспрецедентный рост возможностей и устремлений государства шел рука об руку со взглядом на общество как на сырой материал, из которого нужно сформировать идеальный образ. Трансформация (удаление) человека (определенной группы населения) превратилась в общепринятую цель государства в его социальной и карательной политике. Более того, стимул к «лепке общества» не знал границ, «государства-садоводы» расцвели по всей Европе, и к концу 1930-х гг. трансформация общества окончательно утвердилась в качестве «кросс-идеологического феномена», затронувшего либеральные, социалистические, а также фашистские государства³².

При таком подходе большевистский проект не просто оказывается преемником позднеимперской России в плане используемых государственных практик, а помещается в контекст общеевропейских процессов транзита к современности. Основная цель и «всеохватывающая характеристика» этого проекта, формулирует Вайнер, заключалась в «революционной трансформации общества из антагонистически разделенного в свободное от конфликтов гармоничное целое». Именно из взгляда на общество как на реформируемый организм берет свое начало советская «пурификационная кампания», направленная на ликвидацию всех мешавших достижению этой цели «контрпродуктивных» элементов. Эксклюзия и насилие, подчеркивает Вайнер, с этой точки зрения не были случайными или превентивными полицейскими мероприятиями, которые очерчивали границы легитимного и допустимого, они являлись неотъемлемой частью непрерывного процесса структурирования общества³³. При этом особенность данного процесса состояла в сочетании современного европейского этоса социальной инженерии с большевистско-марксистской эсхатологией. С уничтожением враждебных классов и объявлением о построении социализма место классового антагонизма в качестве главного препятствия на пути к достижению «морально-политического единства» советского общества заняла этничность, что и предопределило новые «очаги эксцизии»³⁴. Постепенная этнизация враждебных категорий населения достигла своего пика в годы второй мировой войны, когда произошел переход от «очищения отдельных территорий к вычищению народов целиком». Довоенный фокус на отдельные зоны советского пограничья был заменен на репрессии против всех представителей стигматизированных групп населения, независимо от их географического местоположения и заслуг перед советским государством. В этом смысле депортация немцев в 1941 г. послужила образцом для всех последующих депортаций военного периода³⁵.

Оригинальный взгляд на национальную политику СССР и этнические депортации 1930—1940-х гг. в рамках концепции политики населения предложил Эрик Вайтц. Развивая взгляды своих предшественников, он попытался доказать, что «при Иосифе Сталине советы практиковали — конечно, непостоянно и непоследовательно — расовую политику без явного концепта и идеологии расы». Вайтц подчеркивает, что Советский Союз никогда не был «расоизированной

социальной системой» или «откровенно расовым режимом», похожим на Соединенные Штаты в эпоху Джима Кроу, режим апартеида в Южной Африке или нацистскую Германию. Тем не менее, «следы расовой политики» можно обнаружить и в советской системе, системе которая открыто отвергала весь идеологический корпус и терминологию расы³⁶.

При такой интерпретации важно представлять, что же исследователь имеет в виду под расой. Этничность, национальность и раса, пишет Вайтц, — все это «сконструированные формы понимания человеческих различий и организации социальных и политических систем», в них нет совершенно ничего «естественного». Как современные формы групповой идентичности они никогда не были герметично отделены друг от друга, напротив, пограничные линии между ними неустойчивы и проницаемы. Раса при этом является самой «жесткой» и самой «эксклюзивной» формой идентичности. Раса присутствует, когда «определенная группа населения рассматривается как обладатель особых характеристик, являющихся необратимыми, неизменными и межпоколенческими». Раса — это «судьба, от характеристик, которые, как считается, имеет каждый без исключения представитель данной группы, нет спасения». Хотя, продолжает Вайтц, расовые различия наиболее часто основаны на фенотипе, раса необязательно связана с цветом кожи, а имеет отношение к приписыванию внешней силой (обычно государством) необратимых черт определенным группам населения. Следовательно, «в исторически непредвиденных моментах и местах» и этнические группы, и национальности, и даже социальные классы могут подвергнуться «расоизации». Возможности для этого слишком очевидно присутствуют, когда современные государства пытаются ограничить круг своих граждан и прилагают активные усилия для формирования самого состава общества, то есть проводят активную политику населения³⁷.

Именно по причине того, что политика населения являлась главным элементом в построении социализма, в преобразовании общества в «современный, индустриальный, дисциплинированный и идейный советский народ», сталинскому режиму особенно было свойственно впасть в крайности категоризации и «расоизировать» отдельные группы населения. Вайтц отмечает, что Советский Союз при Сталине придал социальной инженерии чрезвычайно систематический и опасный характер, обусловленный «тотализирующими» устремлениями самой системы и отсутствием юридических и культурных ограничений, накладываемых на государство в либеральных режимах. Гигантские социальные сдвиги 1930-х гг. и огромная опасность, которую представляло германское вторжение в 1940-е гг., лишь усиливали стремление советского государства к политическому и социальному единообразию, создавая потенциальные условия для «расоизаций».

Несмотря на всю официальную риторику о возможности переделки человека, в период с 1937 по 1953 г. определенные группы населения рассматривались как находящиеся «за пределами возможного преобразования» либо благодаря предполагаемым связям с своими соплеменниками за рубежом, либо в силу своего образа жизни «как слишком сельские, слишком кочевые, слишком коммерческие, слишком индивидуалистичные, слишком религиозные или обладающие некоторой комбинацией этих свойств». Каждый представитель такой группы идентифицировался как носитель одних и тех же подозрительных черт, которые он или она обязательно передавали следующему поколению. Отношение к этим группам строилось на представлении, что «онтология определяла политику» и что, «если человек был рожден корейцем, крымским татаринцем, чеченцем, или, наконец, евреем, он должен думать и вести себя особым образом». В этом, по Вайтцу, и заключалась «расовая логика в действии»³⁸. Еще раз указывая на противоречивость советской национальной политики, историк подчеркивает, что раса вовсе не являлась единственной логикой сталинской системы. Советский режим предлагал также и возможность «исправления» тех, кто был «вычищен» из общества и исторических мест проживания, о чем свидетельствовали, в частности, часто повторяемые заявления, что сыновья не должны расплачиваться за грехи отцов, освобождение со спецпоселения детей кулаков, снятие ограничений в правах с ряда (хотя и не всех) депортированных национальных групп, последовавшее после 1956 г., и т.д.

Оппонентами Вайтца в дискуссии, развернувшейся на страницах журнала «Slavic Review» после публикации там обширной статьи последнего, выступили Франсин Хирш, Амир Вайнер и Алайна Лемон.

Наиболее полный и развернутый комментарий принадлежал Хирш. По ее мнению, хотя советский режим практиковал политику дискриминации и эксклюзии, он вовсе не осуществлял того, что считалось современниками «расовой политикой». Массовые депортации отдельных национальностей, наряду с прочими составляющими советской национальной политики, базировались на убеждении, что национальности (как и классы) являлись не расово-биологическими, а социально-историческими группами с общим сознанием.

Советский режим, доказывает исследователь, обладал научной и политической концепцией расы, но раса не определяла его национальную политику. В интерпретации Хирш советская национальная политика в конце 1930-х — первой половине 1940-х гг. являлась реакцией на угрозу национализма. В период международного конфликта партия и НКВД начали описывать все национальности, к которым могли обратиться другие государства на основе этническо-национальных связей — немцев, корейцев, поляков, болгар, греков, литовцев и прочих — как «подозрительные». Отчасти это было связано с советской ксенофобией в том виде, как ее определяет Т. Мартин. Но куда больше, полагает Хирш, советские руководители были обеспокоены тем, что эти национальности не могли быть «переделаны» в советские нации — «национальные по форме, но социалистические по содержанию» — поскольку другие государства или классовые враги обладали «контролем» за историей и традициями, определявшими их национальное сознание. Она выделяет три группы национальностей, ставших жертвами советской репрессивной политики: 1) «диаспоральные национальности», связанные с национальными государствами или крупными этническими сообществами за пределами Советского Союза; 2) национальности, которые не поддавались попыткам Москвы переделать их традиции и преобразовать их культуры; они получили наименование «мелкобуржуазных националистов»; 3) национальности, проживавшие на территориях вне советского контроля — к примеру, тех, что были оккупированы нацистами. Национальности из первых двух групп оказались стигматизированными в качестве народов, которые не могли быть включены в советское интернациональное целое по причине их особого (буржуазного, несветского) «национального сознания». Недиаспоральные национальности из третьей группы подверглись интенсивным процессам политической и культурной советизации. А все вместе они получили определение потенциальных предателей советской власти по причине «их предполагаемой верности досветскому или несветскому национальному прошлому»³⁹.

Иными словами, делает вывод Хирш, советский режим, в отличие от нацистского, не пытался уничтожить расы, генотипы или расовые черты. Его цель заключалась в том, чтобы контролировать или ликвидировать все формы национализма, уничтожить национальные территории, языки, культуру и историю тех национальностей, которые он считал угрозой. Фокусируясь на групповом сознании, передаваемом посредством культуры, он, в отличие от расовой политики нацистов с ее фокусом на расовом типе, не нуждался в массовых убийствах. Поэтому этнические депортации 1930-х и 1940-х гг. в терминологии Хирш являлись формой «этно-исторического изъятия» и затронули те группы, которые рассматривались режимом как более «национальные», чем «советские» — те, которые в силу их (предполагаемого) национального сознания (а не по причине их расовых признаков), как считалось, не желали (или не могли) слиться с единым советским «постнациональным» целым, появление которого ожидалось при построении коммунизма⁴⁰.

По мнению второго оппонента, А. Вайнера, депортируя народы, сталинский режим стремился не к физическому уничтожению, а к искоренению их территориальной идентичности⁴¹. Как и Хирш, Вайнер отмечает, что раса присутствовала в российском научном и политическом дискурсе, но расовым концепциям никогда не позволялось взять верх в политике или науке. Если раса являлась особым мотивом советских репрессий, то, продолжает он, недостаточно искать «расовые паттерны» в обращении с внутренними врагами, важно определить, от имени какой расы эта политика проводилась. В интересах ли ассимиляционисткой и часто ассимилированной русской расы? Или в интересах несуществующей советской нации во главе с обрусевшим грузином, его армянскими, еврейскими и грузинскими сподвижниками и многонациональной коммунистической партии?⁴² Советское государство, подчеркивает Вайнер, не готово было отказаться от одной

вещи, базового инструмента периода социальной инженерии: возможности воздействовать на человека и претензии на то, чтобы видоизменять население по своему усмотрению⁴³.

Третий участник дискуссии, А. Лемон, являясь антропологом по своей основной специализации, выступила за кардинальную смену ракурса рассмотрения поставленных проблем и предложила изучать расу как дискурсивную практику. Общее описание события, при котором политика была нацелена на каждого представителя группы, пишет она, само по себе не доказывает действие расовой логики, хотя оно сигнализирует, что следует предпринять более тщательный поиск последней⁴⁴. Отсутствие явной расовой идеологии в официальных советских текстах вовсе не говорит, что политики не имели «никакой концепции» расы в других условиях или жанрах. В поисках расы Лемон предлагает обратить внимание на нерепрезентативные функции языка, в особенности указательные. Придание чрезмерного значения семантике и референции в ущерб тому, какими способами речь указывает на социальные отношения, полагает Лемон, особенно неверно при поиске расовых «концепций», потому что «расы не являются теми вещами, которые нужно называть». Раса, согласно Лемон, «существует только постольку, поскольку люди употребляют расоизирующие критерии отличия для организации социальных отношений»⁴⁵.

Как бы твердо советское государство ни выступало против расизма, многочисленные расоизирующие понятия циркулировали как за пределами официального дискурса, так и в государственных институтах (армия, тюрьма и пр.). Свидетельства тому могут быть получены из соответствующих лексикографических источников. В частности, многоязычный словарь этнофолизов А.А. Робака, опубликованный сразу после второй мировой войны, содержит многочисленные русские разговорные пейоративы, связанные с цветом кожи, телесными характеристиками, географией и генетикой. То же делают и словари тюремного сленга, составленные в 1960-е годы⁴⁶. Поэтому Лемон призывает спуститься на микроуровень и по мере возможности предпринять поиск расовой логики на первичном материале.

Сформулированные оппонентами аргументы, однако, мало повлияли на общую позицию Вайтца. Отстаивая приведенное им определение расы, Вайтц еще раз указал на то, что расовая политика разнообразна и вовсе не обязательно приводит к физическому уничтожению целых групп. Она касается построения иерархий различия, систем доминирования и подчинения, которые могут иметь своим результатом весь спектр действий: от неформальной дискриминации до геноцида. Изданный 26 ноября 1948 г. указ Президиума Верховного Совета СССР устанавливал, что подвергшиеся депортациям в годы войны народы были переселены «навечно». Появление этого указа служит основным аргументом, доказывающим наличие «расовой логики» в действиях советского руководства. С точки зрения Вайтца, этот факт означает, что представители данных этносов на протяжении нескольких поколений должны были нести «расовые клейма».

Завершенная, казалось бы, дискуссия была в дальнейшем заочно продолжена работами других западных исследователей. Так, Н. Верт солидаризировался с позицией Хирш, взяв на вооружение предложенный ей термин «этно-историческое изъятие». Им он обозначил все массовые депортации конца 1930-х — 1940-х гг., которые, по его словам, стали при сталинизме «официальной практикой», «способом надолго избавиться от заклеянных групп населения, главной формой социально-этнической инженерии»⁴⁷. Повторяя рассуждения Хирш, Верт заключает, что целью режима было совсем не уничтожение определенных рас или этносов, а «устранение любой формы или проявления национальной специфики, которая воспрепятствовала бы осуществлению проекта строительства сообщества советских социалистических национальностей и помешала осуществлению коммунистической утопии». Поэтому, имея все возможности осуществить масштабные операции по геноциду населения, Советский Союз не организовывал лагеря смерти по нацистскому образцу⁴⁸.

Другой историк, уже также упоминаемый выше О. Пол, напротив, поддержал точку зрения Вайтца. Развивая логику последнего, он пришел к выводу, что систематическая дискриминация отдельных этнических групп в СССР (их депортация, ограничение в правах и помещение под особый режим на спецпоселении) «имеет явные параллели с другими системами расовой дискриминации, такими как южно-африканский апартеид».

Пол полностью разделяет предложенную Вайтцем трактовку расы и считает, что замечания Хирш и Вайнера о том, что национальности в Советского Союзе определялись как культурно-исторические группы, не учитывают два обстоятельства. Во-первых, «такие культурные категории как этничность и национальность могут выполнять ту же самую работу по расоизации той или иной группы, что и биологические». Во-вторых, как было признано Международной конвенцией о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г., термины «этничность» и «национальность» могут в действительности являться «официальным кодом», чтобы избежать расовой терминологии⁴⁹. Именно так, по его мнению, и происходило в СССР и ЮАР, где при осуществлении политики расовой дискриминации «многословный язык культурного эссенциализма» заменял «грубый научный расизм, заимствованный из словаря социал-дарвинизма».

Еще одной авторской модификацией концепции политики населения условно можно назвать подход Йорга Баберовски. В полном соответствии с господствующей историографической традицией при характеристике сталинизма он первоначально прибег к социологии З. Баумана и написал, что сталинский террор (включая этнические депортации) базировался на «потребности в однозначности и преодолении неопределенности». Большевики, по его словам, мечтали о социальном порядке, полностью доступном для внешнего контроля, государство для них выступало в качестве «садовника, превращающего дикий ландшафт в симметрично разбитый сад». При этом все, что мешало преобразованию «отсталой» многонациональной империи в однородное социальное и культурное пространство, должно было исчезнуть с лица земли: «мусор», возникавший при разбивке «социалистического человеческого парка», нужно было убирать⁵⁰.

Однако в дальнейшем подобное описание сталинского социализма перестало удовлетворять историка. В отличие от многих названных выше исследователей Баберовски подчеркивает, что сталинский террор — это реакция на неспособность властей осуществить свои тотальные притязания, реализация которых оказывалась возможной лишь при условии подчинения населения «суровой дисциплинарно-воспитательной диктатуре» и поддержания в стране «перманентного чрезвычайного положения». При этом «чудовищная динамика» насилия в СССР трактуется автором как результат «несовременной обстановки» — отсутствия правового государства и современных институтов гражданского общества, способных противостоять «оргии насилия, устроенной большевистскими правителями». Но главное, пытается доказать Баберовски, кровожадность эпохи порождалась самим Иосифом Сталиным, который «питал пристрастие к насилию». Именно в личности диктатора заключалась причина того, что реализация «большевистского проекта упорядочения» сопровождалась «избыточным насилием»⁵¹.

Обращаясь к истории депортаций, Баберовски отмечает, что они представляли собой завершающую стадию процесса «этнической гомогенизации» приграничных районов и национальных областей Советского Союза. Как и другие западные авторы, он также указывает, что легитимация насилия по отношению к определенным национальным группам происходила в случае возникновения подозрения в нелояльности последних, если меньшинства «давали повод опасаться, что они дестабилизируют советский строй»: ведь настоящая родина немцев, поляков и финнов располагалась по другую сторону советской границы⁵². Причиной для «сомнения в лояльности» мог выступать и опыт взаимодействия с другой, несветской действительностью, как это, например, имело место при насильственных перемещениях населения из Прибалтики⁵³.

Отдельный пласт современной западной историографии составляют работы, посвященные принудительным миграциям и «обменам» населения, имевшим место в Центральной и Восточной Европе в конце и сразу после окончания второй мировой войны⁵⁴. Их авторы, в частности, показали, что причиной названных перемещений являлись не только решения советского руководства, во многих случаях они осуществлялись по собственной инициативе местных (коммунистических и некоммунистических) властей и санкционировались Великобританией и США. Так, например, хотя союзники и выразили «беспокойство» по поводу депортации немцев из Румынии, начатой СССР в январе 1945 г., оно не привело ни к каким серьезным дипломатическим или политическим действиям. По существу без внимания западных держав осталось и выселение судетских немцев из Чехословакии. Данное обстоятельство, подчеркивает Джилл

Массино, «усложняет вопрос об ответственности» и не дает возлагать всю вину за эти акции исключительно «на советы»⁵⁵.

С несколько иной позиции международный аспект сталинских депортаций затрагивает Александр Статиев, проводя параллели с политикой других западных государств. Согласно его расчетам, всего за период 1918—1952 гг. советское правительство подвергло принудительным перемещениям около 7% населения страны. При этом французы, проводя в конце 1950-х гг. антипартизанскую кампанию в Алжире, «за пару лет» поместили в «охраняемые лагеря» около 1 млн чел., что составило 11—12% от числа всех алжирцев-мусульман. В ходе так называемого «Малайского чрезвычайного положения» в начале 1950-х гг. британские власти переселили примерно такую же часть населения Малайи. Эти депортации принесли меньше жертв, однако, Советский Союз столкнулся с «гораздо большими сложностями» в войне с Германией, чем европейцы в колониях. Хотя забота о благополучии спецпереселенцев не входила в число приоритетов советского руководства, уровень смертности представителей народов Северного Кавказа, депортированных в 1944 г. (по выражению А. Статиева, «самые худшие советские депортации»), был в два раза меньше, чем смертность, зафиксированная в концентрационных лагерях для мирного населения за один год англо-бурской войны⁵⁶.

Заметной тенденцией последних лет стала антропологизация исследовательского поиска, выразившаяся в постепенном отходе от использования «больших» социологических теорий и повышении внимания к социальным аспектам истории принудительных миграций. Свидетельством этого поворота стало, в частности, появление целого ряда работ, посвященных гендерному измерению депортаций. Обращаясь к «забытой истории» этнических немцев в условиях изгнания и жизни на спецпоселении, Ирина Мухина подчеркивает, что доминировавший в историографии в лучшем случае гендерно-нейтральный дискурс привел к «непреднамеренной мифологизации» депортации советских немцев, превратив ее в историю борьбы мужчин за выживание и защиту «слабых» женщин⁵⁷. Изучая женскую историю депортации, исследователь показывает, каким образом тяжелые условия жизни и труда влекли за собой маскулинизацию женщин. Особое внимание И. Мухина уделяет вопросам «трудиспользования» немцев, приходя к выводу, что они не получали допуска к квалифицированной работе, даже если и обладали необходимыми навыками. При этом столкнувшись в рамках трудовой мобилизации с угрозой разделения семьи, женщины прибегали к «тактике социальной уязвимости», целенаправленно эксплуатируя распространенные стереотипы о «слабости» женщин. Как правило, немки занижали возраст детей, ссылались на плохое состояние здоровья, представляли себя в качестве единственного кормильца в семье, а также угрожали властям самоубийством и/или убийством детей. Хотя такая тактика имела ограниченное действие, по подсчетам Мухиной, до 20% женщин удалось избежать разлучения с детьми⁵⁸.

Статья Джилл Массино об этнических немцах, депортированных из Румынии в Советский Союз в конце второй мировой войны, дополняет работы Мухиной. В фокусе ее исследования — влияние пола на адаптацию к экстремальным условиям депортации. Как и Мухина, Дж. Массино показывает, что депортация подрывала сложившиеся гендерные представления, и женщинам для своего выживания приходилось выполнять мужские роли, не переставая заниматься традиционными женскими делами (приготовление пищи и т.д.)⁵⁹. Причем, адаптации женщин к спецпоселению способствовали и чисто физиологические факторы — они могли обходиться меньшим количеством еды, чем мужчины; женщины, как правило, не пили и не курили, лучше следили за гигиеной, многие умели шить, что позволяло им делать одежду для себя или для обмена на еду⁶⁰.

Общей чертой исследований Мухиной и Массино является использование свидетельств очевидцев, прежде всего, сведений из интервью, проведенных самими авторами. Хотя сборники интервью и воспоминаний жертв советских депортаций издавались за рубежом и ранее⁶¹, значимым событием для историографии сталинских депортаций стала публикация сборника по итогам реализации крупного международного проекта под руководством Алена Блюма, Марты Кравери и Валери Нивлон⁶². В ходе него было собрано более двухсот интервью с бывшими депортированными из стран Европы, России и Казахстана. Как справедливо отмечают А. Блюм

и М. Кравери, голоса свидетелей — больше, чем архивные документы; так как только в рассказах людей проступает все разнообразие судеб и опыта, отсылающее к человеческому измерению истории⁶³.

Естественно, современная западная историография сталинских этнических депортаций вовсе не исчерпывается отмеченными выше работами. В то же время именно они определили формирование основных концептуальных подходов к изучению советских насильственных миграций конца 1930-х — второй половины 1940-х годов. Часть историков рассматривают их как один из случаев этнических чисток, которые в изобилии встречаются в новейшей истории многих европейских стран. В этом отношении особенно выделяется Т. Мартин, который вписывает эту общеевропейскую практику в контекст функционирования советской системы, обозначаемой им как «империя положительной деятельности». Другие авторы (наиболее известен Н. Неймарк), не ограничиваясь понятием «этническая чистка», заимствуют из современного международного права категорию «геноцид» и предпринимают попытки через нее оценить политику сталинского режима. Этот подход, однако, отличаясь явной политизированностью, не находит безусловной поддержки в историографии. Наконец, все большее количество зарубежных исследователей при интерпретации принудительных миграций народов СССР обращается к социологии З. Баумана и концепции «политики населения», предложенной П. Холквистом. Апробация этих концептуальных построений на советском материале породила широкую дискуссию, разделив западных историков на две группы. Первые (Э. Вайц, О. Пол) доказывают наличие «расовой логики» в сталинской национальной политике, вторые (Ф. Хирш, А. Вайнер, Н. Верт) — оспаривают ее присутствие. При этом авторы новейших работ по рассматриваемой проблематике опираются в своих изысканиях не столько на данные подходы, сколько на методы социальной истории и исторической антропологии, стремясь придать истории депортаций более «человеческое звучание».

Примечания

1. ПОЛЯН П. Депортации и этничность. В кн.: Сталинские депортации. 1928—1953. М. 2005, с. 7, 8, 12—13.
2. CONQUEST R.W. The soviet deportation of nationalities. London. 1960; НЕКРИЧ А. Наказанные народы. Нью-Йорк. 1978.
3. КИП ДЖ., ЛИТВИН А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М. 2009, с. 12. О воздействии «архивной революции» на развитие западной русистики см. также: BLITSTEIN P.A. Researching Stalin's nationality policy in the archives. — *Cahiers du monde russe*. 1999, № 40/1—2, p. 125—138; FITZPATRICK S. Impact of the opening of soviet archives on western scholarship on soviet social history. — *The Russian Review*. 2015, vol. 74, № 3, p. 377—400; ГРАЦИОЗИ А. Новые архивные документы советской эпохи: источниковедческая критика. — *Отечественные записки*. 2008, т. 43, № 4, с. 253—275.
4. MOJZES P. *Balkan genocides: Holocaust and ethnic cleansing in the twentieth century*. Lanham. 2011, p. 6.
5. См. подробнее: ЗУНДХАУССЕН Х. Этническая чистка. В кн.: *Энциклопедия изгнаний: Депортация, принудительное выселение и этническая чистка в Европе в XX веке*. М. 2013, с. 647—651; PETROVIC D. Ethnic cleansing — an attempt at methodology. — *European Journal of International Law*. 1994, № 5, p. 342—359; HAYDEN R.M. Schindler's fate: genocide, ethnic cleansing and population transfers. — *Slavic Review*. 1996, vol. 55, № 4, p. 727—748; AHMED A.S. «Ethnic cleansing»: a metaphor for our time? — *Ethnic and Racial Studies*. 1995, vol. 18, № 1, p. 1—25.
6. POHL O. *Ethnic cleansing in the USSR, 1937—1949*. Greenwood Press. 1999, p. 1—4.
7. MARTIN T. The origins of soviet ethnic cleansing. — *Journal of Modern History*. 1998, vol. 70, № 4, p. 817—824.
8. МАРТИН Т. Империя положительной деятельности: Советский Союз как высшая форма империализма. В кн.: *Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина*. М. 2011, с. 105—106, 116.
9. См. подробнее: ЕГО ЖЕ. Империя «положительной деятельности». *Нации и национализм в СССР, 1923—1939*. М. 2011, с. 463—465.

10. MARTIN T. Stalinist Forced Relocation Policies: Patterns, Causes, Consequences. В кн.: *Demography and National Security*. New York-Oxford. 2001, p. 307.
11. Ibid., p. 308—309.
12. НЕЙМАРК Н. Пламя ненависти: этнические чистки в Европе XX века. М.-СПб. 2005, с. 150, 163—164.
13. SHAW M. What is genocide? Cambridge. 2007, p. 48, 50—54; LIEBERMAN B. «Ethnic cleansing» versus genocide? In: *The Oxford handbook of genocide studies*. Oxford-New York. 2010, p. 43—61; CONVERSI D. Genocide, ethnic cleansing and nationalism. In: *The Sage handbook of nations and nationalism*. London. 2006, p. 320—333.
14. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml.
15. MAZOWER M. Violence and the state in the twentieth century. — *The American Historical Review*. 2002, vol. 107, № 4, p. 1162.
16. LIEBERMAN B. From definition to process: the effects and roots of genocide. In: *New directions in genocide research*. London-New York. 2012, p. 4.
17. НЕЙМАРК Н. Ук. соч., с. 162—163.
18. NAIMARK N.M. Stalin's genocides. Princeton. 2010, p. 4, 23—24.
19. SHAW M. Review: Naimark N.M. Stalin's genocides. — *Journal of Genocide Research*. 2011, vol. 13, № 1—2, p. 196.
20. NAIMARK N.M. *Op. cit.*, p. 96—98, 135.
21. ГЕРЛАХ К., ВЕРТ Н. Государственное насилие — общество насилия. В кн.: *За рамками тоталитаризма. Сравнительные исследования сталинизма и нацизма*. М. 2011, с. 173.
22. ХОЛКВИСТ П. Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа в европейском контексте (1914—1921). В кн.: *Россия и Первая мировая война: материалы международного научного colloquiuma*. СПб. 1999, с. 83—100; ЕГО ЖЕ. «Осведомление — это альфа и омега нашей работы». Надзор за настроениями населения в годы большевистского режима и его общеевропейский контекст. В кн.: *Американская русистика: (Веги историографии последних лет): антология*. Ч. 3. Самара. 2001, с. 45—93; ЕГО ЖЕ. Вычислить, изъять и истребить: Статистика и политика населения в последние годы царской империи и в Советской России. В кн.: *Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина*. М. 2011, с. 139—179.
23. GLEBOV S. In the court where multi-ethnic polities are on trial the jury is still out. Interview with Zygmunt Bauman. — *Ab Imperio*. 2008, № 1, с. 19—21.
24. См. подробнее: HOFFMANN D.L. *Cultivating the Masses: Modern State Practices and Soviet Socialism, 1914—1939*. Ithaca-New York. 2011, p. 242—253.
25. ФЕРРЕТТИ М. Генезис сталинизма: авторитарная модернизация, социальное сопротивление и репрессии. В кн.: *История сталинизма: Жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий: материалы международной научной конференции*. М. 2013, с. 123—124, 127.
26. HOLQUIST P. State violence as technique. The logic of violence in soviet totalitarianism. In: *Landscaping the human garden: twentieth-century population management in a comparative framework*. Stanford. 2003, p. 23—25, 44.
27. ХОЛКВИСТ П. Вычислить, изъять и истребить: Статистика и политика населения в последние годы царской империи и в Советской России, с. 154—155. См. также: ВЕРТ Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М. 2010, с. 195—199; GATRELL P. *A whole empire walking: refugees in Russia during World War I*. Bloomington. 1999, p. 15—32; SANBORN J. *Imperial apocalypse: the Great War and the destruction of the Russian Empire*. New York-Oxford. 2014, p. 65—108.
28. ХОЛКВИСТ П. Вычислить, изъять и истребить..., с. 157—158.
29. В их число попали подданные враждебных государств, российско-подданные евреи и немцы, а также ряд других этнорелигиозных меньшинств.
30. ЛОР Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М. 2012, с. 9, 144.
31. Там же, с. 200; HOLQUIST P. State violence as technique..., p. 24.
32. WEINER A. *Making sense of war: The Second World War and the fate of the Bolshevik revolution*. Princeton-Oxford. 2001, p. 27—29. См. также: QUINE M. *Population politics in twentieth-century Europe: fascist dictatorships and liberal democracies*. London-New York. 1996.
33. WEINER A. Nature, nurture, and memory in a socialist utopia: delineating the soviet socio-ethnic body in the age of socialism. — *The American Historical Review*. 1999, vol. 104, № 4, p. 1114.
34. Ibid., p. 1129—1130.
35. Ibid., p. 1133.

36. WEITZ E. Racial politics without the concept of race: reevaluating soviet ethnic and national purges. — *Slavic Review*. 2002, vol. 61, № 1, p. 3.
37. *Ibid.*, p. 6–7.
38. *Ibid.*, p. 17–18, 23.
39. HIRSCH F. Race without the practice of racial politics. — *Slavic Review*. 2002, vol. 61, № 1, p. 37–38.
40. *Ibid.*, p. 40, 42.
41. WEINER A. Nothing but certainty. — *Slavic Review*. 2002, vol. 61, № 1, p. 47.
42. *Ibid.*, p. 50–51.
43. *Ibid.*, p. 52.
44. LEMON A. Without a «concept»? race as discursive practice. — *Slavic Review*. 2002, vol. 61, № 1, p. 54–55.
45. *Ibid.*, p. 56.
46. *Ibid.*, p. 57–58.
47. ВЕРТ Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система, с. 14, 221–222.
48. Там же, с. 221–222.
49. POHL O.J. Soviet apartheid: Stalin's ethnic deportations, special settlement restrictions, and the labor army: The case of the ethnic Germans in the USSR. — *Human Rights Review*. 2012, vol. 13, № 2, p. 208–209.
50. БАБЕРОВСКИ Й. Красный террор: История сталинизма. М. 2007, с. 11–12; ЕГО ЖЕ. Выжженная земля: Сталинское царство насилия. М. 2014, с. 19.
51. ЕГО ЖЕ. Выжженная земля: Сталинское царство насилия, с. 23–25.
52. ЕГО ЖЕ. Красный террор: История сталинизма, с. 221; ЕГО ЖЕ. Выжженная земля: Сталинское царство насилия, с. 260.
53. ЕГО ЖЕ. Выжженная земля: Сталинское царство насилия, с. 283–285.
54. Forced migration in Eastern and Central Europe, 1939–1950. New York. 2000; FROMMER B. National cleansing: retribution against Nazi collaborators in postwar Czechoslovakia. New York. 2004; GROSS J. Revolution from abroad: The soviet conquest of Poland's Western Ukraine and Western Belorussia. Princeton. 2002; The politics of retribution in Europe: World War II and its aftermath. Princeton. 2000; Redrawing nations: ethnic cleansing in East-Central Europe, 1944–1948. Lanham. 2001; ZAYAS A.-M. de. A terrible revenge: the ethnic cleansing of the East European Germans, 1944–1950. New York. 1994; См. также обзор современной немецкой и российской историографии по вопросу о массовых выселениях немцев из стран Центральной и Восточной Европы после второй мировой войны: КРЕТИНИН С.В. Массовые выселения и «изгнания» немцев из стран Центральной и Восточной Европы в 1945–1949 гг.: актуальные подходы и современное состояние дискуссий. В кн.: Миграционные последствия Второй мировой войны: этнические депортации в СССР и странах Восточной Европы: сб. статей. Новосибирск. 2012, с. 45–56.
55. MASSINO J. Gender as survival: women's experiences of deportation from Romania to the Soviet Union, 1945–1950. — *Nationalities Papers*. 2008, vol. 36, № 1, p. 71.
56. STATIEV A. Soviet ethnic deportations: intent versus outcome. — *Journal of Genocide Research*. 2009, vol. 11, № 2–3, p. 257–258.
57. MUKHINA I. «The forgotten history»: ethnic German women in soviet exile, 1941–1955. — *Europe-Asia Studies*. 2005, vol. 57, № 5, p. 730.
58. EADEM. Gendered division of labor among special settlers in the Soviet Union, 1941–1956. — *Women's History Review*. 2014, vol. 23, № 1, p. 99–119.
59. MASSINO J. *Op. cit.*, p. 57.
60. *Ibid.*, p. 67.
61. См., например: HILKES P. Germans from the former Soviet Union interviewed by professor Timothy J. Klobberdanz. North Dakota State University. 1994; HERMANN E.-M. We ate the salt of Russia: stories of people forgotten at home. North Dakota State University. 1994; HILDEBRANDT G. Why are you still alive? A German in the Gulag. North Dakota State University. 2001; SICS A. We sang through tears: stories of survival in Siberia. Riga. 2002.
62. Мир ГУЛАГа и спецпоселений: рассказывают свидетели из Центральной и Восточной Европы. М. 2016.
63. БЛЮМ А., КРАВЕРИ М. Вступление. В кн.: Там же, с. 8–9.

Contents

The political archives of the Twentieth century: **P.A. Iskenderov**. Chronicle of the Great Victory (1941—1945). Articles: **A.M. Vasiliev**, **E.A. Elkina**. Section of the Nile waters: a view through the prism of history. Historical profiles: **A.E. Kotov**, **I.V. Petrov**. Archbishop Nikolai Leysman. Contributions: **G.G. Khmourkin**. Real number of people died during the confiscation of Russian Orthodox Church values in 1922—1923; **V.A. Zubachevskiy**. Plans of the White movement and Poland in Central East Europe (end of 1918 — beginning of 1920); **V.V. Volkov**. Wages of Russian workers in the late XIX — early XX century; **P.S. Grebenyuk**. Historical-geographical images of the North-East of Russia (late XVII — early XXI century). For teacher of history: **P.A. Iskenderov**. Brest Peace in the Ring of Fronts. People. Events. Facts: **M.V. Tretyakov**. Magadan Civil Air Group Functions, 1966—1970; **E.S. Danilko**. General regularities of the penetration of Old Believers into the non-Russian environment in the Uralo-Poovje territory; **N.A. Zhirov**. Migration movement of the peasantry, the agricultural center of Russia in the late XIX — early XX centuries (according to the materials of the Oryol province); **A. Mehdiyev**. Oil Factor in the History of Azerbaijan. From history of religions: **A.A. Mashkovtcev**, **V.V. Mashkovtceva**. The Confessional Policy of the Government of Nicholas I in Relation to Old Believers and Spiritual Christians. Historiography: **A.S. Ivanov**, **N.A. Mikhalev**. Ethnic deportations of the USSR population in modern foreign historiography.

Учредитель: Искендеров Пётр Ахмедович

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор П.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, Г.А. Гребенщикова, В.Г. Кикнадзе,
М.А. Лагода, Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова,
В.В. Поликарпов, О.А. Ржешевский, А.Н. Цамутали, В.Л. Янин**

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна
Публикуемые материалы после рецензирования не возвращаются
Редакция не имеет возможности вступать в переписку
Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

«Вопросы истории» № 10, 2018

Адрес: Журнал «Вопросы истории».

Долгоруковская улица, дом 23А, строение 1, офис 211. Москва, 127006.

Телефоны: (499) 978-20-82, (499) 978-61-03. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции. Компьютерное сопровождение: *С.А. Терентьев*

Подписано в печать 25.09.2018. Формат 70x108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 900. Заказ 2465-2018. Индекс 70145. Цена свободная.

ООО Журнал «Вопросы истории»

Дорогие читатели!

**Подписку на журнал «Вопросы истории»
можно оформить
в любом почтовом отделении
Российской Федерации:**

**по Объединенному каталогу «Пресса России»
на первое полугодие 2019 г., т. 1.
Подписка проводится
Агентством «АРЗИ»**

**Подписной индекс для подписчиков
70145**

ВИ
**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**